

II

Книгоиздательство Ал. Арабидзе и К⁰

ВАЛИКО ДЖУГЕЛИ

ТЯЖЁЛЫЙ КРЕСТЪ

(Записки Народногвардейца)

Съ предисловіем Е. П. ГЕГЕЧКОРИ

«Мы живём во время большой и
трудной агоніи; это достаточно объ-
сняетъ нашу тоску.»

А. И. Герцен

*Посвящаю дорогимъ могиламъ
товарищей народногвардейцевъ*

Авторъ

Тифлисъ
Государственная Типографія

III

1920 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Тяжёлый Крест»!... Думается, что автор записок правильно озаглавил мысли, чувства и переживания, зафиксированные в этих записках. Правда, через горнило тяжёлых испытаний пришлось Вл. Джугели и его соратникам пронести знамя нашей свободы и независимого существования нашей демократии; не мало терний и шипов было на их пути; слишком много ярких и тяжёлых, по количеству жертв, доказательств пришлось дать народной гвардии, прежде чем она завоевала всенародное признание и выросла в ту грозную силу, каковой она представляется в данный момент. Но зато, как почётна и велика задача, ей поставленная, и как блестяще она выполнена!

С чувством полного нравственного удовлетворения вожди народной гвардии могут обозреть обширное поле своей деятельности. Оно вспахано любящей рукой! Не упущена ни одна пядь без надлежащей и бережной обработки, и всходы получились великолепные! Не пришло ещё время писать историю нашей борьбы: мы продолжаем эту борьбу. Но одно и сейчас можем констатировать с несомненной очевидностью: если наша демократия осталась в стороне от той ужасной гражданской войны, в огне которой погибли и погибают все культурные ценности России, если в результате Великой Российской Революции демократия Грузии отстояла свои боевые позиции, если в процессе борьбы, наряду с разрушительной стихией создавались и крепились новые демократические организации, эти аванпосты для дальнейшей борьбы за социализм, если идея социализма в пределах нашей республики не только не скомпрометирована, но на глазах у всех она практически выявляет созидательные творческие силы, заставляя умолкать клеветы представителей буржуазного мира, - во всём этом огромная доля заслуги принадлежит, конечно, народной гвардии и её вождям!

Есть в работе и организации народной гвардии один особенный момент, который мне бы хотелось подчеркнуть.

IV

Во всех революциях элемент преторианства играл большую роль. Красная армия в Советской России является наиболее ярким к тому доказательством. Но даже самые придирчивые критики народной гвардии не могут отметить в ней этот элемент!

Триумфально шествуя от победы к победе, шаг за шагом завоёвывая горячие симпатии к себе в рядах революционной демократии Грузии, народная гвардия оставалась неизменно верной строгим началам демократизма. Она как была, так и осталась тем скромным, по своим претензиям, фактором нашей политической жизни, который безграничное служение интересам народа возвёл в основной, незыблемый принцип своего существования. А сколько было в прошлом на этот счёт страхов, сомнений, а подчас и обидных заподозриваний?! И не только со стороны тех, кто занял по отношению к народной гвардии с самого начала враждебную позицию. И соблазн был велик! Но руководители народной гвардии и тут одержали блестящую победу. Победу, если хотите, более блестящую, чем на полях сражений, ибо она заключалась в том священном самоотречении, отсутствии которого создало раскол в рядах демократии России и ввергло её в пучину анархии.

«Тяжёлый Крест»!... Я понимаю, почему Валико говорит так. Это заглавие вполне отвечает тому настроению, которое доминирует в нём. Будучи безумно храбрым, десятки раз заглядывая в глаза смерти, он бросается в бой со всем пылом своего кипучаго темперамента. В моменты непосредственных столкновений он не знает колебаний. Но пусть никто не ищет в нём того специфического духа, какой свойственен профессиональным воякам. Для последних война, сражения и битвы это стихия, в которой они привыкают себя чувствовать, как в родной атмосфере. Они только и живут в такие моменты. Но тов. Валико чужд этому. Он берётся за меч лишь по необходимости, и когда уверен в правоте защищаемого им дела. «Из Тифлиса передали печальную и жуткую весть: - Пишет он (стр. 77) – в Борчалинском уезде начались столкновения между армянами и грузинами. Это

страшное известие меня глубоко печалит. Я не боюсь борьбы, но, ведь, это взаимная гибель!... Неужели будет война? Не хочется верить этому. Страшно поверить! Неужели два маленьких, несчастных, в страшных муках освободившихся народа сойдутся в смертельное бое и перережут друг другу горло?!» Страшное преступление совершилось. Разразилась война. Встал вопрос, быть или не быть нашей республике, и мы видим Валика Джугели, Алек. Дгебуадзе, Сандро Майсурадзе, Вл. Джибладзе и всю народную гвардию, как один человек, грудью ставших на защиту республики. И так всюду! За всё время существования гвардии! Автор этих строк должен засвидетельствовать, что более мирно настроенных деятелей, чем Валико Джугели, Александр Дгебуадзе и других деятелей гвардии он не знает в своей среде. Политика мирного разрешения спорных вопросов с соседями неизменно встречала в них самых ярых и энергичных сторонников. Но до грани, - когда затрагивались жизненные интересы трудящихся масс республики. Когда же противник бросал на чашу весов меч, наши борцы слетались на поля сражений, и враг получал достойный урок.

«А ведь, многие «безпочвенные интеллигенты» даже из числа товарищей – (к сожалению, есть и такие), пишет тов. Валико (стр. 75) – наверное, полагают, что к походной жизни меня влечёт авантюризм моей натуры».

Вряд ли найдётся, кто-бы думал так... Не авантюризм, а безграничная преданность интересам народа, вот что питает боевую мощь и глубокий моральный вес народной гвардии и ея вождей. Ещё не одно испытание лежит на нашем пути. Но мы можем с надеждой взирать на будущее, ибо зная нашей свободы в весьма надёжных руках.

Е. Гегечкори

НАРОДНАЯ ГВАРДИЯ

Доклад в С. Р. Д. 11-го декабря 1918 г.

Товарищи! Прежде всего я благодарю вас от имени главного штаба и всей нашей народной гвардии за те приветствия, которые вы теперь направили по моему адресу. Я знаю, товарищи, что эти приветствия, направленные по моему адресу, направлены по существу ко всей нашей гвардии, и мне, как одному из деятелей народной гвардии, кажется, что наша демократическая народная гвардия, сыгравшая определённую роль в жизни нашей демократии и в жизни нашего молодого государства, может быть достойной этих приветствий. Я вспоминаю вместе с вами, товарищи, прошлый год... Именно в прошлом году в этот день тифлисский вооружённый пролетариат ступил на решительный шаг. От успеха или неуспеха этого шага зависела дальнейшая наша судьба. Этот шаг, в той обстановке и в тех условиях, был шагом решающим. От срыва этого шага могла сорваться вся наша революция в Закавказском масштабе! Но именно потому, что этот рискованный шаг, опиравшийся на горсточку вооружённого пролетариата, по существу своему опирался на весь Тифлисский пролетариат и на сочувствие всей Закавказской организованной демократии, этот шаг не сорвался и он дал положительные результаты. Теперь наша организованная демократия имеет ту вооружённую силу, силу истинно демократическую, которая ни на минуту не выпускает из рук своего красного знамени и не выпустит его до последнего издыхания. Завтра Тифлисская демократия будет иметь возможность видеть свою вооружённую гвардию и, сравнивая завтрашние наши вооружённые силы с теми силами, которые выступили в прошлом году для занятия арсенала, нам приходится сказать, что успехи, достигнутые организованной народной гвардией, громадны.

На вооружение демократии с самого начала Тифл. Совет Раб. Депут. обратил исключительное внимание, и

VII

главным образом, одна группа деятелей этого Совета – передовые рабочие г. Тифлиса! Но так как 1905 год и реакция 1906 и 1907 годов дали нам определённо отрицательные результаты в деле вооружения групп рабочих, когда эти вооружённые группы вырождались в группы экспроприаторов и анархистов, наши передовые тифлисские товарищи с большой осторожностью и с большой опаской относились к тенденции вооружения рабочих. Они боялись уроков прошлого, которые доказывали отрицательность вооружения узких слоёв рабочего класса, и потому в первые дни революции, когда эта горсточка передовых рабочих Тифлиса и деятелей Совета заявила на заседании Совета о необходимости вооружения рабочих, - эта идея, встретив принципиальное сочувствие, практически не воплотилась в жизнь.

Но, по мере того, как с одной стороны побеждала революция, и с другой стороны, - на почве этой побеждающей революции, нарастала новая контр-революционная сила, которая хотела организовать для того, чтобы нанести предательский удар революции в спину, идея вооружения рабочих получала всё большее распространение среди советских деятелей и находила почву среди широких масс тифлисского пролетариата. Я помню знаменательный день заседания Совета Рабочих Депутатов в тифлисской городской думе, когда товарищ Ал. Дгебуадзе предложил резолюцию о вооружении передовых рабочих и передового крестьянства и конфискации имущества контр-революционеров. Эта резолюция была принята почти единогласно и теоретически с этого дня можно считать начало вооружения демократии Тифлиса и организации красной гвардии Тифлиса. Но прошло слишком много времени, пока практически эта резолюция стала проводиться в жизнь. Что же касается источников вооружения, то того оружия, которое было необходимо, конечно, у нас не было. Арсенал ещё не находился в руках Тифлисского пролетариата. Арсенал находился в руках другой части демократии, в руках Солдатского Совета Депутатов, и в то время Совет Солдатских Депутатов ещё не был объединён с Советом Рабочих и Крестьянских Депутатов.

VIII

Солдатский Совет в то время вёл свою политику и не особенно доверял Совету Рабочих Депутатов.

Первое оружие мы получили из жандармского губернского управления. Когда в первые же дни революции Совет постановил арестовать всё жандармское управление, именно тогда мы раздобыли некоторое количество вооружения, и это оружие было свезено в караульный батальон. Этого оружие не хотели тогда передавать Совету Рабочих Депутатов, ибо, повторяю, боялись плачевных уроков прошлого. Но когда Совет принял резолюцию о вооружении рабочих, этим оружием мы вооружили членов Совета, наших товарищей из среды рабочих. В это время в тифлисской советской группе образовалась маленькая горсточка товарищей, которая нашла свой первоначальный приют, в так называемой, милиционной комиссии, т.е. в комиссии для рекомендации милиционеров. Вот эта комиссия первоначально стала собирать всё конфискованное оружие. В дальнейшем эта комиссия объединяется с комиссией по охране порядке города Тифлиса и, с так называемой, комиссией общественной безопасности. Благодаря тому, что эти 3 комиссии объединились вместе, эта объединённая комиссия получила общее название Комиссии общественной безопасности. Именно в эту комиссию в первую очередь попали те товарищи, которые были не только сторонниками теоретического вооружения рабочих, но старались проводить и практически эту меру. Но повторяю, так как идея вооружения рабочих ещё не получила одобрения наших руководящих товарищей, этой маленькой группе, объединяющейся в Комиссии общественной безопасности, с трудом приходилось проводить организацию вооружения и очень трудно было достать достаточное количество вооружения. С большим трудом, с большими затруднениями этой комиссии, в которой, между прочим, работал и я, приходилось искать на всех перекрёстках вооружение. Я помню эти первые дни хлопотливого и постоянного искания оружия! Как только в комиссии получилось сведение, что в каком-нибудь месте находится один револьвер или одна винтовка, туда отправлялось несколько то-

IX

варищей и с большим торжеством и триумфом приносилось в комиссию это оружие. Таким образом день ото дня, постепенно в наших руках накопилось оружие, но оружие это ещё не распределялось среди товарищей. Мы боялись отдавать его в чьи бы то ни было руки и, как скупые, сидели над этим оружием. Я помню долгие вечера, когда эта маленькая горсточка людей, собиралась в тёмной комнате во дворце и там любовалась тем оружием, которое с таким трудом приходилось собирать. Там чистилось старое оружие, старые патроны! Каждый патрон, каждая винтовка, бережно укладывались и подсчитывались. Так тянулось довольно долго. И несмотря на все старания, мы не смогли собрать более нескольких десятков револьверов и 150 разного оружия! Перед нами стал вопрос: - что нам делать в этом оружием, как его использовать? Мы решили раздать это оружие в надёжные руки тифлисского пролетариата. Так как мы сами не решались на этот ответственный шаг, мы позвали несколько старых товарищей революционеров и долго обсуждали вопрос, как быть с этим оружием? Некоторые, наиболее опытные товарищи говорили, что этого оружия не нужно давать в руки рабочим, ибо оружие является величайшим соблазном, это оружие может увлечь эту горсточку вооружённых рабочих на совершенной нежелательный путь. Поэтому нам нужно учредить свой собственный арсенал, нужно иметь на учёте это оружие, точно также нужно иметь на учёте наших рабочих, которые в трудную минуту пойдут с оружием и в этот самый ответственный момент вооружить их. Но была и другая группа товарищей, которая говорила: если революции будет угрожать опасность, эта опасность придёт мгновенно, никого не спрашивая. Если мы, в этот самый миг величайшей опасности начнём искать свой арсенал и раздавать из арсенала это вооружение, конечно момент будет упущен и революция будет разбита. Поэтому эта группа настаивала на том, чтобы раздать это оружие по рукам. В конце концов это собрание в тёмной дворцовой комнате, где присутствовал наш старый товарищ Сильвестр Джибладзе, не дало никаких результатов и мы не пришли ни

к какому заключению. Но так как эта маленькая группа рабочих, работающая в Комиссии Общественной безопасности, всё же не хотела даром держать оружие и так как она имела надёжных товарищей среди рабочих, которые могли использовать это оружие, поэтому она на свой риск и страх решила раздать это оружие, и первую партию в количестве 40 винтовок различных систем, - русских, германских и турецких – отправили в Нахаловку. Это было 5 сентября 1917 г.! Это было нашим большим праздником, потому что, когда первую партию оружия отправили в Нахаловку, в самый надёжный рабочий район, товарищи, мы всё-таки боялись, что вступив на этот путь, не имея полного согласия и одобрения наших товарищей, что может оправдаться пророчество наших опытных товарищей, что эта раздача оружия может привести к такому же плачевному результату, как это было в прошлом, и вся ответственность за этот шаг тогда падёт на нас! Но всё таки мы решились на этот шаг, и впоследствии оказалось, что мы тогда были правы! Но, конечно, этих 40 винтовок и тех винтовок, которые мы раздобыли кустарным способом, было совершенно недостаточно для вооружения тифлисского пролетариата, и мы стали искать новых путей, более легальных и более широких для вооружения тифлисского пролетариата. Но, к сожалению, тогда мы нигде не могли найти этого вооружения. В это время к нам пришёл на помощь Центральный Исполнительный Комитет Зак. ж. д. В его складах оказалось до 300 старых берданок и винтовок; оружие это было передано нам, и мы продолжали распределять его по всем районам Тифлиса. Так. образом, составилась первый кадр, так называемый, рабочей революционной вооружённой милиции. Опираясь на этот кадр, имею уже до 200 хорошо вооружённых рабочих, конечно, мы уже более уверенно чувствовали себя, как представители вооружённой демократии.

Мы стали действовать через Исполнительный Комитет и через наш Закавказский революционный центр. Товарищи, я припоминаю очень ответственное решение; именно: на одном из заседаний Тифл. Совета Рабочих Депутатов было по-

XI

становлено одобрить план организации рабочей революционной милиции. Представителями Комиссии Общественной безопасности были избраны следующие лица: Владимир Джугели, Владимир Джибладзе, С. Птадзе, О. Шенгелия, Н. Кахиани, Александр Майсурадзе, Гахокия, Александр Дгебуадзе, З. Трапаидзе, Морозов, Корзюков. Таким образом, товарищи, в этом списке из 11 человек было 5 большевиков и один левый эс-эр. Когда составлялся такой список, мы его составляли, совершенно сознательно! Я знал, товарищи, что представители большевиков являются не только теоретическими сторонниками вооружения, но и практически проводниками этой идеи. С другой стороны, я знал, что если будут только большевики руководить этим делом, они легко могут удариться в авантюризм. Поэтому мы, работавшие в этой комиссии, старались сочетать эти два элемента, которые могли друг друга нейтрализовать и дополнять – с одной стороны, умеренных меньшевиков, с осторожностью и опаской относившихся к вооружению, с другой стороны – крайних большевиков, которые могли удариться в авантюризм. Когда сочетались эти два начала и когда объединились в этой комиссии наши товарищи-рабочие, я должен сказать, что, у нас всё протекало очень гладко. Именно, те самые большевики, которые работали в нашей комиссии, которые до конца оставались большевиками – Корзюков и Трапаидзе, оказывали нам очень большие услуги, в особенности Трапаидзе. Даже в момент наибольшего разрыва с большевиками, когда большевики объявили войну, эти товарищи старались сглаживать острые углы и всячески избегать конфликтов...

Когда практически приходилось эту работу воплощать в жизнь, когда приходилось раздавать оружие на руки, конечно, мы не исходили совершенно из фракционных соображений, а всячески старались вооружить наиболее передовых рабочих, наиболее честных рабочих, которым был далёк и чужд всякий авантюризм. В частности, лично я, хотя был целиком на стороне большевиков, с большой опаской относился к вооружению большевиков, ибо тогда уже какое-то

ХП

тайное чувство подсказывало мне, что если мы будем вооружать большевиков рабочих и эти вооружённые большевики рабочие будут преобладать, как вооружённая рабочая сила, мы легко можем стать на путь авантюризма, на путь гибели всей нашей революции. И в момент разрыва с большевиками, когда мы стали подсчитывать наши силы, оказалось, что из 400 – 500 вооружённых рабочих-большевиков оказалось только 100, и потому, что их было так мало, они не могли проявить никакой активности, они не могли создать того фермента, который окончательно взбудоражил бы и вывел на революционную арену тифл. большевитский гарнизон! Таким образом, эта комиссия в распоряжение которой было ассигновано первоначально 200 рублей и которой, в конце концов, всё же не дали автомобиля, эта комиссия работала по мере сил, и она создала ту рабочую гвардию, которую вы завтра будете наблюдать. Теперь, конечно, бюджет этой народной гвардии исчисляется не сотнями рублей, а многими десятками миллионов, и в распоряжении этой комиссии, т.е. Главного Штаба народной гвардии, находится достаточно количество автомобилей. Я сравниваю, товарищи, первые шаги в деле организации народной гвардии, вспоминаю я прошлый год, когда нам Исполнительный Комитет ассигновал 200 руб., и я припоминаю, что мы были страшно рады и очень счастливы в этот момент! Потом Тифл. городская управа отпустила в наше распоряжение 3000 руб. и мы думали, что счастливее нашей организации и богаче ея вы нигде не найдёте никакой другой революционной организации! Начав с этого малаго, по мере своих сил, комиссия сумела создать ту гвардию, которая с самого начала отстаивала интересы демократии, здесь – в Закавказьи, и сумела пребороть анархию.

Получив из железнодорожных складов большое количество вооружения, мы всё же знали, что этого оружия слишком недостаточно. К тому же, это оружие и слишком устарело, с точки зрения современной техники. Поэтому, товарищи, мы обратились через Исполнительный Комитет в Краевой Совет Солд. Депутатов. И здесь очень большую

ХІІІ

услугу оказал нам тов. Евгений Петрович Гегечкори. Он пошёл навстречу нашему желанию и с его помощью мы получили наряд на 500 винтовок и 15 000 патронов. Мы рассчитывали получить 3-х-линейные винтовки русского образца, но к сожалению, гг. генералы с ген. Лебединским во главе, которые всё ещё заседали в штабе, нам дали старья винтовки швейцарского образца. Мы и их приняли с благодарностью! Когда мы явились за этими винтовками, артиллерийская команда, уже большевитски настроенная, не хотела нам выдать этих винтовок. Когда же мы привели к ним рабочих тифл. главных мастерских и когда тифл. рабочие сказали им, что они хотят вооружиться, эта команда согласилась выдать оружие. Получив и распределив эти 500 винтовок, мы окончательно стали на ноги и начали более смело говорить с нашими противниками, которых было не мало. Так как желающих вступить в народную гвардию оказалось больше и так как вооружения всё же не доставало, и многие рабочие отказывались брать устарелые винтовки «Ветерли», нам пришлось написать новый наряд на 2 000 винтовок. Когда наш наряд прошёл все инстанции, когда он получил утверждение и Исполн. Комит. и Краевого Центра, и штаба и когда мы с этим нарядом пошли в артиллерийскую комиссию, нам не дали этого вооружения. Нам сказали, - во-первых, вы вооружаете не всех рабочих, вы не хотите вооружить большевиков, во-вторых, вооружите раньше нестроевые команды тифлисского гарнизона, а потом вооружайте рабочих! Именно тогда большевики стали особенно усердно проповедовать среди Тифлисск. гарнизона, чтобы окончательно перевести его на свою сторону, необходимость вооружения нестроевых команд. Исполнительный Комитет всех нестроевых команд вынес резолюцию, чтобы их вооружили. Автомобильные команды и все прочие нестроевые команды вынесли резолюции с требованием вооружения! Когда нам артиллерийская команда резко и определённо отказала, мы сказали. «Если вы хотите борьбы, если вы бросаете нам вызов, мы не отказываемся от этого вызова и, знаете, мы силой возьмём это оружие»!...

XIV

Мы ушли оттуда и пришли в Комиссию Общественной безопасности. Тотчас же во все районы мы сообщили, чтобы немедленно они выставили свои вооружённые силы и направили их во дворец. Когда со всех сторон подтянулись наши товарищи-рабочие и когда мы подсчитали все силы, которые должны были пойти на занятие арсенала, этих сил, к сожалению, оказалось слишком мало, - было всего 225 человек вооружённых, в то время, как Тифлисский гарнизон превышал 20 000 человек, и почти все эти 20 000 человек, были на стороне большевиков! Но так как возврата назад не было, ибо если бы мы даже не пошли на арсенал, большевики пошли бы на нас и взяли бы нас, нужно было взять арсенал, или погибнуть! Когда со всех сторон три малые команды направились на арсенал, мы сразу поняли, что инициатива находится в наших руках, и потому мы можем и мы должны победить! Большевики от конт-рев. меньшевиков, конечно, такого решительного шага совершенно не ожидали! Они растерялись и не могли мобилизовать всех своих сил и не могли сразу перейти в наступление. Мы ночью окружили со всех сторон арсенал. Тогда из всего Тифлисского гарнизона мы кое как могли набрать 30 солдат из 218 полка, несколько сот человек из груз. 1-го полка и с нами были юнкера второй юнкерской школы: - приблизительно нас было не более 500 человек. Но после полуночи эти 30 человек из 218 полка ушли от нас, солдаты первого груз. полка с разсветом тоже ушли, точно также поступили юнкера! И остались только тифлисские рабочие, которых только что собрали и которые ещё не имели обмундирования! Я помню, как эти тифл. рабочие в холодную ночь стояли на своих постах. Они страшно продрогли и окоченели, но, ни один из них не покинул своего поста! Так мы стояли целую ночь, и когда разсветло, мы поняли, что победа на нашей стороне. Мы знали, что большевики не рискнут пойти на нас, ибо они уяснили себе, что они имеют дело не только с вооружённой силой, которая заняла арсенал, но и с теми рабочими, которые стояли за спиной вооружённых рабочих, и этим мы морально разбили большевиков! И когда мы разбили большевиков морально,

конечно, в физическом нашем торжестве не могло быть никаких сомнений. Но одна группа большевиков всё же не хотела нам так легко уступить и эта группа с одним молодым вольно-определяющимся во главе, но одном грузовом автомобиле, захватив три пулемёта, направилась к нам в арсенал. Это было ночью. Здесь этот грузовой автомобиль, где было 3 совершенно готовых к бою пулемёта, которые могли бы быть в любой момент пущены в ход, был окружён нашими товарищами-рабочими, совместно с теми революционными интеллигентами, которые всё время были с нами, в частности с т. Ломтатидзе. Эти 3 пулемёта были захвачены нами! Это были те первые пулемёты, которые попали в руки народной гвардии, и эти пулемёты достались нам от большевиков!...

Когда эти пулемёты были взяты и когда с этими пулемётами были нами захвачены Николай Кузнецов и Коте Цинцадзе, большевики были окончательно деморализованы и стали посылать нам делегации и просили примирения. Когда, в конце концов, состоялось примирение, оно было на почве нашей победы, нашего торжества. После этого арсенал фактически перешёл в наши руки. 218 полк стал быстро ликвидироваться и тогда появилась страшная тяга солдат домой, и Тифл. большевистский гарнизон стал быстро таять. Через несколько дней после всего этого не осталось в Тифлисе ни одной крупной большевистской части.

Весть о взятии арсенала, где почти не было борьбы, где был убит только один солдат, эта весть о взятии арсенала быстро перенеслась на фронт и на фронте произвела большое впечатление. Взятие арсенала оберегло Тифлис от большевистских банд, дезорганизованных солдат, которые шли домой и имели желание завернуть в Тифлис, чтобы пошарить в нём. После вооружённого выступления Тифл. пролетариата, они уже не имели никакого желания заворачивать в Тифлис, ибо знали, что встретят вооружённое противодействие рабочего пролетариата. Взятие арсенала окончательно оберегло Тифлис от разгрома. И после этого мы получили 2 000 винтовок! В это время ликвидировался 218 полк и в

наше распоряжение поступило ещё 6 000 винтовок, и, таким образом в смысле вооружения мы были совершенно обеспечены.

Но мы знали, что этих винтовок совершенно недостаточно в современной войне, хотя бы и гражданской. Нам нужны были пушки, пулемёты, ибо опасность постепенно возрастала.

Я помню, товарищи, когда в первый раз в Бюро Исполнительного Комитета несколько наших товарищей очень робко поставили вопрос о приобретении наших собственных орудий, нашей собственной артиллерии, т. Ной Николаевич Жордания был не на шутку удивлён и он, улыбаясь, говорил нам: «На что вам пушки, что вы будете делать с пушками?» И теперь Н. Н. Жордания, я думаю, знает, на что нам нужны были эти пушки, как мы обращались с этими пушками и что мы этими пушками защищали (аплодисменты).

Таково, товарищи, было наше положение. Сами мы не доверяли своим собственным силам, сами мы не знали, что вооружение рабочих, вооружение революционной демократии может быть поставлено на прочную и широкую почву. Но именно в тот момент, когда мы ликвидировали солдатский российский большевизм, среди наших солдат большевизм получил распространение, и нашей народной гвардии, нашей вооружённой рабочей милиции, приходилось прилагать все усилия к тому, чтобы обезоружить эти большевистские банды. Начиная с пешаго Горийского полка, когда мы обезоружили охулиганившийся Горийский грузинский полк, до самого последнего времени, нашей рабочей милиции, нашей красной и народной гвардии, почти ни разу не приходилось выпускать из своих рук своего оружия!

Здесь я перечислю вам те походы, в которых тифлисским вооружённым рабочим пришлось принять участие.

Прежде всего, товарищи, мы направились с нашим маленьким отрядом в Гори и обезоружили там, как я сказал, охулиганившийся Грузинский полк. Затем в Кутаиси обезоружили два полка, в Душети обезоружен был конный полк, который вступил на путь хулиганства, в Телаве – 8-й полк, в

Садахло было целое сражение с татарскими бандами и, когда в момент сражения на эти татарские банды – войной пошли новые армянские банды, которые всё выжигали на своём пути, нам пришлось стать между двумя бандами и заявить армянам и татарам: «Если сейчас не примиритесь, если не прекратите эту ужасную, отвратительную борьбу между собой, мы направим своё оружие как против одних, так и против других». Таким образом, борьба и междоусобицы были прекращены с помощью вооружённых тифлисских рабочих.

Затем гвардия была направлена в Цхинвал. Вы, наверное, помните эти мрачные цхинвальские события, где были убиты дорогие наши товарищи Сандро Кецохели и Георгий Мачабели. В Цхинвалах около 2-х недель приходилось выдерживать борьбу с бандами, которые были спровоцированы большевиками. В этой борьбе мы потеряли несколько своих лучших товарищей.

После Цхинвала нам пришлось отправиться на самый тяжёлый и, быть может, самый постыдный фронт. Я имею в виду батумский фронт. Когда мы были в Цхинвалах и оперативно ликвидировали цхинвальские события, к нам из Тифлиса поступила телеграмма – в спешном порядке направиться в Батум! Но мы были далеко от железной дороги, и нельзя было так спешно мобилизоваться, чтобы вовремя поспеть в Батум. Наши части не успели подойти к Самтреди, когда мы узнали, что Батум уже пал! С этим моментом совпало возстание большевиков в Мингрелии и нам пришлось спешно броситься туда. Большевики доказывали несчастным крестьянам, что, собственно говоря, никакой войны нет, что турки не брали Батума, что меньшевики хотят завлечь крестьян в Батум, чтобы обезоружить их. Когда они узнали, что в Мингрелии собралась вооружённая группа крестьян в количестве 500 чел., которая направляется на защиту Батума, туда были посланы преступные агитаторы, вроде Шалвы Аскурава и Саши Гегечкори. Они говорили крестьянам: «Отправляйтесь в свои дома, выстраивайте свой фронт, не против турок, ибо таковых нет, а выстраивайте ваш фронт

XVIII

против меньшевиков». Вследствие этой агитации, вместо турецкого фронта мы поспешили в Мингрелию. Благодаря тому, что красная гвардия брала не только своим вооружением, но и своим моральным влиянием, нам быстро удалось ликвидировать мингрельскую анархию. Затем мы направились на батумский фронт и расположились вдоль реки Нота-неби. Но именно в тот самый момент, когда борьба разгоралась, мы получили известие о перемирии.

В это время новая преступная провокация получила распространение в Сухумском округе. Те самые большевики, которые не хотели сражаться с турками, вооружились и собрали солдат для того, чтобы завоевать Сухум. Они взяли Сухум и разбили свой передовой пост на реке Кодор, чтобы переправиться через реку и разлить преступную волну провокации по всей Абхазии и Самурзакано и далее нанести удар в сердце революции – в самый Тифлис. Нам пришлось сняться с батумского фронта и направиться в сухумский поход. Вы знаете, что этот сухумский поход наша гвардия провела блестяще. Но мы не успели ликвидировать сухумских большевиков окончательно, ибо нас вызвали в Тифлис, которому угрожала большая опасность, - турки подошли на 60 вёрст к Тифлису! Как только мы приехали в Тифлис, мы сейчас же заняли позицию вокруг него. Тов. Ахметелов, который был тогда начальником обороны Тифлиса, может подтвердить вам, что вся тяжесть обороны Тифлиса лежала на тифлисских рабочих и на тех вооружённых крестьян, которых главный штаб народной гвардии вызвал из провинции. В тот самый момент, когда мы расположились вокруг Тифлиса и укрепляли свои позиции, турки вместе с татарами повели наступление и дошли до ст. Санаин. Именно в это время нам пришлось вести совместную борьбу с немцами, о которой здесь говорил тов. Бауер от имени немецких солдат.

Я помню эти дни, ибо я тогда был в этой экспедиции. Положение наше тогда было тяжёлое, ибо нас была маленькая горсточка. Было около 500 человек народной гвардии со своей артиллерией и около 300 солдат. Наши силы

были ничтожны, в то время как окружающие нас татарские банды насчитывали тысячи. Говорили, что вместе с бандами есть регулярные турецкие части. Мы подошли к р. Храм, за которой расположились татары и турки. Мы собрались перейти в наступление, хотя знали, что это очень рискованный и ответственный шаг, что наше наступление, несмотря на весь свой революционный энтузиазм, может легко разбиться, благодаря слабости наших сил. И вот тогда показались немецкие эшелоны. Увидев их, вместе с некоторой надеждой, мы почувствовали величайшую скорбь, - нам тогда не хотелось сражаться вместе с немецкими солдатами, тогда мы относились к ним, как к недругам. Но, вместе с тем, мы знали, что без этих немецких солдат придётся очень туго, и когда по выработанному плану немецким солдатам пришлось наступать через мост р. Храм вместе с нашими регулярными частями и когда народной гвардии нужно было самостоятельно наступать с правого фланга, мы облегчённо вздохнули от сознания, что будем действовать самостоятельно и не будем находиться вместе с немецкими солдатами!

Конечно, это было тогда, товарищи! Теперь, когда произошла революция в Германии, когда народилась новая Германия, у нас другое отношение к ней. Но тогда была Германия Вильгельма, милитаристическая, страшная Германия, и тогда наша народная гвардия не хотела сражаться вместе с немецкими солдатами!

На р. Храм мы потеряли наиболее ценного, дорогого товарища Валико Шарашидзе, который являлся гордостью нашей артиллерии. Его потерял явился величайшим ударом для нашего дела, главным образом, для нашей артиллерии.

Мы ещё не успели окончательно ликвидировать Борчалинскую экспедицию, как на нас стали наступать большевики со стороны Душета. Душетские повстанцы заняли весь Душетский уезд, разбили наши регулярные отряды около Натахтари и подошли к Мцхету. Положение было угрожающее. Я не знаю, многие ли верили тогда, что мы с честью выйдем из этого положения. Я тогда часто думал: - напрасно мы в этот труднейший момент нашей жизни ввели

в правительство Н. Н. Жордания – в качестве главы нашего правительства. Но, быть может, именно благодаря тому, что во главе этого п-ства был вождь, которому мы до конца доверяли, наши ряды тесно сгруппировались, и вы знаете, товарищи, что эта борьба дала положительные результаты. Мы в продолжении одного месяца совершенно ликвидировали душетские события. Несмотря на то, что Душетские повстанцы получали подкрепление со стороны Владикавказа и вооружением, и солдатами, и артиллерией, и пулемётами, - нам удалось окончательно и на голову разбить их. Я думаю, - это одна из наиболее славных, наиболее блестящих страниц истории нашей народной гвардии.

Но я говорю, пусть никто и, в первую очередь, наша народная гвардия, не думает, что она непобедима, как вооружённая сила. Мы разбивали не только благодаря тому, что мы были сильны оружием, а главным образом, благодаря тому, что морально мы считали своё дело правым! (Бурные аплодисменты). Когда мы подходили к крестьянам, спровоцированным большевиками, когда простые рабочие показывали им свои мозолистые руки и раскрывали свою рабочую душу, крестьяне сразу начинали узнавать своих друзей и недругов. В Душетском уезде некоторые мелкие дворянчики, увидав, что народная гвардия восстановила порядок, хотели воспользоваться положением и сказали крестьянам: «Вот пришла дворянская гвардия, вы должны платить все свои повинности, вы должны платить галу». И бедные крестьяне, не понимая всего, стали платить: но когда об этом узнала народн. гвардия, она направилась к крестьянам и дворянам и заставила дворян вернуть немедленно этим крестьянам всё отнятое у них. И тогда крестьяне поняли, что гвардия не является наёмницей дворянства. Когда мы пришли в Ахалгоры, в этот центр анархии и большевизма, мы в первую очередь позвали купцов, произвели осмотр складов и когда увидели, что имеется запасы соли, в то время как у крестьян её нет, и когда узнали, что у купцов есть избыток товаров, мы конфисковали эти товары и передали в крестьянский демократический кооператив. Это, быть может,

был самый сильный, самый решительный удар по большевизму! Мы большевиков разбили не только как вооружённая сила, но, главным образом, как сила моральная! Если народная гвардия утратит эту силу моральную, если народная гвардия превратится только в вооружённую часть, конечно, в этот самый момент, народная гвардия похоронит себя.

После душетской экспедиции нам пришлось отправиться на Сочинский фронт. Сочинский фронт был для нас наиболее приятным, ибо я должен сказать – несмотря на то, что мы всегда честно и решительно боролись с большевиками и разбивали их, каждый из нас – и из руководителей, и из простых гвардейцев – всегда чувствовал в душе своей некоторый разлад. Когда мы с оружием в руках шли против большевиков, в рядах которых были бывшие наши лучшие, душевные товарищи, в рядах которых сражались некоторые передовые тифлиские рабочие, конечно, каждому из гвардейцев приходилось тяжело и они убивали в себе великую боль и великую печаль, но всё же шли на борьбу, ибо знали, что этим спасается народное дело и дело революции...

Товарищи! Когда мы направились на Сочинский фронт, против Алексева, когда против наших окопов выстраивались Алексеевские добровольческие окопы, там, конечно, разладу и печали уже совершенно не было места! Мы знали, что перед собой мы имеем совершенно неприкрашенных контр-революционеров, которые хотят вырвать с корнем революцию, и потому каждый народногвардеец чувствовал там себя гораздо легче, гораздо бодрее. Несмотря на то, что мы там стояли целых три месяца, народная гвардия на том фронте не скучала, ибо знала, что имеет перед собой злейшего противника. Очень часто народногвардейцы сами обращались к нам и говорили: «Зачем нам так долго стоять перед врагом, перейдём лучше в наступление и будем сражаться с контр-революционерами».

Товарищи, я здесь не упоминал совершенно о частичных походах, о тех походах, которые вынесла на своих плечах Тифлисская народная гвардия и особый отряд Исполн.

Комит., находившийся в отряде ген. Мазниева по Черноморскому побережью, и о тех экспедициях, которые вела провинциальная народная гвардия, ибо этих экспедиций было слишком много и перечислить их, конечно, было бы слишком затруднительно. Я перечислил лишь основные походы.

Товарищи! Вы знаете, что у народной гвардии слишком много врагов. Все враги нового строя и друзья старого режима, конечно, хотели найти те пути, с помощью которых можно было бы дискредитировать народную гвардию! Прежде всего, они пустили слух, что народная гвардия является наёмницей дворян и богачей. Но практикой, своей кровью, исполнением своего долга, своим красным знаменем народная гвардия разбила эту преступную провокацию. Потом стали утверждать, что красная гвардия является врагом солдат. Здесь опять-таки своей работой и своей кровью народная гвардия завоевала дружбу и доверие солдат, и теперь можно смело утверждать, товарищи, что если бы своевременно мы не создали народной гвардии, у нас совершенно не было бы наших регулярных солдат.

Товарищи, мы являемся врагами постоянной армии лишь в определённое время и лишь в определённых условиях. Но, мы знаем, что наше настоящее положение может быть спасено не только народной гвардией, но и регулярной армией, и эта армия должна быть демократической. Поскольку строится демократическая армия, во главе которой находится надёжный демократический командный состав, постольку наша народная гвардия будет всеми силами способствовать строительству и росту этой демократической армии.

Следовательно, товарищи, клеветают и преступно клеветают те, которые хотят посеять вражду между народной гвардией и регулярной демократической армией. Мы знаем, что наша цель одна – и армия и гвардия служит одной, и той же демократической республике! До тех пор, пока жива гвардия, пока она не выпустит из рук своих оружия, она вме-

XXIII

сте с регулярной армией будет отстаивать великие принципы демократии и интернационализма!

И именно в интернационализме наша наиболее крупная сила, сила моральная. И я лично, и все товарищи, которые работали в нашей гвардии, с величайшей любовью относились к интернационалу! И во всех наших походах вы можете видеть не только грузин-гвардейцев, но вместе с грузинами – армян, татар, русских, которые с одинаковым самопожертвованием боролись с врагами революции! Бывали такие случаи: когда приходилось бороться против татар, в передовых наших рядах против татар боролись наши народно-гвардейцы татары. Когда приходилось бороться против каких-нибудь элементов национальных, элементы той же национальности в нашей гвардии, без колебаний участвовали в бою. Таким образом, мы не знали в своей среде ни эллина, ни иудея. У нас была одна объединяющая идея, идея человеческая, одна рабочая демократическая, всечеловеческая цель! И вокруг этой цели, без различия национальностей, на почве интернационала, мы все объединялись! Это давало блестящие результаты.

Я верю, что в дальнейшем интернационализм в наших рядах не только не будет ослабевать, но он будет той основой, на которой будет расти наша демократическая революционная гвардия. (Бурные аплодисменты).

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

20-е декабря 1908 г. Петербург.

...Людей давит и угнетает окружающая обстановка реальности. Скучно-серая недотыкомка вечно юлит и скулит перед нами. Сцепление явлений, сцепление вещей, сцепление людей – всё это окутано мраком неизведанности, всё это враждебно озирается на человека. Мир сущий, мир реальный весь одухотворён большой тайной, чудом. И очень часто эта тайна жизни так некрасива, она так пригнетает «царя царей», так играет им и издевается, что человеку приходится стать спиной к реальности и искать новой жизни. И растерявшийся человек спешит заменить нераскрытую тайну жизни, чудо ея – тайной воображения, чудом мечты. Особенно резко и остро проявляется это искание нового чуда, новой, потусторонней жизни в моменты общественного надрыва, в тяжёлые моменты общественно-экономических кризисов и увяданий. Когда социально-политический горизонт реальной жизни заволакивается безпросветной пеленой свинцовых туч, когда всё юное, яркое и живое или беспощадно побивается, или-же остаётся в жуткой неподвижности и оцепении, словом – когда действительность перестаёт улыбаться ясной и манящей улыбкой, - разочаровавшемуся человеку приходится создавать фикции, приходится отворачиваться от сущаго мира и творить для себя новый мир мечтаний и грёз...

С другой стороны, - когда господствующий класс, пройдя все этапы своего яркого дня, склоняется к закату, когда он достиг последних вершин своего социального бытия, дальше которых уже некуда идти, - этот класс уже не ищет новых горизонтов и нового восхождения. Он старается испить чашу жизни до дна! И потому старый лозунг отмирающей аристократии: «После меня хоть потоп!» - становится символом веры этого общественного класса. «Лови все сладости жизни, лови моменты упоений, служи только

своему Богу, своему я!» - постоянно слышали мы из среды этого класса...

Но мы воспитывались на суровых принципах общественного долга, нас учили приносить себя в жертву общему благу, и наши учителя не раз обагряли святой своей кровью жестокие мечи палачей. И теперь предлагают нам отказаться от яркой, героической, кровью возвращённой традиции долга! Нам говорят: «Не я должен, а я хочу». Да, это блестящий, яркий красивый принцип и он должен приводить к такой-же богатой, яркой жизни. Это наш принцип! Но мы говорим: я хочу свести небеса на землю, хочу завоевать рай на земле. Я хочу стать Богом жизни, хочу уничтожить господство человека над человеком, господство вещей над людьми. Я стремлюсь к полной жизни. И вдали я замечаю яркие лучи этого жизненного переполнения, я устремляюсь к этим лучам. Но меня связывают цепи, цепи общественной несправедливости, и я стараюсь разбить их. Зачем возноситься на небо, когда я живу уже здесь, на земле. Для меня мир существует постолько, поскольку я приемлю его, обнимаю, вмещаю в себя. И вся задача моя по отношению к себе сводится к безпредельному расширению этой вместимости, этого познания. И я стараюсь раскрыть мир, проникаю во все тайники его и верным ударом своего опыта, убиваю чудо. В этом – жизнь! Но лично я очень слаб, изолированность – мой злейший враг, поэтому я пользуюсь чужой силой, чужим познанием, чужим опытом. Я вхожу, как часть, в социальную среду и вхожу только потому, что иначе невозможно жить, потому что я хочу служить себе. Моё индивидуальное поле зрения ограничено – я расширяю его коллективным знанием. Моя изолированная сила слаба – я умножаю её социальной мощью. Мой индивидуальный мир очень беден, и я обогащаю его великой суммой общественной жизни! Но я не хочу быть вампиром, который только пьёт кровь. Я стараюсь свои бедные дары приносить на алтарь восходящей общечеловечности. Я обогащаюсь, чтобы обогатить других! Это вновь обогащает меня. В это «моя мораль»! Если наш век так боится слов «долг, должен, жертва», то я не стану

употреблять их. Я просто говорю: не сознание долга, а лишь верная оценка и правильный учёт! Я служу себе, я часто воскурю фимиам своей личности, но служа себе, я прежде всего служу обществу, ибо только в обществе кроется моя сила, моя красота, моя гордость. Только в обществе и через общество человек поистине становится царём-царей!

Но к обществу я не подхожу как к чему-то мёртвому, неделимому. Своим анализом я стараюсь раскрыть его, познать. И в современном обществе я начинаю познавать все начала. Я вижу верхи и низы, я замечаю его внутреннюю борьбу! Я начинаю понимать стихийный анархизм современности. И из анархии я стараюсь создать гармонию, из необходимости хочу создать свободу. И я борюсь! И в этой борьбе я нахожу свою свободу, своё освобождённое «я»... И в этой борьбе за конечную свободу и последнюю гармонию я иду рука об руку с тем общественным классом, который стремится к максимуму жизни. И опрокидывая препятствия, разбивая их, я творю свободу человека. Свою собственную свободу!...

5-е января 1909 г. Петербург.

Настроение упорно-суровое, замкнуто-бодрое... Читал сегодня Карлейля. Он учит поклонению героям. Какое раболепие! Какое безкрылье и какая крылатая фразеология. Учит преклонению, учит поклонению, учит рабству, что хуже этого?! Нет, надо учить всех быть героями и надо творить условия для этого. И сколько ненависти во мне к современному извращённому индивидуализму, к аристократическому культу личности! Эти господа жиреют на падали. С ними беспощадная борьба! Да, беспощадная...

«Падающего толкни!», - учите – вы, сытые! - Возседая на толпе, питаюсь ея кровью, вы презираете её. Как бесконечно счастлив был бы я, если бы у этой толпы, у этих падающих – хватило сил, чтобы увлечь и вас и меня в своём падении! Да, с вами борьба, непримиримая борьба, господа «гипербореи»! Ведь мы ещё встретимся?! «И по вашим

XXVII

могилам мы будем шагать!»! Пролог может начаться завтра...

3-е апреля 1909 г. Петербург. Ночь.

Если нельзя несчастных сделать счастливыми, то нельзя-ли счастливых сделать несчастными... Ведь это тоже равенство!...

9-е марта 1917 г. Тифлис.

Совершается великое, творится чудо. Сегодня состоялась грандиозная манифестация артиллеристов. Говорили речи, много речей. Я выступал два раза от имени Исполнительного Комитета. Трибуны нам заменяли орудия. Но во мне нет былого восторга: точно я не верю в победу, боюсь за неё. И как странно! Творится великое чудо, народ осуществляет свою вековую мечту, но народ не снимает траура, не наряжается в яркие цвета. Может, причина этого – мировая война... И нет бурного восторга, мало энтузиазма. Революция эта почти без песен, почти без крови, почти без борьбы. В этом её сила и её слабость. Вернее слабость.

22-е мая 1917 г. Тифлис. Утро.

Вчера на меня с ожесточением набросились товарищи-большевики. Я пришёл на их собрание. Их раздражала моя простота, мои вопросы. Я говорил: всякая тактика должна исходить из учёта реальных общественных сил. Присутствие многомиллионной вооружённой армии связывает нашу тактику, ибо нет полного доверия к так называемой революционной армии. Я плохо верю в солдатский большевизм. Нужно во что бы то ни стало ликвидировать войну, демобилизовать армию и вооружить пролетариат и передовое крестьянство. Народ сознательно должен взять в свои руки власть. И тогда мы заговорим не о национализации земли, а

XXVIII

о национализации всей промышленности, т.е. о социализме...

Большевики с большим недоверием начинают относиться ко мне.

5-е ноября 1917 г. Тифлис.

Горе! Горе всем нам. В Петербурге происходят грандиозные события, и я весь на их стороне. Но я решительно против местных большевиков, которые хотят раскола внутри нашей организованной революционной демократии! И вчера они раскололи её. Они ушли из Исполнительного Комитета. Это меня возмутило и я жестоко обрушился на большевиков, в частности на Николая Кузнецова. Начинается борьба. Тяжёлая страшная борьба. И мы вместе погибнем.

Гибнет демократия...

16 февраля 1918 г. Тифлис.

Был на «Снегурочке». Прощальный бенефис Сабанеевой. Я теперь редко, слишком редко бываю в театре. Времени нет. Я весь отбился от «культуры» и целиком ушёл в революционную военщину. Вспоминается старое: Петербург, сёстры, друзья! Как всё это далеко и близко вместе с тем. И как много времени, как много событий с тех пор! А мой любимый дневник молчит. Давно молчит. Теперь он должен вновь заговорить...

Я верю в свою звезду... Меня очень любят дети и собаки. Это хорошо!...

25 февраля 1918 г. Тифлис.

Вчера, вечером, вернулся из Телава. Вернулся физически и нравственно разбитый. Я тотчас-же бросился на кровать и только теперь встал. Сейчас я спокоен, почти спокоен. Оглядываюсь на пройденные события и успокаиваюсь. Позавчера в этот самый час я был в бою. Пули так и свиста-

XXIX

ли. Мы обезоруживали 8-й грузинский полк. И сражение длилось около трёх часов. Это уже четвёртый грузинский полк обезоруживается Тифлисской Красной Гвардией. Боже! Как охулиганились эти несчастные солдаты.

В Телаве со мной были Датико и Шалва. Шалва и теперь там с маленьким отрядом. Присутствие друзей меня радует, ободряет...

В бою был убит наш славный, неустрашимый Жоржик Мирзоев и ранен старый рабочий Леван Ласарашвили. Леван с первых же дней с нами. И бедный, дорогой Жоржик тоже неотлучно был с нами...

Неужели нам и впредь придётся сталкиваться с охулиганившимися полками? Как тяжело всё это. Тяжело, ибо в них видишь заблудившихся друзей своих. А без крови не обходится. Я всё время избегал крови и это мне почти всегда удавалось. Но в Телаве уже не удалось. Это первые жертвы Красной Гвардии.

Лично я, участвуя во всех походах Тифлисской Красной Гвардии, ещё ни разу не стрелял во время боя из своего великолепного карабина. Не хочется мне убивать людей... Но вчера нам пришлось разстрелять трёх преступников. Это наш первый разстрел. Их разстреляли у Телавского вокзала, на глазах у всех. И они упали, как подкошенные. Другого выхода не было. Мы не могли найти! Чтобы убить идею самосуда, надо было разстрелять преступников. А преступников судила вся Гвардия и представители телавских революционных организаций...

Спасая целое, приходится убивать часть! Оберегая многое, приходится отсекал малое! Оберегая общество, приходится иногда убивать личность! Я был сознательным сторонником разстрела, но самый факт разстрела произвёл на меня потрясающее впечатление: весь день я был совершенно разбит. Но теперь я вновь бодр. Я хочу быть твёрдым и решительным. Защищая интересы революции, я не буду знать колебаний.

Да здравствует Великая Российская революция и вечный покой всем жертвам ея!

28-е февраля 1918 г. Тифлис.

Печальная, хмурая годовщина Великой Российской революции. Сегодня мы вывели почти всю Красную Гвардию, и я был с ней. Говорили речи: Карл Чхеидзе, Исидор Рамишвили, Евгений Гегечкори, Войтинский, я и др. Настроение было бодрое, верующее. С песнями и знамёнами дефилировали по городу. И в заключение дня – печальная, трагическая новость: Эрзерум взят турками! Итак, новая война. Но мы ведь не хотели войны?! Ведь мы так мучительно и честно стремились к демократическому миру?! Но они нас хотят сделать рабами. Мы погибнем, но не будем рабами. И мы победим!

28-е февраля 1918 г. Тифлис.

Перечитываю старья страницы моего дневника. Читаю письма далёких, далёких сестёр и друзей. Что с ними, где они? Так хочется видеть их, обнять...

«Сказка моя весенняя». Да, это была чарующая, несравненная сказка. Лучезарная, чистая, вершинная любовь! И как высоко мы умели взлетать!

«Горите, горите, Володя!» Писала мне Клавдия. «Горю, горю, со всех сторон горю». Быть может скоро догорю весь. А как хочется жить! Как люблю я светлую, ясную жизнь и как верю в неё! Ради нея я с восторгом сгорю... Я верующий и с верой умру! Если вспыхнет война, я весь уйду в неё. Я не переживу позора нового порабощения, нового унижения и уничтожения всей страны. Мы хотим быть счастливыми и гордыми.

Хотим и можем!

4-е марта 1918 г. Тифлис.

Эти дни у меня тяжёлое, траурное настроение. Эти дни мне хотелось одиноко плакать, чтобы никто не видел слёз моих. Эти дни я весь был разбит. Причина? Их было много. Наступление турок, полная дезорганизация национальных войсковых частей, тяжёлая рана дорогого Шалвы, разстрел 12-ти преступников в Вакэ, смерть бедного, маленького Датиго, хулиганизм большевиков, Сухумские события, неизвестность о судьбе родных! Вот все эти причины. Но теперь настроение проясняется: Шалва чувствует себя хорошо, разстрел 12-ти был одобрен всем Советом Рабочих Депутатов и наступление турок, кажется, будет остановлено... И как странно! Когда-то я был искренним другом турок, а теперь я их злейший враг. Времена изменились! Да, я всегда горячо любил и жалел дебную Турцию, которую рвали и терзали со всех сторон. Я ненавидел итальянцев за их Триполитанию, ненавидел Балканские государства за разгром Турции и помню, когда пришла весть о падении Адрианополя, я удалился на взморье и в великой тоске провёл там день. И весь день я ничего не ел. Я оставался туркофилом и за время мировой войны, ибо я знал, что разгром Турции равносителен гибели Востока. И потому стонала моя душа от турецких неудач. Но когда вспыхнула великая революция, когда мы выковали новые, возвышенные лозунги мира, когда Российская революция отсеклась от всяких захватных целей войны, я стал пламенным патриотом Российской революции. И теперь душа моя беспомощно тоскует от внутренних и внешних неудач Российской революции. И я до конца, до последнего вздоха, до последней капли крови буду охранять Российскую революцию... Ожидается грозная, ужасная война. И я с мольбою говорю: «Господи, если возможно, пусть минует нас чаша сия». Но если это невозможно, мы испьём чашу до дна и возродимся к новой, счастливой, светлой жизни! Через горнило величайших испытаний, через очистительный огонь тяжёлых жертв, окрепнет великий дух освобождённой демократии и умножатся, сомкнутся ряды ея.

30-е марта 1918 г. Тифлис.

Чаша испытаний, величайших несчастий не миновала нас! Возгорелась новая, ужасная война. Война с Турцией! Сегодня на вокзале я видел целые толпы беженцев. Завтра я с товарищами выезжаем на Батумский фронт.

Мы только вчера приехали из Цхинвал. Выехали мы туда вместе со славной нашей гвардией 19-го марта. Прямо из Садахло. В Садахло мы сражались с татарами. С тех пор мы в непрерывных боях. Мы кое-как ликвидировали печальную, тяжёлую Цхинвальскую трагедию. Мы торопились в Батум. Позавчера я сам выехал вместе с Андрo Чиаберовым и Георгием Гагроевым на народный митинг и там на митинге я записал следующее: «28-го марта. Мсхлеби. «Мало прожито, много пережито». С 20-го я всё время нахожусь на военном положении. Участвовал во многих битвах и, несмотря на «победы», мне всё время было тяжело. Грустен я и теперь. Происходит грустнейшая и гнуснейшая трагедия. Воюем с спровоцированным, с обманутым, с несчастным крестьянством, руководимым бывшими стражниками и хулиганствующими интеллигентами. Вандея?! Нет, более сложное, печальное и худшее! Сейчас мы на сходе осетинских обществ около Джава. Бедные, обманутые крестьяне! Как я люблю их и как мне их жаль. «Любя убить». Но быть может больше не придётся убивать?! Кажется нам всё это удастся ликвидировать мирно. Скорее же! Нас уже зовут в Батум. Там ждут нас более серьёзные, кровавые и тяжёлые события. Я спешу туда и верю».

Да, мы ликвидировали Цхинвальские события, и народ понял нас. Теперь мы спешим на выручку Батума. И мы всего себя отдадим на пламенеющий алтарь свободы и отечества. А наши националисты нас обвиняли в нелюбви к родине. Особенно во мне они отрицали эту любовь! Но мы всегда были большими патриотами своей маленькой отчизны! Я любил и люблю Грузию пламенно, нежно, свято. Как жених свою возлюбленную! Но об этой любви я не кричал на всех

XXXIII

перекрёстках. Теперь мы и жизнью и смертью докажем эту любовь...

Я вновь верю. Верю ещё глубже, ярче в наше торжество, в наше светлое, свободное будущее.

Я верю в звезду!...

Т я ж ё л ы й к р е с т ь

(ЗАПИСКИ НАРОДНОГВАРДЕЙЦА)

1. Война с Турцией.

1-го апреля 18 г., ст. Мцхет.

Из Батума – ужасные вести!...

Быть может, крепость уже сдана... А мы ещё вчера так гордо решали войну и вчера же так восторженно встречал меня сейм – как представителями красной гвардии! И я был горд и самоуверен!... И как презираю себя я сегодня. как стыдно за вчерашний восторг!... Сейчас мы в поезде. Н. Н. Жордания, Ир. Г. Церетели, Ал. Дгебуадзе и Вл. Мгеладзе едем к Батуму. Мы все вооружены, хотим быть самоуверенными, но печаль покрыла наши лица и разговоры мрут... Но мы хотим верить и робко верим. Скорее в Батум – на оборону!...

2-го апреля 18 г., Самтреди.

Гибель надежд... Всех надежд. 1-го взяли Батум... Позор несмыаемый! Хочется уйти от этого горя и позора – хочется умереть... И стыдно за народ – за этих трусливо бегущих, несчастных солдат и совершенно растерявшихся начальников. Здесь скопилась масса беженцев, положение их ужасно. Всё меркнет кругом и нет уже путеводной звезды. Тяжело и больно видеть наших вождей... Их сломила тяжесть великого горя...

3-го апреля 18 г. В поезде. Из Самтреди в Нотанеби.

Настроение ужасное. Теперь несколько лучше. Пробивается робкий луч надежды. Втягиваемся в работу, организуем

борьбу. Ростим надежду, а веры нет! Неужели всё погибло?! Неужели наш народ только трусливый раб?!

Тяжело, больно, жутко. Гаснут огни. И вновь загораются. Робко... Как будто бы народ под ударами тягчайших событий стал пробуждаться... Хорошо!...

4-го апреля 18 г., Самтреди.

Ясное, доброе утро. Но будет-ли добрый день?... Воскреснут-ли мечты?...

Вчера ездили в Нотанеби вместе с Жордания, Церетели и со штабом. Нотанеби наша последняя станция. В Кобулетах уже турки. Думаем укрепиться, готовимся к этому, но позволит-ли неприятель?

А тут ещё новое несчастье – так назыв. «большевизм». Мой Сухум уже во власти большевиков, а в Мингрелии они постепенно нагледут. Турки и большевики. В этот роковой и тягчайший час большевики наносят нам удар в спину. Это – внутренние враги демократии. И жаль несчастную демократию, до боли жаль... Хватит-ли у нея сил и самопожертвования? Злая история задала ей тяжёлую, роковую задачу. Сумеет ли она разрешить её, или же погибнет под бременем ея?...

4-го апреля 18 г., ст. Абаша.

Опять несчастье: вместо внешнего фронта, попали на внутренний!...

Здесь, в Мингрелии под видом большевизма подняла голову анархия, контр-революция и турецкая агентура. И в какое время? Когда враг не перед воротами, а уже могучей молной вторгся в наши ворота...

Это самая гнусная, самая низкая измена. Здесь не должно быть пощады!...

Завтра приступаем к решительным, быстрым действиям, нужно как можно скорее ликвидировать эту измену, чтобы во-время поспеть на фронт. Большевики раз уже нанесли нам удар в спину: - это было в Цхинвалах. Цхинвальское

возстание, во время которого были убиты наши лучшие товарищи – Сандро Кецховели и Георгий Мачабели – помешало нам поспеть на выручку Батума. Правда, мы не могли спасти Батум, ибо Батум уже был обречён, но мы могли там умереть, могли показать, как надо умирать... И теперь мы не видели бы этого тягчайшего позора и безграничного народного несчастья...

Необходимо скорее разбить преступные банды.

Во главе этих банд стоят бывшие стражники, бывший сельский писарь Очигава, бездарный Шалико Аскурава и шантажист Миша Гегечкори. С кудрявым Шалико я сидел в Метехском замке по одному процессу: по процессу большевиков. Это было до переворота и тогда я был решительным большевиком, хотя фракционером никогда себя не считал. Разгон Учредительного Собрания окончательно оторвал меня от зарвавшегося большевизма и я стал просто социал-демократом...

Да, Аскурава сидел по большевистскому делу, но сверх этого, он привлекался ещё за хранение подложных бланков и печати для изготовления свидетельств об окончании городского училища. Глупый, некультурный мальчишка, который подобно гоголевской девочке толком не знает «где право – где лево». И он теперь мой противник, и его слушают несчастные одураченные крестьяне. «Всё это было бы смешно, когда бы не было так грустно».

6-го апреля 18 г. Бандза. Утро.

Воровская столица Мингрелии. Так, по крайней мере, поётся в песнях...

В Бандзу мы вступили без выстрела, хотя нас уверяли, что в Бандзе повстанческий штаб. Население по пути нашего следования страшно запугано; многие дома почти опустели, вся мужская молодёжь исчезла. Это – плоды большевистской провокации: убедили крестьян, что мы идём с огнём и мечём. Преступники и лжецы!... Мы с исключительной бережностью относимся к крестьянам, и крестьяне скоро поймут нас...

Отряд Вл. Джибладзе наступал со стороны Ново-Сенаки с боем. Противник укрепился в накалаковской крепости и его пришлось выбивать артиллерией. Владимир ещё не вступил в Бандзу, но его орудия уже умолкли. Очевидно, повстанцы бежали. Погода грустная, хмурая. Вечером был ливень, и мы до ниточки промокли... Сегодня надо ликвидировать эту гнусную историю.

Мартвили-Новогалеви. :-го апреля 18 г. Вечер.

В 2 час дня вступили в живописную деревню Мартвили.

Около Мартвили наши конные разведчики были обстреляны бандой. Артиллерист Валико Шарашидзе мгновенно выкатил орудия на позицию: «Наведи по будке!», - раздалась его резкая команда.

«Трубка столько-то, прицел столько-то» - и затем моя любимая команда: «Огонь».

Будка разбита и после нескольких шрапнелей банда бежала.

В Мартвили мы устроили народный сход – разъяснили крестьянам цель нашего прихода и смысл происходящих трагических событий. Призывали молодёжь на фронт. Нас слушают глухо и тупо. Народ сбит с толку и запуган «большевикообразными» дезертирами. Провокаторы убедили народ, что никакой войны нет, что турки и не думали наступать на Батум, что лишь меньшевики обманом хотят согнать вооружённую молодёжь в укрепления Батума и там обезоружить. В одном месте даже собрались несколько сот вооружённых молодых людей для следования на фронт, но большевики их не пустили...

Сегодня ездили в знаменитый Мартвильский монастырь. Замечательная старина. И какой чудный, живописный уголок! Я долго любовался пейзажами с высоты монастырской горы. Но в душе разлад и тревога: нет уверенности в завтрашнем дне. В этих условиях трудно наслаждаться красотой. Хочется в более спокойное время побывать в этом поседавшем монастыре.

8-го апреля 18 г. Бандза. Полдень.

Вернулись в Бандзу. Из Мартвили вчера, утром, мы развёрнутой колонной выступили на Инчхури и со всех сторон охватили эту бедную, горную деревню. Повстанцев не удалось захватить: они заблаговременно ретировались. Трусы!

В Инчхури мы созвали большой митинг. Я заблаговременно предупредил нашу артиллерию дать несколько выстрелов-перелётов в момент открытия митинга. Не успел я взобраться на церковную изгородь для произнесения речи, как загрохотали выстрелы, и со злобным, яростным свистом пролетели над нами снаряды. Толпа шарахнулась и притаилась. Впечатление было огромное! Я быстро успокоил толпу...

Смешно и грустно! Беда, когда приходится прибегать к подобным импровизациям. Несчастье, когда идею обороны страны и революции приходится вдалбливать орудийными залпами!... Народ в этом районе беден, тёмнен, запуган, обманут и недоверчив. Он слушает нас, делает вид, что верит, даёт обещания, но лишь для того, чтобы не выполнять их. «Лучше слушаться этих, ибо у них пушки, а у тех только винтовки», - шептал один крестьянин. Этим было всё сказано. Да, таковы дела!

Походом на Инчхури я воспользовался, чтобы повидать абашский водопад. Об этом водопаде я много слышал, много мечтал и давно, давно собирался туда. И наконец, мне это удалось! Но в какой обстановке! Когда мы шли развёрнутой цепью и со всех сторон ожидали засады! И несмотря на это, я наслаждался исключительной красотой водопада! И я вновь мечтаю об этом водопаде. Мечтаю и жду...

А у Нотанеби идёт бой. Вянут мечты...

10-го апреля 18 г. Под Озургетами. Вечер.

Настроение среднее, вернее скверное... Сегодня был большой бой под Озургетами. С раннего утра мы повели энергичное наступление на Озургеты и рассчитывали его за-

хватить. План наступления был разработан ген. Мазниевым. Сущность его заключалась в единовременном трёхстороннем наступлении и охвате Озургет. Основную колонну, наступавшую со стороны Нотанеби вел полковник Кониев, в центре стоял отряд Гедеванова, а со стороны Насакирал должен был двинуться полковник Сумбатов. Тифлисская красная гвардия стояла в резерве.

План был хорош, но он был скверно выполнен. Между наступавшими колоннами не было никакой связи и в то время, когда колонна полковника Кониева энергично наступала, другие две колонны, не будучи заранее осведомлены о времени начала наступления, спокойно стояли на местах. Благодаря этому блестящий план блестяще провалился. И теперь мы вновь у разбитого корыта: стоим на старых позициях.

А ведь ещё утром, мы так самоуверенно и гордо двинулись вперёд! Тогда же подо мной упала лошадь, я сильно ушиб руку и невольно подумал: скверное предзнаменование! К несчастью, я оказался прав...

Я всё более начинаю терять надежды, гибнут мечты. Я вступил в революцию со светлыми, яркими грёзами, а теперь борюсь почти без надежд, с кровавой, незаживающей раной в душе.

Народ меня разочаровал, его тупое равнодушие убивает мой верующий идеализм... Даже в этой оборонительной святой войне народ не всколыхнулся, не стал на защиту своей революции и своих последних надежд. Нет никакого подъёма, отсутствует всякий энтузиазм. Точно всё притупилось, всё в нём заглохло. Вековое рабство убило в народе живую душу и он не в силах понять и ощутить свободу...

«Рождённый ползать, летать не может». Вся буржуазия и дворянство, даже мещанство равнодушны к судьбам страны. Буржуазия поразительно пассивна: она даёт денег, не организует никакой помощи фронту! Лишь передовые рабочие и сознательные крестьяне поднялись на защиту страны и революции, да и то не дружно. К тому же этих так мало, слишком мало.

Масса слишком пассивна, она спокойно взирает на свой тяжкий позор и лишь глухо, беспомощно стонет.

И сорвалась, провалилась оборона. А оборона была возможна! Блестящая, победоносная оборона...

Но теперь всё погибло. Тыл окончательно дезорганизован, фронт изнервничался, всё расхлябано... И нарастает скептицизм, который влечёт к могиле... Странная тревога овладевает душой... Во мне происходит перелом, но слома ещё нет: всё ещё светится в дали огонёк.

Сегодня, утром, мы на конях выехали на разведку в направлении Озургет. Был уже жаркий бой и мы постепенно приближались к огню. На девятой версте турки нас обстреляли пулемётным огнём с левого берега Нотанеби. Мы ответили оружейным редким огнём... Потом мы поспешили к резерву, чтобы вместе с ними ринуться в бой. Но нас ждало глубокое, тяжёлое разочарование: в дороге нам сообщили, что Евгений подал в отставку и что образовавшийся новый кабинет Чхенкели предложил туркам перемирие к пяти часам пополудни. Меня точно обухом по голове ударили. Я поскакал к Мазниеву. Он тоже был смущён и омрачён. Мы на фронте не хотели и не хотим перемирия... Отставка Евгения меня опечалила, ибо я его ценю, как политического деятеля, и люблю, как человека. Создаётся замкнутый круг – из которого нет выхода: я всею душой против перемирия, но вместе с тем, ясно чувствую нашу неспособность к борьбе. Трагедия... Но это лучше комедии...

Меня экстренно вызывают в Тифлис. Зачем?... Вчера я ходил на Чолок и видел там очень много турецких трупов. Это поработали горийская гвардия, отряд Исполнительного Комитета и броневик №4. Трупы уже разлагаются и среди погибших много персиян. Я никогда не видел такой массы трупов, и стонала душа. Какое несчастье война, как она неизбежна подчас! Вот и теперь мы в разорённом доме и все дома и деревни кругом опустели. Как жаль мирное население, которое более всего страдает и с той и с другой стороны.

Сейчас я в санитарном отряде. Наши сёстры хорошие работницы. Их следует уважать.

17-го апреля 18 г., ст. Белагори

Возвращаемся из Тифлиса на позицию. Настроение в Тифлисе скверное, тяжёлое. Меня встретили там тепло, но мне было стыдно, ибо я чувствовал себя побеждённым. В Тифлисе трудно и нудно жить. Едем организовывать оборону. На позиции легче душе, там больше самообмана... А это лучше...

4-го мая 18 г. Поезд.

Едем в Ланчхути. Друзья мои спорят о красоте и как-то странно слушать эти споры. Александр совершенно отрицает и хоронит её. Другие не разрешают ему этих торжественных похорон. И как-то странно подумать, что эти оживлённо, безпечно спорящие люди, тесно сбившиеся в маленьком купэ служебного вагона, в большой степени могут влиять на развёртывающиеся события...

Уже окончательно решено нам ехать в Сухум – отвоёвывать его у большевиков. Надо торопиться, ибо создалось угрожающее положение. Большевики укрепились на правом берегу Кодора и каждую минуту готовы переброситься на левый. Если это им удастся – прощай революция, прощай оборона!

Трудно и больно расставаться с фронтом, ибо мы уже привыкли к фронту, а фронт привык к нам. Присутствие тифлисской красной гвардии несколько успокаивает народ. Уход с фронта похож как будто на бегство, но он необходим, прежде всего, для самого фронта, ибо торжество большевистской анархии равносильно полному разложению фронта...

На-днях штаб тифлисской гвардии объездил весь наш фронт – от Нотанеби до Шемокмеди. Я видел бедную, поруганную Гурию!... Она похожа на обезбещенную красавицу... Бедная, несчастная, но гордая и прекрасная Гурия!...

С Шемокмедского монастыря открывается чудный вид на долины Батума и Нотанеби. В бинокль мы наблюдали Озургеты и видели одиноко бродящих аскеров...

Это они нас победили! Какой позор...

2. Сухумский поход.

6-го мая 18 года, поезд Чаладиди.

Едем большим эшелоном в Поты. Едем в Сухум опять на несчастный внутренний фронт...

Вчера была печальная, грустная пасха на позициях... Шёл сильный дождь, и люди мокли в грязных окопах... И почти никто не вспомнил этих молчаливых героев, готовых принять и отразить удары врага. Лишь кутаисские женщины и тифлиские рабочие вспомнили фронт и порадовали его своими скудными дарам. А где-же так называемое общество? Где вы – наши большие патриоты и буржуазные женщины, которые умели так рабски усердно служить самодержавному фронту?! Или вы привыкли быть лакеями самодержавного царя, но не хотите, не можете быть друзьями народа?

6-го мая 18 года. Поты. Вечер.

Сегодня наш штаб выезжал в Очемчиры на катере «Румыне», но шторм вернул нас обратно. Энергично готовимся к Сухумской экспедиции. Этот поход занимает меня сложностью привходящих обстоятельств и своей политической стороной. Придётся выказать большой такт, ибо население спровоцировано, а у большевиков есть пушки, пулемёты и много людей... Знаю, что всё это добро попадёт в наши руки...

7-го мая 18 года. Море.

Едем на маленьком катере «Румыне» в Очемчиры на разведку. Завтра начнём высаживать десант и приступим к активным операциям против сухумских хулиганов. Надо бу-

дет действовать решительно! А ведь сколько моих бывших друзей среди них, сколько дорогих и светлых воспоминаний связано у меня с ними. Сёва, Ефрем, Амберкий! Ведь это всё мои друзья. Особенно Сёва. Я его сильно любил; люблю даже теперь, но сердце моё заглохло. Слишком тяжёл крест революции, он требует жертв. Я не хочу этих кровавых жертв. Я приложу все усилия, чтобы их не было, но если противник изберёт борьбу – я буду решительным...

Меня уже травят так наз. «большевики». Они называют меня палачом, ренегатом и даже провокатором. И всё потому, что я борюсь за торжество революции и не становлюсь анархистом!

Мои родные заперты в Сухуме. Судьба их меня очень тревожит. Я боюсь даже думать об этом... Но если они что-нибудь сделают со стариками – я буду...

Читаю грустную, красивую книгу Герцена «С того берега» и в грусти нахожу покой.

9-го мая 18 года. Море. Утро.

Наша «Великая армада» подплывает к Очемчирам. Мы мобилизовали весь наш флот и получается внушительная картина. Нас охраняют резвые истребители. Наше смелое предприятие блестяще удалось. Имея врагов с обеих сторон, рискуя очутиться под ударами и турок и большевиков, - мы всё-же морем перебросили все наши силы. Смелость авантюры! В войне слишком много авантюризма и лучшие полководцы были наилучшими и счастливыми авантюристами...

Многие красноармейцы боялись моря, но к счастью, всё хорошо сошло. Придётся несколько повозиться с выгрузкой людей, лошадей и артиллерии: ведь в Очемчирах нет пристани...

Море чудное, утро тихое, мягкое. Любуюсь и морем и гордым пейзажем гор. Но как-то хуже я начинаю понимать красоту... Тяжесть событий притупила вкус.

В Очемчирах нас встретят друзья. Встретят, наверное, и те князья, которых позавчера я так холодно и сухо принял. По-

прошу говоря, я попросил их «выйти вон». Сегодня я с ними буду ещё более резок. Именем революции мы идём к демократии.

9-го мая 18 г. Очемчиры. Вечер.

Дессант благополучно высадился. Наши силы произвели большое впечатление и успокоили встревоженный город. Здесь мы сразу связались с демократическим самоуправлением и с советом крестьянских депутатов. От князей мы сразу резко отмежевались и теперь они косятся на нас. Во главе князей стоят: старик Александр Шервашидзе, укрыватель разбойников Таташ Маршания и известный реакционер Дмитрий Маршания. Либеральный князь Нико держится возле них. Александр просил меня повидаться с ним. «Я хочу помочь вам» - сказал он. «Разве вы не видите, что мешаете нам», - говорю я ему. «Самое лучшее, вам немедленно отсюда уехать». «Хорошо! - говорит старик, - но знайте, что триста моих всадников всегда к вашим услугам». «У нас достаточно своих сил», - говорю я и ухожу.

11-е мая 18 г., сел. Адзюбжа. Имение Шашковского.

Вчера вечером прибыли на Кодор. У нас восемь орудий, двенадцать пулемётов и около трёхсот штыков. Вот все наши силы... Был сход с представителями гудаутского и гумистинского участков. Представители кодорского участка держались хорошо и твёрдо, предлагали гудаутцам и гумистинцам скорее ликвидировать грустную историю. Я говорил крестьянам о цели и характере нашей экспедиции. Слушали хмуро, но внимательно.

Мы поставили ультиматум: сдача оружия и свободный въезд в Сухум. Срок ультиматума истекает сегодня в 5 часов вечера. Посмотрим, что ответят. Мучительно не хочется крови!...

Сегодня видел своих знакомых крестьян. Когда-то я работал среди них. Они отнеслись ко мне с доверием, и это порадовало меня. Приложу все усилия к миру. Не надо крови.

Воображаю, в какой тревоге мои старики. Ничего, дорогие, скоро я буду у вас...

Мы поместили штаб в имении генерала Шашковского, бывшего главного уполномоченного министерства земледелия на Кавказе. Этого большого генерала революция страшно опростила и он теперь похож на простого крестьянина. Население к нему хорошо относится. С нами он любезен. Я его знал в дни его величия и теперь мне его жаль...

Боже! Что сделали с революцией большевики! Как её изгадили, искрошили и как надругались над ней. Нужно спасти её или погибнуть...

12-го мая 18 г. Адзюбжа. Имение Шашковского.

На наш ультиматум ровно в 5 часов вечера 11-го мая, противник ответил орудийным, пулемётным и ружейным огнём. Это было вероломство, ибо стрельба была открыта по мирным абхазцам, безпечно бродившим около нашей канцелярии. К счастью, жертв не было, ибо негодяи скверно стреляли. Но паника началась сильная. Абхазцы мигом разбежались и ускакали на своих конях. Мы быстро выдвинули наши роты к реке и выпустили несколько снарядов. Лил страшный дождь!...

Утром 12-го вновь поднялась стрельба, но на этот раз инициатива боя принадлежала нам. У противника пока обнаружено около шести орудий: четыре у Драндского монастыря и два за Кодорским мостом. Наш несравненный Валико Шарашидзе пустил в ход лишь один взвод полевой батареи и быстро привёл к молчанию все орудия неприятеля.

Я и Александр в это время были на наблюдательном пункте – в школе. Валико лихорадочно высматривал неприятеля. Вдруг он оживляется, лицо его выражает тревожный восторг и он кричит телефонисту: «Взвод к бою! Батарея неприятеля обнаружена». И в самом деле – мы видим четыре огненных языка, временами вырывающиеся из дула орудий – правее

монастыря. Слышится спокойная, резкая команда Валико. Взвод начинает нащупывать батарею противника. Но наши разрывы очень высоки и они удалены от противника. Я с Александром молча переглядываемся и теряем веру в артиллерийские способности Валико. Но слышится всё новая и новая команда. Раздаются новые выстрелы и разрывы всё более угрожающе нависают над неприятелем. «Беглый огонь взводом! Гранатою! Огонь!», - командует Валико, и мы наблюдаем в бинокль бегущую неприятельскую прислугу. Батарея и лошади брошены. Мы аплодируем и кричим браво. Валико тихо посмеивается... Молодчага!...

Противник глупо и беспорядочно стрелял. Его снаряды ложились всюду, порою рвались около нас, но не наносили вовсе потерь. Наши положительно привыкли к ним и не обращают на них внимания.

Но у нас был один несчастный, трагический случай: нашим преждевременным разрывом убило одного санитаря и чудного нашего пулемётчика Абуладзе. Смерть Абуладзе меня глубоко опечалила – это был один из лучших гвардейцев. Его я ценил и любил...

Сегодня с утра вновь поднялась стрельба. У противника работало лишь одно орудие, которое старалось разбить наш наблюдательный пункт. Мы обстреляли окопы противника по обе стороны моста и выгнали его из окопов.

Пехота и пулеметчики разстреливали бегущаго врага.

14-го мая 18 г. Адзюбжа. Наблюдательный пункт.

Туманное, нудное утро, но будет хороший день. Слышится одночная редкая, перемежающаяся стрельба. Вчера приехал мой славный Илико со своим отрядом: это храбрые, добрые ребята. Прибытие этого отряда, насчитывающего до 200 штыков, меня очень радует, ибо исход нашей затягивающейся борьбы этим предрешается.

У большевиков крупные силы; на нашем фронте у них обнаружено около 10 орудий, много пулемётов и до двух тысяч воинов. Но они не страшны: наш маленький отряд расщёлкает эту воинствующую банду...

15-го мая 18 г. Адзюбжа. Наблюдательный пункт.

Завтра утром решено перейти в наступление. Думаем охватить противнику левый фланг, перебросив абхазскую конную сотню вместе с испытанным отрядом Исполнительного Комитета через Кодор – в брод и ударить на врага, в лоб – через растянувшийся Кодорский мост. Завтра к этому времени кое-что будет ясно...

16-го мая 18 г. Цхургили. Берег моря.

Я и Леван Тумаркин ждём истребителей. Выезжаем на морскую разведку и думаем обстрелять повстанческий берег.

Местность здесь очаровательная!.. Глядя на море, я начинаю мечтать. Как прекрасна природа и как люди испакостили её. Сколько в ней простора, шири и как много рогатин поставили люди! Светлые, чистые надежды революции потускнели и окончательно обтрепались...

Нужно вновь озарить революцию и бережно украсить цветами...

Вокруг нас тёмной рукой сплетается сеть гнусной провокации. Сперва нас называли дворянской гвардией, но после того, как само крестьянство видело, как резко обошлись мы с бывшим сиятельным сословием – эта провокация сорвалась. Теперь пошла гулять новая, ещё более гнусная и глупая сплетня – нас называют турецкими агентами и союзниками турецких банд! К нам даже приезжала армянская делегация, чтобы воочию убедиться в подлинном характере нашего отряда. Мы им показали наших рабочих красногвардейцев и среди них многих армян.

«А нам говорили, что с вами идут турки, - говорили они, - теперь мы знаем, что они лгали».

И этой вечной, низкой ложью они дурачат народ! И эти подлые демагоги нас называют турецкими агентами, нас, возвращающихся с батумского фронта! Наглость и безстыдство не могут идти дальше...

Князя здесь вновь со всех сторон стали к нам липнуть. Мы их просто прогнали. Вчера наш штаб выслал из пределов военных действий священника Туманова и Николая Тавгиридзе. Последнего для того, чтобы «своим присутствием не вносил путаницы и сумятицы в умы крестьянства!». Он оскорблён и обижен. Но совершенно напрасно...

Читаю Джека Лондона и отдыхаю. Я так устал...

17-го мая 18 г. Утро. Санаториум Смецкого.

Сегодня в 4 часа утра мы повели наступление и быстро опрокинули врага.

Дело было так.

15-го вечером мы на двух истребителях обстреляли берега между Сухумом и устьем Кодора. Этим мы создали замешательство в лагере противника.

16-го утром – по некоторым причинам домашнего характера – нам не удалось перейти в наступление. Весь вчерашний день мы провели в лихорадочных подготовительных работах.

Чтобы приободрить публику, я стал строить броневую тачку. С этой импровизацией мы провозились до 12 часов ночи, а на рассвете было назначено наступление. Импровизация наша не удалась, ибо наш броневик не двигался с места, но тем не менее гвардейцев развлекала эта работа: люди любят самообманы.

В 12 часов ночи я ушёл на наблюдательный пункт к Валико, чтобы немного вздремнуть. Вдруг сквозь сладкий, спокойный сон, слышу властный голос Валико: «Артиллерия к бою!»

Мигом вскакиваю и бегу к мосту – к штурмовым ротам. Раздаётся первый пронзительный орудийный выстрел. «Это полевая – 902 года», - думаю я и ускоряю бег. Орудийные выстрелы учащаются; скоро поднимается адская, страшно-чарующая музыка. Это ураганный огонь. Наши роты уже подошли вплотную к мосту и притаились.

Я быстро обхожу их и ободряю. Они весело шепчутся... Александр среди них и своим присутствием делает всех

храбрецами. Наш славный Христафор Шарадзе бежит как угорелый и размещает свои пулемёты. Ротные командиры на своих постах.

Вдруг Валико переносит огонь восьми орудий на неприятельские окопы. Это сигнал к атаке. «Ура! Ра-ра-ра!..» Все смешались. Мы на мосту, уже пробежали мост и бросились в окопы неприятеля. Они почти опустели; оставшиеся бойцы имели жалкий, испуганный вид. Наши их обступают, бранят. Но не совершают над ними насилий. Воины революции милостивы к побеждённому врагу... Поздравляем друг друга со славной победой; многие целуются.

Мы энергично преследуем бегущего противника, забрали толпы пленных, пушки, пулемёты и продовольственные склады. Какой успех! У нас только семь легко раненых!

Сейчас мы в мирной, спокойной и богатой обстановке санаториума. Нас здесь хорошо приняли и в этом дворце легко дышится после тревог и трудностей походной жизни. Нас около пятнадцати всадников. Мы гоним врага и спешим в Сухум... К родным.

17-го мая 18 г. Сухум. 3 часа дня.

В час дня мы, человек 20 всадников, въехали в Сухум. Ехали всё время без помехи. Разбитый противник даже не пытался задержаться и сопротивляться. Наш переход, как и наш первый натиск, был молниеносный.

Невозможно описать бурного восторга освобождённых сухумцев. Толпы ликующего народ встречали нас радостными криками и осыпали цветами! И ликовала не буржуазия, которая встретила нас довольно сдержанно, - ликовала подлинная демократия, вырвавшаяся из большевистского плена. Я никогда не забуду этой радости и самой искренней, самой неподдельной благодарности к нам. Радовалась душа, успокаивалась совесть при виде этой благодарной, ликующей толпы...

Большевики не предполагали такого быстрого и позорного финала. Их «Сухумская Правда» ещё сегодня печатает лживые победные репортажи и смело заявляет, что положение

их на фронтах чрезвычайно прочно. Мы читаем «Правду» и весело смеёмся над ложью! Большевитский штаб бежал, оставив на произвол судьбы своих несчастных соратников. Очевидно, это у них считается хорошим тоном! Особенно странно, даже обидно, что в рядах трусливо бегущего штаба был Сёва, которого я знал смелым и решительным воином. Я думал, что он способен на жертву. И я говорю теперь, после победы: не надо упиваться успехом! Если бы у большевиков были смелые и честные вожди, они непременно разбили бы нас! Ведь они были во много раз сильнее нас, ибо одних пленных мы забрали в полтора раза больше нашего отряда, отбив у противника 18 орудий и до 30 пулемётов! Но у них не было вождей, а были только шкурники... И эти шкурники, видимо, любили хорошо пожить! Они разместились в великолепной гостинице и питались изысканными блюдами. Мы перехватили их штабной обед и много смеялись, весело уплетая роскошные порции Эшба, Сёвы, Лакобы, Амберкия и многих других – избранных! Список их висел на стене, и было строго сказано, что бесплатных обедов никто, помимо членов штаба, не могут пользоваться. В центре огромного зала был накрыт большой стол для штаба. Проголодавшиеся, но весёлые мы разместились за этим столом, и нашим шуткам не было конца. Спасибо вам, бегущие «товарищи», за вкусный и даровой обед!.. Ведь мы живём гораздо хуже вас и знаем только общий котёл...

22-го мая 18 г. Сухум.

Я в родной обстановке, в своём городе и среди своих. Бедные, дорогие мои старики! Как они переволновались и как безумно были рады мне и брату! Отец мой скрывался, боясь мщения... Большого счастья людям не дано! Теперь в Сухуме самая ответственная, тяжёлая работа: организация новой власти и восстановление революционного порядка. Я убедился, что побеждать гораздо легче, чем организовать новую власть! Всё несчастье в том, что на местах слишком мало серьёзных и дельных работников...

Сегодня к нам приходила делегация от армянского национального совета.

Делегация чувствовала себя несколько сконфуженной, ибо армяне Сухумского округа в массе своей примыкали к большевикам. И это не потому, что армяне-арендаторы глубоко прониклись идеями большевистского коммунизма, а лишь потому, что они в большевизме надеялись найти свой спасающий щит. В этом искании щита, в этой вечной неуверенности в собственных силах и в тревожном, безпокойном искании внешних, чужих и чуждых сил – великое несчастье этого истерзанного, гонимого народа. И не потому так плачевна и порой преступна «армянская политика», что плохи и преступны армянские политические деятели, а потому, что у армянского народа нет прочной собственной почвы, а, следовательно, и уверенности в собственных силах. Из этого проистекают все ошибки, все зигзаги армянской политики. Типичной выразительницей положения армянского народа является партия «Дашнакцутюн», и великое несчастье этого народа в том, что он пока объективно не способен родить иную национальную партию. Нужно понять эту трагедию маленького народа и надо уметь почувствовать всё боли ея.

Делегация передала мне, что армяне Сухумского округа хотят выселиться из пределов округа и искать себе иного пристанища. Мне было тяжело и больно слушать их, и я всячески уговаривал их не бросать насиженных мест. «Ваше волнение разорит вас и нанесёт огромный ущерб всему округу», - говорил им я. Они соглашались со мной, но мрачно добавляли: «Иного выхода у нас нет: боимся турецкого десанта». Я их ободрял, разуверял, но сам же плохо верил...

Да, я лучше понимаю теперь чужое несчастье, ибо мы сами несчастны. И все эти победы и восторги не побеждают моей печальной тревоги: турецкая опасность угнетает меня!... Мало огней впереди...

Нас опять спешно вызывают в Тифлис; турки уже в 80-ти верстах от него! Мы все спешим туда, хотим борьбы и будем бороться.

24-е мая. Раннее утро. Сухум.

Только что вернулся из Гудаут: ездил туда с ротой Г. Ломтатидзе. На большом абхазском сходе выступал я. Мне отвечали старики-абхазцы и благодарили нас. Это всё бывшие «большевики»! Они считают себя виновными и говорят: «Мы болели тяжёлой болезнью, и вы исцелили нас»! Мне хотелось им верить...

На сход смело явилась одна гудаутская большевичка. Когда-то, и не так давно, я её хорошо знал и уважал. Она внимательно слушала меня и молчала. Её присутствие раздражало, несколько волновало меня и я сказал: «Здесь есть буржуазные женщины, которые переметнулись к большевикам. Мы прощаем им все старые грехи, но пусть они не злоупотребляют нашим великодушием». Все посмотрели на гудаутскую большевичку и она потупила глаза. После схода она подошла ко мне и сказала: «Почему вы задели меня? Если хотите, арестуйте меня, я не боюсь ареста». «Нет, сударыня! – говорю я ей. – Мы не сделаем из вас мученицы за идею. К тому же вы так малозначны»...

Бежавшие большевики засели в Гаграх, но у нас нет времени заняться ими: Тифлис настойчиво и нервно зовёт нас! Здесь мы оставляем Илико и Самсона со своими отрядами: сами они славные ребята, и отряды у них хорошие. Сам я спешу на тифлисский фронт, и нетерпение съедает меня: ведь турки так близко и нагло подступили к Тифлису. И кто знает, что ждёт меня там? И вернусь ли я вновь в эти места? Быть может, всё уже кончено, всему конец?!

25-го мая 18 г. Сухум. Светлая ночь.

Ужинали все вместе, но не было веселья. Убита душа, и нет надежд! Слишком велики несчастья, обрушившиеся на нашу страну, и слишком слаба сама страна, слишком ничтожны мы! Кажется, мы все подходим к пропасти и должны свалиться с остатками истерзанных надежд... А падать в пропасть ведь так не хочется! Порой так мучительно хочется

жить, любить и верить... Но нет любви и меркнет, угасает вера... Тяжело!..

27-го мая 18 г. Полдень. Море.

На захваченном транспорте № 107. Рано утром выехали из Сухума. В Сухуме оставили Илико, Самсона, Леонида, Майка, Левана. С нами оставлены два испытанных отряда, они должны окончательно ликвидировать анархию в округе. Я с Александром и с основными отрядами спешим в Тифлис – защищать его от внешних и внутренних врагов революции. Будем защищать его всеми силами, ибо падение Тифлиса равносильно падению революции в Закавказье! Ночью простился с родными. Милые, дорогие – я с ними ни разу не успел пообедать и они не могли вволю наговориться со мной! Но ведь я так был занят!...

Что ждёт нас в Тифлисе?

Вспоминаю своё детство: «счастливое, невозвратимое детство». В начале я очень любил героические мечты, потом стал задумываться над проклятыми вопросами и часто спрашивал: «в чём цель жизни?» И отвечал: «в вечном искании и постоянном движении. Цели нет, есть только стремление к цели и в этом весь смысл, всё содержание и счастье жизни»... В этой горестной, тяжёлой обстановке я всё более убеждаюсь в правде своей детской философии.

23-го мая 18 г. Поти. Утро.

Много, много сюрпризов. Головокружительных, сшибающих с ног! И всё печальных... Было много слухов, самых разнообразных и кое-что, быть может, худшее, оправдалось. Прежде всего, нас смутил и сильно огорчил немецкий пароход на потийском рейде. «Немецкий флаг», - сказал капитан, указывая на бухту. Мы посмотрели туда, и все почувствовали страшную боль. Потом мы видели целые взводы бывших немецких военнопленных солдат, вооружённые нашими трёхлинейками. Мы совершенно растерялись. Наконец, нам сообщили, что Закавказский Сейм распустил

себя, и Грузия 26-го мая в 4 ч. дня объявила свою самостоятельность. Бедный, недолговечный и бесплодный Сейм! Бедная, покинутая, «самостоятельная» в своём несчастье Грузия!.. Самостоятельность маленькой птички, захваченной в могучие когти коршуна!.. И вызывалась-ли эта самостоятельность роковой необходимостью или же здесь торжествовал проклятый национализм?! Я молчу, ибо ещё не разобрался в страшном узле смешавшихся событий. Знаю одно: «Самостоятельная Грузия» ещё более сгустила мою грусть. Но знаю и то, что война и революция нас бросили в заколдованный огненный круг и что собственными силами из этого огневого круга мы не выскочим. При создавшемся положении наименьшим злом я считаю дружественный протекторат Германии, ибо Россию от нас оторвали, а Англия и Франция пока вне наших досяганий: бедная, бедная, изувеченная Россия! Как я любил тебя, твоё светлое будущее, твою грядущую озарённую свободу и как грущу я теперь, как тоскую над твоим развалившимся, немощным, гибнущим телом...

На немецком транспорте в Потти прибыла германская делегация с генералом фон-Лоссовым во главе. Я видел этого статного, властного и надменного генерала: как хорошо быть победителем!..

Говорят, что в Батуме разлад между немцами и турками на почве дележа Закавказья. Оптимисты утверждают, будто Германия энергично возражает против разбойной политики Турции. Хочется быть оптимистом.

29-го мая 18 г. Поезд в Тифлис.

Скоро, скоро будем в Тифлисе – в древней и новой «столице» Грузии...

Что нового там, чем люди живы? Что поделывает наш славный исполнительный комитет? Многие уже говорят: «Мавр сделал своё дело. Мавр может уйти». Даже цинично добавляют: «Должен уйти»...

17-го июня 18 г. Тифлис.

Тяжело, очень тяжело, но воскресают мечты. И хотя наша страна и революция не переживали такого страшного кризиса, но я начинаю верить, что кризис пройдёт...

Мир уже подписан в Батуме. Тяжёлый, позорный, несчастный мир. Этот мир произвёл на меня гнетущее впечатление. Во фракции я отстаивал войну и говорил: «Лучше славная смерть в борьбе, чем позорная жизнь народа». Но я остался почти одинок. Это ещё более смутило мою печаль и углубило моё отчаяние и мне захотелось бежать от всего, от позора родной страны и от собственного бессилия. Я не владел уже собою, всё меркло вокруг меня и я сказал, что не доверяю правительству, подписавшему этот несчастный мир и что ухожу от всякой работы. И я ушёл разбитый, полувоенный, с опустошённой душой. И вслед за мной пришли ко мне большой Ной и несравненный Герасим. И они стали успокаивать меня, утешать. И вдруг мне стало стыдно! Большой Ной, признанный вождь нашей демократии, вождь, несущий в себе величайшую печаль гибели надежд, - успокаивал меня – маленького человека! Мне стало стыдно за своё малодушие, за преступную роскошь грусти, ибо грусть и отчаяние теперь являются постыдной роскошью. Нужна неустанная работа, нужна неустанная борьба...

Вчера был на важном совещании наших вождей. Решено Н. Н. Жордания сделать главой правительства. Это последняя ставка, лучшая жертва демократии. Она необходима... Я стану работать с большой энергией и восторгом...

Идея входа Н. Н. Жордания в правительство первоначально принадлежала Е. П. Гегечкори. Это было давно на квартире Чхенкели, перед отъездом Ир. Г. Церетели в большевистскую Россию. Тогда Евгений не нашёл сторонников. Теперь я ухватился за эту идею, как утопающий! И хотя я не сторонник культа героев, но знаю, что Н. Н. Жордания самая крупная личность, какую я когда-либо встречал. И эта личность должна оглавливать нашу власть...

9-го июня 18 г. Заседание С. Р. и С. Д. Тифлис.

Говорит Чхеидзе о власти. Живообразно. В зале много смеха, но вокруг грусть... Только что приехал с позиции. Завтра вновь возвращаюсь туда. Теперь мы держим фронт против татар и турок. Старые окопы, опоясывающие Тифлис с юга – нам оченьгодились. Неприятель почти подошёл к Тифлису... Был с товарищами в Сандарах. Аскеров пока там не видно. Посмотрим дальше...

12-го июня 18 г. Сандар. Утро.

Чудный, солнечный, мягкий день. Через час выступаем дальше: устанавливать границы новой, независимой, свободной Грузии! Местность здесь прекрасная, урожай великолепный...

Мне очень жаль татар, и вместе с тем я страшно обозлён на них! Своим невежественным безрассудством они губят и нас и себя... Вчера я, Александр, Валико и Данелия ездили в деревню Сарван на татарский сход. Там было много вооружённых конных и пеших татар. Мирно и долго беседовали с ними, разместившись на мягких коврах под сенью могучих деревьев. Меня поразила дисциплинированность этих диких татар; несмотря на многолюдность сборища, не было шума. Говорил только один, остальные молча внимательно его слушали и молча же с ним соглашались... Татары были очень любезны и угостили нас вкусным, хорошим чаем...

«Как вы относитесь к самоопределению народов?», - спросил меня один полуинтеллигентный татарин.

«Мы отстаиваем его целиком», - с гордостью ответил я.

Татарин молча многозначительно покачал головой...

Вчера к нам приезжали главнокомандующий Квинитадзе с генералами Ахметеловым и Мазниевым. Квинитадзе предлагал нам резкую решительность и всеобщее разоружение татар. Мы несколько смягчили его суровость и охладили его пыл. Мы будем и здесь действовать по традиции: мы будем воздействовать не только физически, но и морально. Это

даёт более блестящие результаты... И в этом наша сила. Сила демократии...

12-го июня 18 г. Поле. Глухая ночь.

Ужас! Невыразимый ужас... Сегодня убили моего Валико, Валико Шарашидзе! Неоценимая и невознаградимая потеря.

14-го июня 18 г., ст. Садахло.

Мы опять в Садахло. Здесь когда-то мы сражались с многочисленными татарскими бандами и эти банды убили двух наших хороших товарищей – Канделаки и Резваго. Тогда впервые пришёл к нам дорогой Валико и у него были две маленькие, двух-с-половиной дюймовые пушки... Это была зарождающаяся артиллерия нашей гвардии...

В стенах остались старья бойницы и кругом сохранились наши окопы...

Настроение тяжёлое, убийственное, несмотря на наши успехи...

Вчера был жаркий, горячий день! Мы с боем взяли деревню Б. Коша-Килиса, где был убит наш Валико. Бедный, несравненный, незаменимый Валико! Ему не было равного среди нас!.. Валико был безрассудно смел, необыкновенно скромнен и прост. Он был выдающийся, самобытный артиллерист и хороший организатор. Кем заменить его?!..

В смерти его отчасти повинен я, ибо идея набега для освобождения осаждённого Шулаверы принадлежала мне... Но безрассудный друг не дождал меня! С десятью конными разведчиками, под градом пуль – он переплыл реку Храм и лихой атакой взял деревню. Здесь он был убит из засады... Мы тщетно искали его на этом берегу и какая-то тревога смущала мне душу... Вдруг прискакал разведчик и сказал: «Валико убили». Я был ошеломлён. Старые артиллеристы стали плакать. Я пришпорил своего коня и мигом очутился

на том берегу. Валико лежал на лужайке. Разведчики окружили его и молча рыдали. Некоторые из них были ранены... Валико посадили передо мной, я его крепко обнял и тихо поехал к рыдающей батарее... Слёз не было у меня...

Вчера мы отомстили за нашего друга! Ровно в 5 часов утра мы перешли реку Храм. Это была лихая атака! Наша гвардия и первый конный полк занимали правый фланг; на левом фланге у моста Храм стояли немцы, несколько рот регулярной пехоты и броневики. Я был доволен, что немцев не было на нашем фланге... Без четверти пять наша артиллерия открыла беглый огонь по укрепленному берегу у Коша-Килиса. Христофор подполз со своим пулемётом к самому берегу. Была страшная трескотня. Мой конь горячился подо мной. Татарские пули жалобно свистали над нами... Я с одним кавалерийским взводом подъехал к реке... Река была глубокая, но моя лошадь смело и быстро двигалась вперёд. Впереди меня были два драгуна и офицер Кахашвили. Свист пуль заглушался бурными плеском воды, ощущения страха уже не было.

В 5 часов мы были на том берегу и стали выбивать из окопов упорно оборонявшихся татар.

Я очутился на левом фланге и рядом со мной Андгуладзе, офицер Амилахвари и разведчик Валико Георгадзе. Бедный, хороший Андгуладзе был ранен смертельно...

Через несколько часов вступили в освобождённые Шулаверы.

Всё население вышло к нам навстречу, всякий приносил что мог: хлеб, воду, фрукты. Старухи со слезами на глазах благословляли наш приход, дети весело кричали, а женщины благодарили улыбкой... И хотя стонала, страдала душа – эта всеобщая радость успокаивала и утешала. Как ликовал бы я, если бы около меня был мой Валико!

17-го июня 18 г. Тифлис.

Вчера вернулся с печальных похорон Валико.

Роковая случайность: Валико был похоронен в день своей предполагаемой свадьбы! 15-го июня. Он обвенчался с моги-

лой... Его похоронили в Супса и ему были отданы все воинские почести. Похоронная процессия в Тифлисе была грандиозна: на трёх чёрных лафетах везли дорогия тела Валико, Данелия и Андгуладзе. Бедный, славный Андгуладзе! В гробу у него было спокойное, ясное и тихое лицо. Светлая грусть застыла на этом честном лице.

Бедные, дорогие, любимые!

27-го июня 18 г. Тифлис.

Опять поход! Опять кровь, жертвы и страдания... Отправляемся в Душетский уезд. Там форменное возстание спровоцированного, обманутаго крестьянства.

Я буду действовать с возможным тактом, стараясь оторвать здоровые элементы от обнаглевших хулиганов и провокаторов.

В политике много нового. Моя мечта осуществилась: во главе Правительства стал Н. Н. Жордания. Он ввёл в своё Правительство несколько членов бюро исполнительного комитета. Это хорошо: такому Правительству можно служить беззаветно. Но в трудную, тяжёлую минуту принял власть Жордания: немцы, турки, анархия. Иногда становится жутко... Мне предлагают пост товарища военного министра... Но я решительно отказался, не хочу, чтобы гвардия потеряла меня и я потерял гвардию...

Вчера был в новом клубе раут в честь германо-болгаро-австрийской делегации. Я получил приглашение и отправился в клуб. Кто-то говорил речь, когда я появился. Вдруг мне стало невыносимо грустно, какая-то обида проникла мне в душу и, не подходя в столам, я ушёл...

Великое несчастье быть побеждённой страной!..

28-го июня 18 г. Мцхет. 7 час. Вечера.

Только что заняли Бебрис-Цихе и весь район этой старинной крепости. Я с Александром шли в наступающей цепи и чувствовали себя великолепно. В 5 часов открыли мы из 14 орудий ураганный огонь по Бебрис-Цихе, в котором засели повстанцы. Эффект был великолепный... Банды бежали без сопротивления, без оглядки, оставив «на поле брани» пулемёты и всякого рода припасы. Хорошее начало.

29-го июня 18 г. Около Мцхет. Утро.

Ночевали в поле. Был ночью дождь; теперь хорошо. Приступаем к выполнению плана. Мы разбиваемся на три отряда: вдоль левого берега Арагвы наступает колонна Арчила Пурцеладзе, в центре идёт А. Г. Кониев, через Ксанку идём Александр и я. Из Сухума опять сюрприз: в Цхургилах турки высадили десант. Это произошло по инициативе Александра Шервашидзе и Таташа Маршания... Большевистская анархия помогла им.

В Сачхерах тревожно, скверно... Анархия всюду растёт... Надо быть решительным, даже беспощадным в деле спасения революции!..

1-го июля 18 г., сел. Канда. Утро.

Идём на Душет через Мчадисджвари. До сих пор двигались с боем и очень успешно. Противник уже разстроен и деморализован. Я верю в успех...

2-го июля 18 г. Дорога по Мчадисджвари в Душет.

Раннее утро.

Вчера ночью я и Александр ездили в Тифлис. Там вести хороши; турецкий десант разбит, против воинствующего Лечхума снаряжена экспедиция в Сачхерах и всюду анархия быстро ликвидируется... В самом Тифлисе несколько тревожно: по-видимому, там готовится «заговор» против демократической Грузии и этот заговор объединяет большевиков, русских чиновников и отчасти дашнакцаканов... У

одного генерала нашли много динамита. Нужно быть очень бдительным и осмотрительным, у демократии слишком много врагов...

Наша экспедиция хорошо протекает. Население начинает понимать рас и довольно охотно сдаёт оружие. Пока мало крови, это радует меня... До сих пор сдано около 500 винтовок. Провокация постепенно теряет почву... Мы стараемся всюду устраивать митинги и наши передовые рабочие гвардейцы энергично агитируют... Силу оружия мы подкрепляем нравственной силой...

Погода чудная. Ночи великолепны, но днём несколько жарко. Живём полной походной жизнью; и днём и ночью находимся под открытым небом... В ясные, звёздные ночи я смотрю на мигающие звёзды и о многом думаю, мечтаю. Успокаивается душа и мысли отдыхают...

Я всеми силами стараюсь избегать вооружённых столкновений и крови. Пока это удаётся.

Большевики меня беспощадно травят в своих листках. Называют ренегатом, палачом, провокатором. Преступники! История уже осудила вас!..

3-го июля 18 гю Над Душетом. Утро.

Ночь прошла спокойно. Колонна Кониева всё ещё у станции Цилкан.

3-го июля 18 г. Над Душетом. 3 часа дня.

Сейчас открываем орудийный огонь и я веду обходную колонну на соединение с Кониевым. Утром я и Александр ездили к нему и узнаём, что после успешного наступления – он вновь оттянул свою колонну. Это несколько беспокоило нас. Сегодня во что бы то ни стало надо соединиться с ним.

Население постепенно замирается, жизнь входит в свои берега. Крестьяне приступили к полевым работам, засверкали серпы, задвигались арбы. Всё это радует душу.

4-го июля 18 г. Дорожная будка, около Душет. Утро.

В этой будке помещается наш штаб. С раннего утра началась артиллерийская стрельба. Противник стреляет из двух орудий, но мы не можем обнаружить их. Наша одна батарея ему великолепно видна и он обстреливает её. Наши артиллеристы держатся молодцами. Артиллерия противника стреляет на три с минусом: снаряды ложатся вокруг до около нашей батареи.

Нужно зайти противнику в тыл и тем обезвредить его.

5-го июля 18 г. Над Душетом. Полдень.

Чудный летний день. Редкая артиллерийская стрельба. Еду на глубокую разведку. Завтра переходим в общее наступление. Надоела канитель...

6-го июля 18 г. Базалети. Раннее утро.

Сейчас выступаю с левой колонной в глубокий обход противнику. У нас 250 штыков, горный взвод Д. Канчели и четыре пулемёта Христофора. Уверен в успехе. Колонна Пурцеладзе-Гедеванова уже вчера выступила на Ананур по ущелью Арагвы – через Минван... Погода тоскливо хмурится...

6-го июля 18 г. Над деревней Аргуни. Полдень.

Совершаем утомительный и глубокий обход в тыл и во фланг противника. На противоположно оголённой вершине показались стройные цепи вооружённых людей. Это, очевидно, рота Георгия Ломтатидзе, обходящая повстанцев справа. На нашем правом фланге сильная ружейная и пулемётная стрельба. Она постепенно затихает. Очевидно, противник спешно отступает. Я боюсь, что он ускользнёт от нас... Погода чудная. Солнце весело и сильно припекает. Окрестности очаровательны. Деревня опустела.

6-го июля 18 г. Вечер. Верхом из Ананура к Душету.

С радостно-грустными мыслями еду на отбитой у большевиков лошади навстречу нашему отряду. Радуюсь успеху. Наши обходы окончательно деморализовали противника. Отряд Сосо Гедеванова нагнал бежавшего врага и отбил у него оба орудия. Но всё же грустно на войне... Тоскует душа при виде опустевших сёл и невольных жестокостей войны...

Крестьянство здесь встречает нас угрюмо. Очевидно, оно нас считает врагами. Больно и грустно...

8-го июля 18 г. Ананур. Раннее утро.

Вчера отдыхали в Ананурах... День прошёл спокойно. Встретились с отрядом Гедеванова.

Сейчас выступаем на Ананур... По привычке я и Александр идём в передовой колонне и далее в передовой цепи... Люблю я это...

Передо мною шумная, весёлая Арагва. В детстве я любил эту реку и много о ней мечтал...

8-го июля 18 г. 14-я верста. 3 часа дня.

Идёт отчаянный бой. Противник занимает высоты и со всех сторон обстреливает нас. Мы совершаем тяжёлый обход. В горах. Нас около двадцати человек. Мы хотели выйти в тыл пулемётам противника... Гора слишком крутая, ноги скользят. При каждом падении Александр проклинает всех... Я весело смеюсь... Усталость преодолевает...

Пассанаур. Вечер.

Вступили в Пассанаур в 9 час. Вечера. С 10 час. Утра до 5 час. Вечера был жаркий бой... Мы расколотили противника и он поспешно бежал. Несколько человек, захваченных в пулемётных гнёздах, были на месте разстреляны. Я видел эту тяжёлую ужасную картину... Роковая необходимость... Я

спас жизнь двум молодым русским пулемётчикам и это утешает меня. И чем труднее их было спасти, тем больше радость... Противник в беспорядке бежал и первыми спаслись вожди. В числе их был Серёжа!.. Странная и страшная вещь! Я и Серёжа, бывшие лучшие друзья, знавшие так много совместного горя и радости в прошлом, так часто мечтавшие об общей революционной работе – вдруг очутились по разным сторонам баррикады. Пока победила моя сторона. Серёжа позорно бежал... Прошлые светлые образы встанут передо мной, воскресают бывшие мечты и я проклинаю эту борьбу, эту прославленную гражданскую войну... В этой борьбе гибнет революция...

Серёжа, милый. Я тебя люблю и презираю. Люблю твоё прошлое, нашу светлую дружбу и наши мечты. И презираю твоё трусливое честолюбие, твоё малодушие в борьбе... И я благословляю судьбу за то, что не встретил тебя на поле брани: мне было бы стыдно за тебя...

Более собственной смерти я боялся встречи с тобой... Но ты бежал, не подождав меня и за это благодарю тебя...

11-го июля 18 г. Пассанаур. Утро.

Вчера у главной, левой колонны был бой. У противника вновь появились орудия. Я выступая с обходной, правой колонной... Она должна сыграть решающую роль...

11-го июля 18 г. Гудамарское ущелье. Сел. Зандуки.
6 часов вечера.

Наша обходная колонна во главе с Ар. Пурцеладзе и с пулемётной командой Хр. Шарадзе выступила из Пассанаур в 2 часа дня. Из Казбека к нам приехали 12 верховых мохевцев, которые призывают нас в Казбек и обещали вооружённую помощь населения. Это всё рослые, молодцеватые ребята. Их привёз красногвардеец Авсаджанов...

От нашего обхода я многого жду. В случае удачи мы одним ударом покончим с врагом. Неудача нас самих поставит

в критическое положение. Завтра утром к нам выступит рота Г. Ломтатидзе. Она нас достаточно усилит...

Наша левая колонна уже заняла Млеты. Противник с боем отступает. Нам надо торопиться, чтобы замкнуть его в мёртвый круг.

11-го июля 18 г. Думацхо. Вечер. Церковь «Пири-Мзе».

Красота чарующая! Я упоён волшебством ея!.. Маленькие деревушки, грациозно уютящиеся на зелёных склонах могучих гор, напоминают гнёзда ласточек.

Население нас встречает с белыми флагами и недоумевает. Здесь ещё царит средневековое: нет школ и никаких элементов культуры. Затёртое среди высоких гор население совершенно не разбирается в окружающих событиях. Оно задавлено горами, нищетой и невежеством. К нам постепенно подъезжают вооружённые, стройные мохевцы... В большинстве они казбекцы или жители Сни... Завтра решится судьба нашего обхода...

12-го июля 18 г. Думацхо. Раннее утро.

Провёл холодную ночь у костра... Зажгли огни бивуачные и кое-как спали на весёлой лужайке у старых развалин. Впрочем, я спал почти нормально, ибо могу спать в каких бы то ни было условиях... Мой Нестор (Ешмаки) почти не спал и наверное он проклинал наш обход и эту холодную ночь в горах. У Нестора очень оригинальный вид: вместо калош у него липовые лапти, а на голове мягкая широкополая шляпа. Он сидит на неуклюжей, сильной лошади и имеет вид разнежившагося, уже отяжелевшаго туриста... Он приехал в Ананур, а мы захватили его в обходную колонну... Я люблю бывать в походах с Нестором: полнее веришь в успех...

12-го июля 18 г. Бурсачильский перевал. 8 час. Утра.

Мы на перевале! Какой восторг... Перевал и окрестные хребты охраняются жителями Сно и Каркуча. Часть из них встретила и приветствовала нас на перевале. У них великолепный вид и они на хороших конях. Какое счастье, что они с нами! Без их помощи наш обход был бы почти безнадежен... Все мохевские деревни, исключая Сиона и Гергеты, на нашей стороне...

Отсюда чудный вид на седой Казбек. Я долго люблюсь его гордой, мрачно-таинственной красотой...

Сказка!..

Нам здесь передали телефонограммы большевиков. Оне вскрывают плачевное их положение и ничтожество их сил. Все жалуются на отсутствие пулемётов, пулемётчиков, патронов или хлеба... «Мы голодаем!», - вопят они, но обещают всем белый хлеб!.. Жалкие авантюристы!..

12-го июля 18 г. Карчука. 2 часа дня

Наш отряд истомился в пути. Жители Карчука всему отряду устроили обед. Их неподдельная радость и широкое гостеприимство заставляют забыть усталость. Ахалцыхцы, которые до сих пор пошаливали, выслали к нам делегацию с белыми флагами... «Сила солому ломит»...

Приятная и тревожная весть. В Казбек из Владикавказа прибыл отряд Саши Гегечкори. Это нас устраивает: погибнет этот отряд...

Гора Казбек ушла в облака... Гордый, могучий, суровый Казбек!..

13-го 18 г. Сно. Утро.

Вчера ночью к нам подошла рота Ломтатидзе. Она за день совершила утомительный переход из Пассанаур! Теперь у нас достаточно сил – около 250 штыков при 8-ми пулемётах. Мы можем действовать смело и решительно...

Вчера противник из орудий обстреливал деревню Казбек (Степан-Цминда). Мы фактически уже отрезали врага, кото-

рый ещё не чувствует ужаса своего положения... Скоро мы приступим к боевым операциям и разобьём врага...

13-го июля 18 г. Ачхот. Полдень.

В 11 часов мы заняли ачхотскую крепость, расположенную над Военно-Грузинской дорогой. Итак, противнику путь отступления уже отрезан!.. Некоторые, очевидно, за ночь успели проскочить в Казбек и теперь они из орудий обстреливают вершины и склоны гор, по которым спускается рота Ломтатидзе. Но я верю, что мохевцы и им отрежут путь отступления и весь «социалистический отряд» Гегечкори попадёт в наши руки!..

Господствующия вершины уже в наших руках.

С этой высоты я озираюсь кругом и восторгаюсь мощной красотой гор. Отсюда видны водопады, старья крепости и живописные деревни... И над всеми господствуют зелёные, могучия, красивые горы...

Мгновеньями я забываю войну и не слышу разрыва шрапнелей... Я весь ухожу в природу...

Величавый Казбек утром был виден. Потом он ушёл в свои облака...

Население Сно встретило нас очень приветливо и радостно... Угостили нас на славу. Первые раз в жизни ел вкусные и сочные «хабизгина»...

Женщины, особенно старухи, при встречах с нами плачут и тихо благословляют нас на борьбу. Многие их дети присоединились к нашей рати и это ещё более усиливает их светлую грусть... С любовью и любопытством осматриваю я этих милых старух и вспоминаю старинную, героическую грузинку-мать...

14-го июля 18 г. Казбек. Утро.

Вчера, вечером, мы наголову разбили «большевиков». Полный, окончательный разгром... Захватили у них 2 орудия, 4 бомбомёта, пулемёты, весь обоз и до 200 пленных... От «социалистического отряда» Саши Гегечкори остались

«рожки да ножки». По дороге к Владикавказу валяются много трупов противника. Тяжёлая картина, но окаменело, умерло сердце...

В числе пленных тяжело раненый Фома Чубинидзе и сухумский шантажист Миша Гегечкори, который подписывался «за главнокомандующего».

Я и Шарадзе с четырьмя гвардейцами при двух пулемётах Льюиса преследовали бежавшего противника, группами забирая его в плен. Разбитый враг представлял жалкое, несчастное зрелище. Мы его захватили в узком, страшном месте Дарьяльского ущелья – между скалой «Пронеси Господи» и Гвелетским мостом. Над этим местом расположена маленькая деревушка Цдо, которая сыграла для большевиков роковую роль...

И не пронёс их Господь...

У противника не было никакого спасения: впереди засели мохевцы и действовал наш пулемёт, направо бешено катил свои мутные волны Терек, налево вздымались отвесные, высокие скалы. Сзади напирала наша... Получился смертельный, роковой круг!... Но Саша Гегечкори успел выскочить из этого круга. Он спасся в первую очередь. Такова их тактика...

Уже стемнело, когда мы достигли одиннадцатой версты. Нас было шесть человек и около двадцати пленных... Мы были утомлены и дальше не могли преследовать врага. К тому же нас пленные просили не идти дальше, так как большевики были укреплены в крепости Дариал. «Погибнем и мы и вы», - жалобно убеждали они...

Мохевцы дрались как львы. Наш приход воодушевил их. Они великолепные стрелки и хорошие воины. И как они любят оружие! Я видел мохевцев, имевших за спиной по 10 – 12 винтовок, захваченных у большевиков, и тем не менее лихо, неутомимо преследовавших врага... Они были страшно озлоблены на большевиков, которые совершенно разграбили Казбек. Мне с большим трудом удавалось успокоить и смягчить их. Но всё же удавалось... Что думали пленные «большевики», когда они видели, как «палач» с упорной настойчивостью спасал и оберегал их?!.. И этих несчастных плен-

ных мне по человечески было жаль! В большинстве своём это были мингрельцы и лечхумцы, которым Саша Гегечкори обещал золотые горы, но дал роковые теснины Дариала... Артиллеристы были русские...

Думал ли я когда-нибудь, что буду активным участником этой ужасной и грустной трагедии?!.. Думал ли, что крест революции так жестоко тяжёл!.. Вам, сидящим теперь в тихом уюте своих мещанских очагов, наверное, кажется, что нас пленяют лавры этих побед, что мы любим эти победы. Но если бы вы знали, как я ненавижу эти победы, как стонет и страдает душа! И рыдает сердце. Окаменевшее сердце!..

Я часто думаю: почему мне выпал на долю этот жестокий, кровавый и трагический путь?! Почему под внешне спокойной, почти счастливой оболочкой я ношу величайшее страдание и большую печаль?! Почему именно моё сердце должно окаменеть и умереть?! Вот и теперь: в своём одиночестве я озираюсь кругом, смотрю на седой Казбек, на эту постоянную мечту моего детства, на сказочно-гордый монастырь Самеба, на окрестные могучия горы и не ощущаю былой радости... Что-то безвозвратно умерло и отцвело во мне... А в прошлом я умел любить природу и красоту... Весною и летом я уходил к природе и с ней переживал свои радости и печали... Осени я не любил... Теперь я плохо понимаю природу и не могу в ней утолить свою печаль... Тяжело...

Но я встряхиваю головой и прочь гоню скорбные мысли. Я побеждаю рефлексию и дряблость души и говорю: революция, демократия и социализм «жертв искупительных просят»! Революция не праздник, а тяжёлые, суровые и жестокие трудовые будни! Революция – путь к празднику. Светлый праздник ещё впереди. И ради этого яркого, ликующего всечеловеческого праздника надо вынести всю тяжесть креста и примириться с кровью... Да, я прочь отгоняю грустные мысли. Я говорю: «Да здравствует жизнь и её тернистый путь!»

Возвращаюсь к вчерашнему кровавому дню. Большевикам с утра же не повезло, так как именно утром случайно нами был убит «главнокомандующий социалистическими отря-

дами Закавказья» офицер К. Чавчавадзе. Его смерть создала панику в отряде и ускорила его беспорядочное бегство.

15-го июля 18 г. Казбек. Утро.

Вчера, в 5 час. Вечера, мы повели наступление на Дарьяльскую крепость. В первую голову наступали Александр Дгебуадзе, Сандро Майсурадзе, я и человек 12 из отряда Пурцеладзе с храбрым В. Карцивадзе во главе. Скоро показались низкие башни крепости и мы осторожно стали подходить к ней... По пути нам встретила красивейшая горная речка Кистанка и я залюбовался ее своеобразной, гордой красотой... Вдруг Сандро, шедший впереди всех, приостановился, внимательно посмотрел в бинокль на крепость и тихо говорит: «Там неприятель». Я прицелился и выстрелил... Поднялась усиленная стрельба. Из крепости нам отвечали ружейным и пулемётным огнём. Мы тоже подкатили пулемёты Максима. Группа мохевцев, заблаговременно занявшая развалины крепости «Тамар-Газнели», с своей стороны тоже стала обстреливать большевиков. Мы подкатили к крепости горный взвод Сев. Васадзе, который выпустил несколько очень удачных снарядов... Мы видели, как неприятель стал выбегать и убегать из крепости... Тогда с криком «ура» мы бросились в крепость и мгновенно заняли её. В ней мы захватили пулемёты, пленных и продовольствие. У нас был убит один пулемётчик. Я захватил лошадь Саши Гегечкори. Сам Саша и тут ускользнул... После занятия Дарьяльской крепости мы быстро двинулись вперёд и с боем преследовали противника до Ларса. Ларс мы заняли в 9 час. вечера, захватив там две походные кухни с горячей пищей и бомбомёты. В этой операции участвовала часть отряда Гедewanова, а сам Сосо был начальником колонны. Эшмаки сопровождал нашу колонну.

Теперь наш передовой отряд стоит на территории Терской республики. Итак, мы очистили нашу территорию от большевистских банд и уже стоим на чужой земле... Следовательно, наша работа по существу закончена. Полный успех...

В Тифлисе некоторые газеты жирным шрифтом возвестили мою смерть. И уже на раз досужая молва убивала меня! Но я не собираюсь пока умирать. Хочу и буду жить! На страх врагам революции и свободы...

17 июля 18 г. Тифлис.

Заседание руководящих с.-демократич. организаций.

Заседание идёт монотонно, вяло. Жду обсуждения земельного вопроса; со всей энергией буду бороться с выкупом... Завтра едем обратно в Казбек. Стремлюсь к любимым высотам...

20 июля 18 г. Аршис-Цихе.

Сегодня ездил в Ларс. Ждали ингушскую делегацию, но она не приехала...

Мы послали ультиматум терскому правительству. Ультиматум повезли офицеры Н. Цивцивадзе и Бердзенишвили. Наше правительство уполномочило Ив. Лордкипанидзе, Гер. Махарадзе и меня вести переговоры с Терской республикой...

Ждём ответа и встречи.

Сейчас мы на развалинах древней, живописной и неприступной крепости. Хороший день.

Внизу, в Ачхатах, со всех сторон стекаются мохевцы. Будет народный пир и примирение Хеви. Это тоже результат нашей победы...

21 июля 18 г. Монастырь Самеба.

Сегодня в этом древнейшем, задумчивом храме гергетцы отслужили молебен примирения. Вчера примирились казбекцы и сионцы. Сегодня гергетцы отрекаются от былых увлечений и примиряются с казбекцами. И веришь, что простыя клятвы, даваемые друг другу этими суровыми людьми,

под тёмными, но красивыми сводами уединённого народного храма, будут святы и ненарушимы...

В ограде старого монастыря гергетцы устроили пир примирения. Герасим Махарадзе, Иван Лордкипанидзе, Александр Дгебуадзе и я были почётными гостями. Угощение было обильное, хозяева веселы и радушны. Пелись гордая, но не совсем мелодичная горная песня...

Здесь мы встретили проводников, не раз побывавших на вершинах могучего Казбека. Все они помнят и любят известную альпинистку Марию Павловну Преображенскую, которая бывала с ними на самой вершине Казбека. Суровые и смелые охотники с любовью говорят о ней и называют её Мари Поло.

И в этой странной, мистически дикой обстановке, в ограде древнего храма, освящённого вечной красотой Казбека, среди веселящейся, добродушно суровой толпы – мысли кружатся, как снежинки, и тут же тают...

Вчера к нам приехали из Владикавказа ингушская делегация. Вчера же мы послали ультиматум терскому правительству. Ингуши обещали нам полную поддержку в удовлетворении всех требований нашего ультиматума. У большевиков в Терской области плохи дела. Их бьют казаки... Это тоже несчастье...

22 июля 18 г. Казбек. Вечер.

Казбек надо мной!..

Сейчас я на телеграфе. Герасим передаёт текст нашего ультиматума в Тифлис. Ответ от правительства терской советской республики получился сегодня в 2 часа дня. «Советская республика» делает формальный отвод: наш ультиматум написан не на правительственном бланке и не скреплён государственной печатью!..

К сожалению, они формально правы...

Завтра им передадут ультиматум на бланке и с печатью! Посмотрим, что скажут тогда. У нас решено: в случае отклонения ультиматума – наступать! Но меня не радует перспектива этого наступления: слишком запутаны, сложны и

противоречивы национальные отношения в области. Мы не хотим свергнуть большевиков для того, чтобы на их месте воцарилась ещё более злая безпросветная реакция...

Казбек сегодня виден весь. Он ярок, горд и суров. Вечно суров... Смотрю на него и наслаждаюсь...

25 июля 18 г. Казбек. Утро.

Вчера мы получили ответ от терского правительства. Терская республика согласна немедленно отпустить всех наших пленных, а по другим вопросам предложила нам свидание в старом Ларсе. Итак – сегодня мы должны встретиться... Советская республика постепенно сдаётся...

25 июля 18 г. Старый Ларс. 6 часов вечера.

Сейчас идут переговоры с делегацией терского народного совета. Переговоры носят благоприятный для нас характер. Председатель делегации латыш Булле, - он же председатель народного съезда, - производит хорошее впечатление, хотя он и с хитрецей: слишком слащав и певуч. Два других члена делегации – чеченец офицер Арсанов и студент-ингуш Ахриев – оба славные ребята и, конечно, они менее всего большевики. Ненависть к казакам привела их к большевикам... «Казаки вначале стали большевиками, чтобы бороться с ингушами, - говорили они. – Теперь мы сделались большевиками, чтобы побороть казаков».

Сейчас говорит Булле. Он очень сговорчив и вкрадчивая, предупредительная улыбка не сходит у него с уст.

27 июля 18 г. Казбек. Утро.

Ясный, величественный день... Наши части постепенно уходят назад – домой! После славной блестящей победы! Владикавказ принял все наши требования и в первую очередь, освободив всех наших пленных... Дела хороши...

27 июля 18 г. Сел. Цдо. 3 часа дня.

Эта деревня – могила отряда Саши Гегечкори. Осматривали эту нагорную, выброшенную на крутые утёсы деревню и слушали рассказы смелых охотников о разгроме отряда. Не будь этой деревни – отряд Гегечкори успел бы ускользнуть от нас. Но жители Цдо – старые охотники и у них опытный глаз. Они великолепно знают каждую горную тропинку, каждый выступ пожелтевших скал, и конечно, не обманутым воинам авантюристы Гегечкори было тягаться с ними... Сейчас мы в опрятной, чистенькой комнате богатого крестьянина и я с радостным любопытством озираюсь кругом. Как приятно находить здесь, в самой крайней северной грузинской деревушке некоторый комфорт и неприхотливый уют! Как хорошо видеть и ощущать чистоту после всей вынесенной в походе грязи!

Деревня Цдо очень хороша в стратегическом отношении, но она слишком бедна. Нет зелени, мало земли, но зато много камня и скал. Жёлтых и огненных скал.

Душет 31 июля 18 г. Поздний вечер.

Александр и я вернулись из Тифлиса. В Тифлисе нас более всего интересовал аграрный вопрос. Мы, «фронтовики», были самыми решительными противниками выкупа и нам в этом направлении кое-что удалось сделать. Мы сошлись на компромиссе и этот компромисс меня вполне удовлетворяет! Ираклий произнёс великолепную, прочувствованную речь и он сильно поколебал мою решительность. Люблю слушать Ираклия. Вообще люблю его... В его речах менее всего лиризма, но глубже всех именно он проникает в душу... Его неподдельная, глубокая искренность покоряют. Пафос вдохновения всегда владеет им... Но как печальна его судьба, как трудно ему развернуть все свои силы в карликовых условиях нашей жизни. Иногда я смотрю на него и мне становится грустно. Образ скованного, но не побеждённого Прометея встаёт предо мной и я начинаю понимать трагедию льва, заключённого в клетку...

Но и болеющий лев часто встряхивает гривой и тогда вся пустыня трепетно внимает его гордому рыканию.

1 августа 1918 г. Одзиси. Знойный день.

Утром выступили из Мчадисджвари в Ксанское и Рехульское ущелье. Ночевали под открытым небом; ночью моросил дождь. В Мчадисджварах к нам приходили несчастные матери приговорённых к разстрелу убийц бедного Саши Рикадзе. Они должны были быть уже казнены, но по просьбе Миши Климиашвили – я приостановил эту казнь. Я просил доследовать дело, ибо было бы несчастьем казнить невинных... Но виновных в гнусном убийстве этого честного рабочего мы не должны щадить!.. Я это говорю с болью в сердце, но с глубоким убеждением. Ради целого надо жертвовать частью; спасая общество, надо казнить преступных членов его! В этом трагическая, жестокая необходимость... Таков путь революции...

Теперь мы идём на Ахал-Горы. В нём повстанцы держали наших пленных, и на наше требование о немедленном освобождении узников их погнали во Владикавказ! И мы должны проучить этих преступников...

Меня удручает тупость, темнота и забитость местного крестьянства. Они примкнули к большевизму, а сами типичные собственники и кулачки! В Мчадисджварах наиболее богатые крестьяне захватили и распахали земли Мухранского, а вдов и сирот, вообще бедняков, оставили без земли. В этом их «большевизм»!.. И эти люди нас называют сторонниками дворянства, и несчастное крестьянство верило им... Если бы крестьяне могли понять и почувствовать нашу любовь!

Жертвенную любовь!

Ахал-Гори, 2 августа. Вечер после грозы.

Барский дом Эристова. Старинный феодальный замок!...

«Была гроза и всё в природе освежилось. Лишь одного меня не освежит она»!.. Нет, нет! У меня чудное, светлое, радостное настроение. Давно, давно у меня не было такого

спокойного, бодрого, хорошего настроения. И в этот, освежённый грозою вечер, когда и чувства и мысли свежи, хочется многое вспомнить, о многом мечтать... Но свеча скоро погаснет и не знаю – удастся ли всё вспомнить и записать...

Я в восторге от Ахал-Гори. Чудная, богатая, живописная деревня и на первом плане старый, огромный, оригинально-красивый феодальный замок... Мысли пробуждаются и уходят в седую, суровую и жестокую крепостную эпоху. Мысли уходят назад!.. И всё это – и роскошный дворец, и неприступная обширная стена – построены рабским трудом угнетённых крестьян! И эти освобождённые рабы, получив разбитые цепи и желанную волю, ещё не верят в счастье победы и потому нервничают, волнуются и поддаются всякой провокации. И незаметно для себя они куют себе новые, тяжёлые цепи! Эти несчастные слишком долго были рабами и воздух свободы дурманит их!... В этих условиях очень трудно и страшно работать. Мы прилагаем все усилия, чтобы спасти революцию все её достижения, но не знаю, удастся ли это...

Но мы не щадим живота своего!.. Лучше умереть в революции и с нею, чем жить без нею и её восторгов...

Разваливающееся, упадочное дворянское гнездо! Много разнообразных, отрывочных и пёстрых мыслей. И ещё больше чувств. Когда-то, давным-давно здесь текла иная, более спокойная, раздольная и красивая жизнь. «Счастливая жизнь заполняла свои зелёные берега».

Здесь, в этом старом доме, где теперь разместился наш штаб, когда-то было много счастья и радости! Здесь звонкий, серебристый смех счастливых людей возносился к ясной лазури неба!.. Но всё это, и радость, и счастье, и смех покупались кроваво-тяжёлой ценою несчастья и вечного горя многих... Почти всех!.. Теперь разбито это преступное счастье одиночек! Уже убито это преступное счастье многих, но всё ещё нет счастья всех! Пока мы только разрушаем. День строительства и святого творчества ещё не пришёл... Но он придёт. В сиянии и озарении освобождённого труда...

Но пока его нет.

И хотя я понимаю философию «творящего разрушения», хотя моя «крестьянская душа» непримиримо враждебна ко всему феодальному, но, тем не менее, грусть и печаль овладевают мною при виде разваливающихся, безповоротно гибнущих дворянских гнёзд и при ощущении последнего аромата увядающей дворянской культуры! Ибо это всё же была культура... Жестокая, тяжёлая, замкнуто-ограниченная, но тем не менее своеобразно-красивая и могучая культура...

Вспоминаю Эредви... Это было во время наших Цхинвальских операций, после зверского убийства Георгия Мачабели и милого старика Сандро Кецховели... Мы с боем заняли большую деревню Эредви и выгнали оттуда «большевиков»... Мы разместились в большом, покосившемся барском доме Павленова, где раньше помещался «повстанческий» штаб...

В том доме всё было разбито, разбросано в страшном беспорядке и целое море изорванной бумаги валялось на грязном полу. И в этом беспорядочном хаосе разрешения и грязи я заметил сиротливые, измятые письма, написанные бисерным женским почерком. Я поднял эти письма, но не прочёл их. И эти письма, написанные на нежно-красивой бумаге неведомой женской рукой, странно волновали мне душу и будили целый рой воспоминаний. Теперь эти письма никому не нужны, их топтали грубые каблуки «большевиков», топчем их и мы. Но когда-то с любовью их писали, читали со сладостным трепетом и бережно, любовно хранили их...

Когда-то эти бедные письма дышали жизнью и другим волновали грудь, но теперь они «умерли, умерли»... И вдруг мне стало грустно, и о многом говорила мне эта грусть...

Умирающая красота...

Да, теперь я вспомнил разграбленный барский дом и сиротливые женские письма. Но сейчас я не грущу уже. Какая-то спокойная, большая радость владеет мною и с этой радостью я отправляюсь спать...

Товарищи давно уже спят. Луны нет и звезды ярче блещут... Гаснет свеча...

4 августа 18 г. Ахал-Гори.

5 часов вечера. Гостиная замка.

Меня немного лихорадит, но я не хочу болеть. Нельзя мне болеть! Ухожу к своим мыслям и к своему дневнику. Когда-то, в дни моей юности, я очень любил и умел вести дневник... Теперь, увы, притупились чувства и зачерствело сердце... И серебрится голова...

И хотя меня продолжают называть неисправимым мечтателем, но мечты мои лишились бывшего аромата и обаяния... Вянут мечты! Быть может, это и к лучшему...

Не знаю.

Сегодня весь день шёл дождь и было скучно. Созвали сход окрестного крестьянства и хорошо, тепло побеседовали с ним. Крестьяне начинают понимать нас и уже верят нам. Счастье мирной победы!... Со всех концов приносят винтовки и охотно сдают их нам. Только в районе Ахал-Гори нам уже сдали более 300 винтовок. Лишь осетины относятся к нам с недоверием и враждебно, но и они скоро придут к нам... Вчера меня поразила, восхитила и в то же время рассердила одна осетинка. Мы – человек двадцать всадников с четырьмя пулемётами Люкса – отправились через Икоти и Каюзавети в Захори – в долину Рехула. Грузинские деревни хорошо нас встречали и легко сдавали оружие. Около осетинской деревушки Армаз я заметил молодую женщину в белой косынке, быстро бегущую к деревне. Стал следить за ней. Она добежала до деревни, проворно вскочила в один домик и через мгновение выскочила оттуда с двумя винтовками и патронташами в руках. Чуть приостановившись и оглянувшись кругом, она снова бросилась бежать, стараясь скрыться от нас. Мы припустили коней и стали нагонять её. Мы ей кричали остановиться и бросить винтовки. Она с отчаянием оглядывалась на нас, но продолжала бежать. Убедившись, что её попытка безнадежна, она выпустила одну винтовку, а с другой вбежала в ближайший дом. Мы подняли брошенную винтовку и подошли к беглянке. Она молча стояла в дверях. Лицо её выражало все чувства: решимость, страх, отвагу, горе, отчаяние и ненависть! Выбросив вторую

винтовку, она глубоко вздохнула: как будто потеряла всё! С большей настойчивостью она навряд ли спасала бы даже своего ребёнка...

Теперь я хочу отдохнуть. В этой великолепной, красивой и чистой комнате можно отдохнуть; и наш милый Александр Григорьевич уже отдыхает, растянувшись на полу. Этого генерала мы уже считаем совершенно своим. Его мы ценим, уважаем и главное – любим...

Передо мною великая поэма «Вепхис Ткаосани». Разсеянно перелистываю её. «Вита верхви карисаган ирхевис даикесибис»¹ - случайно прочёл и чем-то близким, дорогим повеяло на меня. Я закрываю поэму и мечтаю. Милые образы витают предо мной и постепенно мысли собираются вокруг той «княжны Нины», которая жила в этом доме, которую я не знал и наверное никогда не буду знать, но о которой говорит Джибо... И я вновь благословляю жизнь...

5-го августа 18 г. Ахал-Гори. Утро.

Ясный, ликующий день. Часть нашего отряда с артиллерией сегодня выступила через Одзиси на Ргвал-Чала. Мы с пулемётами выступаем завтра через Захори в Рекульское ущелье. Это последний акт нашей экспедиции. Потом – в Тифлис!

Сегодня мы помиловали двух приговорённых к разстрелу. Товарищи красноармейцы просили об этом.

5-го августа 18 г. Ахар-Гори. Вечер.

Одолеваю лихорадку. Завтра буду совершенно здоров и годен для похода. Сейчас сижу у запылённого рояля и тихо тоскую по музыке. Какая досада, что во всём отряде нет ни одного пианиста! Никогда у меня не было такого сильного желания послушать хорошую музыку...

¹ В тексте грузинскими буквами. «Осина качается и гнётся на ветру».

Окрестное население радует, успокаивает своим доверием.

Скоро будем в Тифлисе и там займёмся внутренней организацией наших вооружённых сил. Мы хотим стройно сочетать оружие и труд. Хочется верить, что организованная демократия победит стихию анархии!..

6-го августа 18 г. Захори. 11 час. дня.

Рано утром выступаем из Ахал-Гори. Сейчас мы на привале. Были песни, танцы. Гвардейцы веселы и довольны. Осетины не сдают оружия. Приходится прибегать к арестам. Приходится...

6-го августа 18 г. Сел. Циви.

Досада берёт: осетины упорно не сдают оружия. А к репрессиям прибегать не хочется. В деревнях остались женщины, дети и старики: вся вооружённая молодёжь ушла в леса и горы. Местность здесь дикая, но красивая, население бедное, тёмное, некультурное. Деревни жалки и грязны...

В деревни Цубени был приятный сюрприз: совершенно случайно встретили интеллигентную, изящную и красивую молодую осетинку! Она гармонировала с дико-изящной природой. Как затерявшийся горный цветочек блистала она красотой и уставший взор приятно отдыхал на ней...

7-го августа 18 г. Ст. Каспи. Утро.

Конец нашему походу. Он закончился блестяще. Скоро Тифлис! Весело, радостно!

«Конец моей прежней неволе,

Я вольная птица теперь!

На воле, на воле, на воле!!!»

13 августа 1918 г. Тифлис. Дворец.

Датико убили! Мой Датико!.. Убита моя светлая дружба! Долгая, яркая и ясная любовь...

Какой-то злой рок преследует и губит моих лучших друзей...

Александр, Кукури, Поликарп, Маmia, Чико, Валико, Датико! Все они умерли или убиты!.. С трупами своих друзей я хороню частицу своей души, и оскудела, опустошилась душа.

Меня многие любят и ценят; я даже приобрёл некоторый ореол «звонкой славы», но радость вянет и умирает во мне... Вокруг нависают тяжёлые тучи, а ряды друзей редуют...

Может быть, лучше было бы и мне умереть?..

Сочинская экспедиция.

30 августа 18 г. Тифлис. Вокзал. Ранний вечер.

Нет отдыха и спокойствия нам!.. Выступаем в новый, тяжёлый и долгий поход... Двигаемся через Мингрелию и Самурзакани на Белореченскую... Много надежд и радости жду впереди. Много свинцового горя в прошлом... Мой единственный, незаменимый Датико! Как тяжело и тоскливо мне без тебя... Сколько надежд и восторгов убил ты во мне!..

И Ванички, нашего милаго Ванички нет со мной. Судьба его неведома мне и не знаю, придёт ли он к нам...

«Смотрю и смотрю в далёкий сумрак неба, и сердце моё блуждает и стонет с немолчным ветром»...

Я начинаю понимать светлую, молитвенную грусть Тагора...

30 августа 18 г. Тифлис. Ночь. С.-демокр. фракция.

Слушая доклад Габо Хундадзе, приехавшего из Москвы. Невесёлые вещи рассказывает он: разваливается, гибнет великая Россия! И нет впереди путеводной, бодрящей звезды. И всё это сделал большевизм. Он убил революцию и ожи-

вил, одухотворил реакцию. Больно сжимается сердце и стонет душа.

Неужели нет возрождения?! Неужели все гордые мечты о свободной великой России окончательно и безповоротно погибли?!

Вспоминается старое... Вспоминается наш старый, любимый Петербург. Тогда впервые мы узнали Габо. Теперь он хорошо выглядит, но его бывшие «студенческие» доклады с бурным аккордом: «Царя долой, а корону в музей!» - мне больше нравились. Была вера, бодрость и светлость. Были мечты!.. Доброе, тяжёлое, хорошее и скверное старое время!.. Габо тогда голодал и был тощ, как спичка. В холодную зиму он носил два летних пальто... Наша группа его очень любила и по возможности поддерживала. Особенно любил его покойный Датико...

Сегодня новая, тяжёлая весть: убит в горах Абхазии наш лучший офицер Самсон Глonti, а Леонид Новиков ранен. Убит также выдающийся пулемётчик Сургуладзе – герой Очамура... Убиты они в бою с аскерами... Горю желанием скорее столкнуться с врагом. Отомстить ему и раздавить его!..

31 августа 18 г. Ст. Гоми. Вечер.

Медленно и уныло движется наш эшелон. Нет мазута и все паровозы разленились. Выехали из Тифлиса чуть свет и пока топчемся здесь...

1 сентября 18 г. Абаша. Вечер.

В Абаше и окрестностях спокойно. Сейчас мы у Гидиния. Здесь хорошо.

2 сентября 18 г. Сел. Накалакеви. Полдень.

Весь наш штаб вместе с Сосо Гедевановым едет на автомобилях в Мартвили. Нас сопровождают бойкие и шумные мотоциклеты с пулемётами. Отряд Гедеванова прибыл в

Мингрелию раньше нас и он уже по трём направлениям выступил на Зугдиды. Наша задача этим очень облегчается и, повидимому, в Зугдидском уезде нам придётся пробыть не более недели. Это хорошо. Я так стремлюсь в Сухумский округ – там много аскеров, привезённых преступными абхазскими князьями. Эти аскеры ранили моего брата и убили многих наших товарищей народногвардейцев в Моквинском монастыре и на высотах Ачмедзмаха. Наш милый Самсон Глonti убит этими аскерами! Бедный, хороший, славный мальчик!.. Как он был хорош, исключительно хорошо. Гибнут все лучшие, избранные... Тяжело, невыносимо тяжело... Особенно, когда остаёшься один, только со своими мыслями и настроениями. Тогда раскрываются скорбные могилы друзей и дорогие тени встают из земли... Я люблю это скорбное одиночество, я люблю горечь этих встреч... Смерть Валико и Датико окончательно разбила меня... Я живу, работаю, но всё это не то! Нет былого озарения, нет прошлых восторгов...

Но я хочу верить и верю, что дальше будет больше радости... И робко расцветают мечты... Думаю о многом и многих... Часто уношусь в Коджоры, в круг славной семьи милаго Георгия и тепло думаю о них. Родная семья. Вспоминаю маленького Арчила, этого моего верного, неизменного друга; я улыбаюсь и думаю: меня очень любят дети. Это повышает меня в собственных глазах!..

2 сентября 18 г. Сел. Абаша. Вечер.

Возвращаемся из Мартвили. Кониев, Гедеванов, Сандро, Александр, Алпес и другие. В Мартвили стоит права обходная колонна Гедеванова и часть отряда Владимира Джибладзе. Владимир приблизился к Горди и энергично теснит повстанцев, руководимых разбойником Хажония. Характерно, что все мингрельские разбойники заделались «большевиками» и бывшие конокрады теперь борются за торжество великих идеалов коммунистической партии большевиков! У Владимира вид настоящего воина, но он, видно, устал, похудел. Ведь он больной. У него на разведке бандиты отбили

его собственную лошадь и сам он едва спасся. Мы весело подсмеивались над этим и Владимир ворчал. Вообще – Владимир славный товарищ и он неутомим в работе. Несмотря на болезнь, его энергия меня поражает. Если бы многие умели так работать!..

Урожай здесь всюду великолепный... Когда-то нам пришлось обстреливать Мартвили. Теперь здесь всё спокойно и это радует душу. В Мартвили проезжали мимо «огромного, барского, феодального замка» нашего Евгения! Мимо убогого, невзрачного домика Евгения Гегечкори... И как на зло – какой-то сельский буржуа тут же, против дома Евгения воздвиг свой буржуазный замок и совсем затмил экс-премьера!..

3 сентября 18 г. Ново-Сенаки. Утро.

Наш эшелон вчера разгрузился. Наша артиллерия и пулемётная команда произвела большое впечатление... Пришлось ночевать на соломе, под дождём, но теперь дождя уже нет. Сегодня выступаем различными путями на Зугдиды и верю, что скоро ликвидирует мингрельскую авантюру. А скорость необходима, ибо у нас есть сведения, что «большевики» оказываются лишь орудием в руках турецких агентов и преступных князей... Создают анархию, чтобы высадить в Мингрелию турецкий десант. Как в Сухумском округе. Но мы уже здесь и турецко-большевитская авантюра сорвана...

3 сентября 18 г. Квалони. 3 часа дня. Привал.

Отдыхаем здесь. Квалони деревня моего Ванички, одного из нашей «троицы». Но самой «троицы» уже нет: она безжалостно разбита...

Население угрюмо нас встречает. Оно склонно считать нас врагами... Но мы разубедили его!

Отсюда часть нашего отряда выступает на Хорша. Завтра думаем быть в Зугдидах...

Сегодня в Ново-Сенаки к нам прибыла делегация от «16-ти обществ», как она сама заявила. Они изъявляют покорность.

Но состав делегации очень подозрителен: в большинстве делегация состоит из разбойников, а привёл делегацию бывший светлейший князь Уча Дадиани. Было так странно видеть бывшего блестящего конвойца во главе большевистской делегации!.. Когда-то – во дни студенчества – я знал его. Тогда он был в озарении силы и даже некоторой славы... Но изменились времена и обернулось колесо истории...

3-го сентября 18 г. Хопи. Вечер.

Ездили в Цаиши. Там стоит ротмистр Денисов со своей пулемётной командой и маленькой регулярной частью. Его войска обтрепались и кажется изголодались...

Завтра выступаем на Абастуман и хотим с севера – со стороны Хецера закрыть выход абастуманским бандам. Потом обезоружили Зени, Наразени и Хибула. В этих районах я не жду столкновений. Хочется скорее выйти к туркам...

В Тифлис меня совершенно не тянет...

4-го сентября 18 г. Сел. Хета. Полдень.

Лопнула камера, ждём... Сегодня со всех сторон наступаем вглубь Зугдидского уезда, имея в центре Абастуман. В три дня мы уже умиротворили весь уезд...

Хета богатейшая деревня Мингрелии.

4-го сентября 18 г. Болошо Онарио. Вечер.

Сейчас перешли северные болота с красивым именем. Гвардейцы идут весело и бодро. Со мною и Александром идут Сико и образцовый взводный Ражден. С нами одна тифлисская рота. Через час выступим в Хецера и постараемся связаться с Кониевым и Сандро, наступающими на Абастуман с юга...

5-го сентября 18 г. Сел. Хецера. Утро.

Погода скверная. Вечер был чудный, но ночью пошёл дождь. Мы все подмокли. Теперь я приютился на колокольне. Сейчас трезвонят в колокол. Собирали сельский сход. Предлагали сельчанам добровольно сдать всё оружие, в противном случае грозими репрессиями... Грозили, но сами не знаем, в чём выразятся репрессии... Мне до боли жаль этих несчастных, тёмных и одураченных крестьян. Они искренне уверены, что своими анархическими выступлениями защищают интересы народа...

Урожай во всей Мингрелии великолепный. Это радует и успокаивает...

Отсюда восхитительный вид во все стороны... Красивый, мягкий пейзаж...

Сегодня мы сидим без пищи, так как труден подвоз... Придётся питаться молодой кукурузой.

5-го сентября 18 г. Сел. Хецера. 2 часа дня.

Был сельский сход. Мы разъяснили крестьянам цель и смысл нашего прихода. Говорили о турецком десанте в Сухумском округе, о контр-революционных стремлениях дворянства. Больше всего говорили о земле. Кажется, крестьяне постепенно начинают понимать нас. Они внимательно слушают наши речи, сами говорят, соглашаются выполнить все наши требования. И я верю в их искренность... Так как деревня Хецера нас хорошо встретила, мы решили не производить здесь никаких реквизиций, и хорошо заплатить за каждый кочан молодой кукурузы, съеденный нашим отрядом.

Отсутствие хорошей честной администрации создаёт почву для анархии и волнует народ... Местных крестьян несколько притесняют молодые солдаты 12-го полка, но этих мальчиков нельзя особенно винить, так как военное ведомство бросило их на произвол судьбы: они обтрёпаны и голодны... А ведь деньги на них тратятся и много денег! Но

эти деньги не доходят до назначения, они не обслуживают солдат, а остаются где-то там, далеко а тылу, на первых ступенях... Я начинаю думать о народной гвардии... Какая разница в методах организации и питания?! Какая различная заботливость о воинах! Ведь каждый солдат обходится государству гораздо дороже отдельного народногвардейца и несмотря на это, солдаты обставлены гораздо хуже... И это потому, что в народной гвардии есть бдящее око и любящее сердце...

5-го сентября 18 г. Сел. Абастуман. Вечер.

Александр, Сико Тутберидзе и я приехали в Абастуман к Кониеву и Сандро Майсурадзе. Абастуман огромная живописная деревня. Анархия здесь свила себе прочное гнездо. Но наш приход несколько отрезвил крестьян. Мы нигде не встречаем сопротивления и повидимому большинство населения начинает с доверием относиться к нам... Ведь мы затрачиваем огромную нравственную энергию на пропаганду... В Абастумане уже сдали 25 винтовок. Для начала это хорошо. Сейчас обсуждаем важный вопрос о быстром движении на Туапсе, ибо там создаётся странное и сложное положение: Алексеев давит на большевиков, а большевики на нас... Надо спешить туда: и большевики и добровольцы одинаково неприемлемы для нас...

6-го сентября 18 г. Хецера. Утро. Церковный двор.

Рано утром мы выехали из Абастумана. Решено спешно двинуться на туапсинский фронт... Надо встречным ударом опрокинуть и большевиков и добровольцев...

Я в тоске и тревоге: вчера из Абастумана с двумя гвардейцами отправили мне мою любимую лошадь и до сих пор нет ни лошади, ни гвардейцев... Быть может, её перехватили бандиты! Это было бы большим несчастьем для меня... Разбойники могли убить людей и надругаться над ними... Лошадь же чрезвычайно дорога мне, ибо много походов совершил я на ней и на ней же, под пулями, перевозил я без-

дыханный, но тёплый труп дорогого Валико Шарашидзе через реку Храм...

Сегодня в Абастумане большой митинг... Со стороны Зугдид было несколько орудийных выстрелов. Это, очевидно, усердствует ротмистр Денисов...

6-го сентября 18 г. Сел. Хецера. Ночь.

Только что вернулись с поисков гвардейцев и моей лошади. Сделали верхами более 40 вёрст; была глухая ночь и все мы страшно устали. Мы напали на следы лошади и людей. Очевидно, они заблудились и рисковали попасть в руки бандитов. Теперь они все, вероятно, в безопасности...

Во время поиском мы встретили молодую крестьянку. Она приняла нас за большевиков и была очень приветлива. Весело и энергично она поносила меньшевиков. Мы не хотели её разочаровывать, и Александр удачно разыграл сцену...

Вдали редкий ружейный огонь.

Ночь чудная. Яркие звёзды весело мигают... Спали на дворе – на зелёной траве.

7-го сентября 18 г. Сел. Давитиани.

Лошадь моя нашлась. Она спаслась от разбойников. Воображаю, как радовались и злорадствовали бы бандиты, если бы удалось захватить двух гвардейцев и лошадь... Эта возможность меня сильно удручала...

Из Зугдид мы выступили в 5 час. вечера и пришлось заночевать в Давитиани. Население здесь настроено мирно. Перед сном мы дали восемь орудийных выстрелов с высокими разрывами по трём направлениям и взбудоражили всё кругом...

Я убедился, что в «гражданской войне» звуковые и световые эффекты имеют большую роль. Завтра двигаемся через Манучарис-Кахати вновь на Зугдиды, а потом надо спешить на Туапсе. Там положение очень осложнилось. На смену большевиков приходит новая сила, с которой в будущем нам

придётся иметь много неприятностей... Страшное наследство оставляют нам большевики.

Наши уже оставили Туапсе под напором большевиков, которых со стороны Новороссийска гонит Алексеев. Положение сильно осложнилось и нам надо скорее попасть в Туапсе. Я верю в успех и стремлюсь к нему!..

Сандро Майсурадзе мы отправляем в Тифлис для подготовки резервов... Он неутомимый и незаменимый работник.

В Зугдидах много, много товарищей... Мы их освободим от большевистского плена: они заперты в Зугдидах, как в крепости...

К сожалению, почти все местные товарищи растеряны, запуганы и малодейтельны... Постепенно они возвращаются к жизни.

Бедная, забытая провинция!..

8 сентября 18 г. Сел. Большое Коки. Полдень.

Из Давитиани, перерезав шоссе, прибыли в Коки. Артиллерию невозможно было везти по сельским дорогам, и её оставили у шоссе. Сюда приехали Александр, Сандро, Христофор и я с четырьмя Люисами. Местное население к нам хорошо расположено и оно организовало самооборону от анархических банд. А банд здесь очень много. И они тщательно избегают нас... Труссы и грабители!...

Крестьяне дружно собираются на сход...

8 сентября 18 г. Сел. Большое Коки. К вечеру.

Ездили на окраину села в дом одного из главарей бандитов – Михаила Дадияни (Миха Патонискуа!²).

Я ехал с твердым намерением примерно наказать разбойника и конфисковать весь его скот. Но я был глубоко разочарован! Вместо хозяина мы застали его несчастную, изстрадавшуюся семью и вместо скота – изголодавшуюся собаку!..

² В тексте грузинскими буквами.

Это был типичный дом разбойника – запущенный, робко запрятавшийся в прибрежной чаще маленького рукава бурного Энгура... И в этом жалком разбойничьем доме надломилась моя решимость и мною овладела глубокая грусть... Эта грусть росла от пугливых взглядов прекрасной, но больной дочери разбойника... Странную тоску унёс я из этого жалкого дома... Странно навязчиво вспоминается несчастная девушка...

Бедная, хорошая дочь разбойника!.. Помню её и жалею...

9 сентября 18 г. Зугдиды. День.

Ночевали у шоссе, в 13 верстах от Анаклия. Приезжала к нам делегация из Дарчели... «Чела мсурс дарчелиса»³ - поёт-ся в песне... Дарчельцы выполняют все наши требования. Положение в уезде улучшилось. Теперь нужна дружная, серьёзная и творческая работа: нужно скорее и полнее воплощать революцию в жизнь. Иначе революции угрожает величайшая опасность!.. Но нет этих серьёзных творческих сил. Особенно в провинции...

Местные товарищи в большинстве бесплодные смоковницы. Они оторвались от народа и почти потеряли его...

Отряды Сосо Гедеванова благополучно прошли всю восточную Мингрелию и вышли к Зугдидам. Они потеряли лишь одного офицера Арчила Сакварелидзе. Славный Арчил был одним из лучших... Это очень тяжёлая потеря для отряда Гедеванова и для нас...

Рота Георгия Ломтатидзе уже выступила на Рухи – для занятия энгурского паррома... Через несколько часов отправляемся и мы туда для обследования местности...

Завтра весь наш отряд выступает на Очемчиры, а в Мингрелии остаётся Гедеванов...

Зугдидским уездом я очень доволен. Я рад, что почти без жертв и без всяких репрессий удалось умиротворить волновавшийся уезд... Главари бандитов бежали в горы...

³ Чела хочу остаться.

10 сентября 18 г. Сел. Тагелони. Тихий лунный вечер.

Приятный отдых после жаркого, боевого дня... Ночь чудная, ласкающая. Мы, собравшись у свечи, ждём чая и беседуем... Сестра Валя prepares чай...

Вспоминается пройденный день! Из Зугдид мы выступили в 8 с половиной часой утра, а в 4 часа уже были на правом берегу Энгура! И за эти немногие часы мы много пережили... Все части народной гвардии вели себя образцово и я не знаю, кого больше хвалить... К часу дня мы подошли к левому берегу Энгура и банда, засевшая на острове Шамгони, открыла по нашим разведчикам огонь... Мы отвечали ружейным, пулемётным и орудийным огнём. Был страшный шум и под этот шум мы бросили пехоту через незаконченный железнодорожный мост... Первыми перебежали через мост Александр и я. Как-то жутко-радостно было бежать по мосту... Закрепив за собой остров, который бандиты считали недоступным, мы подошли к правому рукаву и здесь встретили более решительное и стойкое сопротивление... У противника здесь затрещали пулемёты. Мы пододвинули пехотные цепи к самому берегу, установили пулемёты, а бравы артиллеристы подкатили одно оружие на картечь... По данному сигналу мы открыли огонь... Сплетающиеся звуки выстрелов создали странную и страшную музыку и под звуки этой опьяняющей музыки, с криком «ура!» - мы бросились вперёд!

Я очень люблю атаку... Какая-то захватывающая сила и тайная красота скрыты в ней... Кругом трескотня выстрелов, покрываемая мерным буханьем орудий, в котором тонут возбуждённые голоса, а сам стремишься вперёд, не чувствуя ничего. Есть одно настойчивое желание: «скорее до врага!»...

Хорошо!..

Славные наши сёстры... Оне не знают ни страха, ни усталости и все мы глубоко уважаем их... Особенно некоторых из них, которые неразлучны с нами во всех наших трудах и походах... И всё это русские сёстры и я ещё раз убеждаюсь в исключительных свойствах русской женской

души... И я не знаю, кто в мире может сравниться с русской женщиной в героизме и самопожертвовании! И всё это у них так просто и естественно – без позы и без фразы... Вот и сегодня – наша маленькая Первуша впряглась в пулемёт и, под градом пуль, везла его, помогая уставшим пулемётчикам...

В Тагелони мы арестовали несколько человек. Захватили более 10-ти лошадей и сожгли дом одного разбойника, бывшего стражника... Бандиты неизбежно толкают нас на путь репрессии, а я так был уверен после Зугдидского уезда, что к репрессиям уже не придётся прибегать... И так радовался я...

Но теперь загорелись огни. Страшные огни гражданской войны... Наверное, наши зугдидские товарищи уже почувствовали теплоту пожара и их испуганные души постепенно согреваются... Ведь они так хотели репрессий!.. Но разве репрессиями создаётся счастье народа?! И хорошо, что мы, которым судьба дала в руки огонь и меч, настроены менее воинственно и более милосердно, чем те, которые остались у своих очагов...

Колонна Георгия Ломтатидзе, находящаяся правее от нас, кажется, ещё не перешла через Энгур. Завтра рано утром пойдём к нему на помощь и ударим в тыл противнику, засевшему против Георгия...

Мы энергично собираем сходы... Я всё ораторствую. Так хочется, чтобы крестьяне поняли нас!.. И они постепенно начинают понимать...

11 сентября 18 г. Сел. Тагелони.

Раннее тихое утро. Лагерь проснулся. Отсюда виден весь снежный Кавказ. Могучий, суровый, озарённый утренним солнцем!..

Ночь прошла спокойно, хотя я опасался ночного нападения...

Народногвардейцы веселы и оживлены... Я молча наблюдаю за ними и радость наполняет меня... Я люблю этих

славных воинов... У многих из них такие светлые, странно хорошие лица...

Сильна моя любовь к гвардейцам. Но и они любят меня... Это очень ценно и очень важно для меня...

11 сентября 18 г. Сел Тагелони. Утро.

Злое утро!.. Разстреляли двух преступников... Страшная, но необходимая жестокость!.. Настроение ужасное, подавленное...

Я нравственно совершенно разбит и очень устал... Так хочется отдохнуть, от всего отдохнуть...

И как много крови в революции... Ценою этой крови и тяжёлых, порой жестоких жертв добывается и сохраняется народная свобода!..

Вот и сейчас я слышу озлобленный, ругательный голос Александра – он переписывает и перебирает пленных. Боже! До чего хулиганы довели Александра, меня и всех нас?! Приходится быть суровым во имя демократии и свободы... Надо быть жестоким во имя справедливости... Надо быть преступным во имя революции!..

Но удастся ли спасти революцию? Хватит ли сил, самоотвержения и самопожертвования?! Трудно сказать... Но я буду верен до конца народу и свободе! Ценой тяжёлых испытаний, ценой собственной и чужой крови, ценой собственного престижа – я буду служить демократии...

Моя последняя мысль, последняя мечта и прощальная улыбка будут принадлежать пострадавшемуся в муках, освобождающемуся народу...

12 сентября 18 г. Сел. Чубурисхинджи. Утро. Контора Джото Шервашидзе.

Расположились в расколотой полевой взвод Акакия Саникидзе конторе товарищества «Сатанджо». Вся правобережная банда бежала, успев ранить при переправе через Энгур двух народногвардейцев из колонны Г. Ломтатидзе. Сегодня спешно наводим паром, к вечеру он должен быть

готов... Бандиты ещё несколько месяцев тому назад испортили все паромы на Энгуре. Мы восстанавливаем прерванную связь...

В психологии населения совершается сильный перелом и оно начинает понимать истинный смысл событий...

Навожу дальнейшие справки о разстрелянных: они заслужили эту казнь!.. Грабили, надували, провоцировали и обирали крестьян. И тем не менее... тяжело. Один из них был такой молодой и здоровый... Слишком тяжела моя ноша!.. Слишком тяжёл крест!.. Донесу ли я его до конца?.. Порой одолевают сомнения, но я отгоняю из прочь... Да, донесу. Должен донести...

Оглядываюсь кругом. Как странно видеть наших передовых рабочих, защищающих революцию с оружием в руках!.. Они стали лучшими воинами, славными воинами великой революции... Да благословит их судьба!.. Я проникся особенной, нежной любовью к ним и даже влюблённостью... Временами, в часы одинокого покоя, - я с молчаливой радостью рассматриваю их открытые, ясные, странно спокойные лица и мне становится весело, легко... Вот и теперь я молча оглядываю их, и какая-то тихая, светлая, но могучая радость овладевает мною... И в эти мгновения я как будто счастлив... Я счастлив их любовью к себе... Я знаю, что многие из них положат душу свою за меня так же, как и я положу за них свою...

Нам предстоит долгий и трудный путь. Но с охулигившимися большевиками нам, кажется, больше не придётся сражаться... Эти несчастные, роковые люди привели к нам Алексеевская войска, привели помимо своей воли и теперь нам придётся иметь дело с Алексеевым, который ввёл свои войска в Туапсе... Положение странное и ложное – в Туапсе стоят и наши и алексеевцы! Надо спешить туда! И положить предел продвижению реакции...

Оправдываются вещия слова нашего Ираклия – через большевитские ворота придёт к нам реакция!.. Сбылось!..

Во всяком случае с алексеевцами будем сражаться охотнее! Без боли в душе и без колебаний... Но эта борьба будет труднее.

Много нового, интересного впереди...

13 сентября 18 г. Сел. Чубурисхинджи. Утро.

Вчера навели паром и переправили всю пехоту. Артиллерию и обоз пустили в брод...

Сегодня наша колонна выступает на Гали. Вчера устроили два больших сельских схода. Народу было много... Дела налаживаются и растёт радость.

Вчера при переправе через вздувшийся Энгур – чуть не утонул генерал Кониев... Мы сунулись в глубокое место и его лошадь закрутило. После много смеялись по этому поводу.

13 сентября 18 г. Гали. Полдень.

Прибыли в жалкую «столицу» Самурзакано. Здесь «тишь да гладь – Божья благодать»! «Врага» нигде не видно. Он, кажется, «укрепился» ближе к Очемчирам, на речке Охури. Сегодня думаем поработать в этом районе, прояснить затуманившиеся головы крестьян... Урожай всюду чудный...

14 сентября 18 г. Перед деревней Репи. День.

Ведём наступление на сел. Репи. Одной ротой со взводом артиллерии... Репи считается очагом анархии. Здесь убили офицера Павленова и пленили нескольких наших солдат...

Противника всё ещё не видно, но он недалеко от нас... Посты его занимают левый берег Эрис-цхали. Через несколько минут, вероятно, будет открыт огонь, но я не жду серьёзного сопротивления. Посмотрим!

Сегодня очень жарко. Чудный вечер вчера сменила великолепная ночь. Ночью на наши посты наскочили разведчики и поднялась стрельба. Меня удивила выдержка наших: не было никакой паники, ни беспорядочной стрельбы. Я вспоминаю прошлый год, когда впервые формировалась на-

родная гвардия, вспоминаю арсенал, Кутаис, Садахло! Какая поразительная разница, какой огромный прогресс!..

У перепуганных разведчиков мы захватили трёх лошадей...

14 сентября 18 г. Сел. Репи. 2 часа дня.

Заняли бунтующую деревню. У реки Эрис-цхали противник расположил свои посты... После лёгкого обстрела они поспешно бежали. Трещали наши пулемёты и бухали орудия, давая «журавли». На крестьян всё это производит колоссальное впечатление и убивает в них всякую энергию к борьбе... Вся деревня опустела; жители попрятались в чаще лесов и в болотах... Опустевшая деревня производит тягостное, удручающее впечатление... Мы строго запретили гвардейцам входить в покинутые дома: гвардейцы довольно точно выполняют приказ. И я с горечью думаю: что стало бы с этой деревней, если бы вместо него здесь действовал бы какойнибудь иной отряд?!.. Ведь здешний большевизм – в значительной степени – порождение безобразных и преступных действий отряда капитана Дундуа!.. И нам лишь потому с такой лёгкостью удаётся замирить бунтующия сёла и деревни, что не огонь и меч являются главным оружием нашим. Вот и сейчас мы созываем сельский сход для пропаганды... Робко и вяло собираются испуганные крестьяне. Но соприкосновение с нами и слово наше преодолеют их робость и откроют их души для нас...

Но некоторые репрессии мы всё же должны применить, ибо слишком много преступников нашло приют – и даже уют – в Репи.

15 сентября 18 г. Сел. Бедия. Полдень.

Только что вошли со значительным отрядом в Бедия. Очень живописная, но бедная и глухая деревня. Население нас встретило доброжелательно и очень охотно собирается на сход. В этой деревне около ста турецких аскеров. Это жалкие остатки десанта, высаженного в тихой гавани Цх-

ургили стариком Александром Шервашидзе и разбойничьим атаманом Таташем Маршания. Неудачи всё время преследовали этот отряд, но он много несчастий причинил Абхазии. Князья-авантюристы привели этот десант. Крестьянская масса осталась равнодушна к этой жалкой и преступной аванюре, и потому-то так легко и скоро сорвалась она... Теперь мы ликвидируем последние остатки десанта. Крестьяне уже сдали нам трёх аскеров и обещали передать нам всех.

15 сентября 18 г. Бедия. Вечер.

Через несколько минут двигаемся обратно. Настроение хорошее, бодрое... На сход пришло много крестьян, и я с ними долго, долго беседовал... На сходе было не мало и дворян; в этих краях их много. Всю силу своих речей я направил против большевиков и князей... Крестьянство слушало внимательно и даже с любовью, быть может... Как хорошо сознавать, что тебя понимают!.. Как приятно чувствовать, что рушится стена взаимного непонимания!..

В Бедия нам сдали более 60-ти обезоруженных аскеров и около дюжины винтовок...

Все аскеры как будто на подбор – рослые и крепкие ребята. Это они убили многих моих товарищей и в числе их бедного мальчика – Самсона Глonti?! Это они искалечили моего брата!.. Я присматриваюсь к ним и с радостью чувствую, что уже нет у меня к ним никакой злобы и ненависти... Напротив! Эти изголодавшиеся, затравленные и запуганные люди вызывают во мне чувство жалости...

Во всяком случае большинство из них совершенно невинны, ибо не ведали, что творили...

16 сентября 18 г. Илорский монастырь. Позднее утро.

Едем верхами в Очемчиры. По дороге всюду спокойно, бандитов нигде не видно. Скоро выедем к морю. Море – моя любовь!

«Любовь мою, широкою как море,

Вместить не могут жизни берега»!..

И часто она выходит из берегов... И тогда сжимается сердце...

17 сентября 18 г. Ачигвара. 2 часа дня.

На двух легковых автомобилях Кониев, Александр с товарищами и я приехали в Ачигвара на свидание с главой самурзаканских повстанцев Павлом Дзигуа. На всякий случай мы захватили с собою один ручной пулемёт... Но я не боюсь вероломства с его стороны. Он уже надломлен и разбит... На новое преступление не решится. В этом отношении у меня есть достаточный опыт. Часто приходится почти одному ездить к побеждённым жестоким врагам. и они не сме- ли поднять на меня руку. Не смели, ибо боялись ужасных последствий своего преступления, не смели, ибо сознавали своё поражение!.. Я ездил и в глухое Джавское ущелье, и к душетским повстанцам, и к татарским бандам, и все они, не- смотря на страшную ненависть, не могли тронуть меня. Этот вопрос меня всегда занимал и я понял, что поражение совершенно разстраивает борцов, убивает в них всякую энергию к борьбе и вселяет в них чувство фантастического страха. Лишь раз в жизни я попал в тяжёлое, почти безвы- ходное положение, и спасся чудом. И теперь дрожь пробега- ет по телу, когда я вспоминаю об этой истории у деревни Натахтари. Пламя анархии в ту пору охватило весь Душет- ский уезд, и повстанцы докатились до ст. Мцхет. Угрожала большая опасность самому Тифлису – этому сердцу револю- ции. Повстанцы заняли Казбек, открыли дорогу владикавказ- ским большевикам, убили товарищей: Сашу Рухадзе и Петра Авлахашвили, разбили и истребили наши отряды. Повстан- цы сознавали свою победу, чувствовали силу, а кровь опья- нила их. Тифлис стал их лозунгом. Мы не хотели новой кро- вавой борьбы. Особенно я не хотел ея, ибо лучше многих со- знавал, каких моральных страданий должна была она стоить. И нам хотелось силою слова и дружеского убеждения усми- рить и победить пробудившагося зверя. И нам, как будто, да- же удалось это. Первый раз повстанцы встретили нас тепло

и при проводах устроили овации. Это были несчастные крестьяне, поднявшиеся против дворянства, но по неведению направлявшие свои удары не по цели. Мы просто пришли к ним, как к товарищам, просто поговорили с ними и они также просто поняли нас. Большевистских агентов тогда почти не было среди них, они не были ещё отравлены большевистским ядом. Мы условились приехать ещё на второй день для окончательных переговоров. В момент нашего отъезда над нами появился аэроплан, направлявшийся к деревне Цилкани, к очагу возстания. Это очень встревожило повстанцев, но мы успокоили их, уверив, что бомбы не будут сброшены. На второй день мы подкатили к Бебрис-цихе на двух автомобилях. С нами был Герасим Махарадзе. Мы были радостны и самоуверенны. Но не успели стать наши автомобили, как на нас направилось несколько десятков дул. У повстанцев были страшные и испуганные лица. Такая встреча нас сильно поразила. Мы быстро сошли с автомобилями, и я спокойно, почти весело спросил: «Что с вами, вы с ума сошли?!» Да, они сошли с ума, ибо проклятый аэроплан бросил бомбы в Натахтари и Цилкани. А мы об этом ничего не знали. Мы попали в страшную ловушку. Только спокойствие и самообладание могли спасти нас...

Мы были искренне возмущены бессмысленной выходкой аэроплана и попросили крестьян показать места, где были сброшены бомбы. Они нам показали эти места и то жалобно, то со страшной злобой рассказывали о происшедшем. Тем временем со всех сторон стекались вооружённые крестьяне. Это был подлинно возставший народ, вооружённый чем попало. Их собралось несколько сот человек, и глухой гул постепенно усиливался среди них. Большевистские же агенты, как паразитические бациллы, нашедшие благоприятную среду, с большей энергией развивали свою чёрную работу и умножали себя. Я попросил всех крестьян собраться, вошёл на придорожный бугор и держал к ним длинную, кроткую речь. Я говорил им о значении революции, о нуждах крестьян, о борьбе против помещиков, о великих задачах освобождённой демократии. Крестьяне молча и внимательно меня слушали. Лишь отдельные провокаторы хотели сбить ме-

ня своими выкриками и увлечь толпу. Почувствовав, что овладеваю этой вооружённой бандой, я совершенно спокойно, громко и самоуверенно говорю: «Не думайте, что мы пришли сюда – к вам – потому, что мы слабы. Нет, вы знаете, как сильна тифлисская красная гвардия и как непобедимы тифлиские рабочие. Но мы не хотим борьбы с вами, ибо мы братья по труду и несчастью. Однако, если вы не слушаетесь нас если вы всё же хотите борьбы, знайте, что мы в три дня разгоним и жестоко накажем вас. Мы пришли к вам так просто и свободно, потому что мы слишком сильны!»...

Крестьяне были озадачены и обескуражены и не слушали уже тех, которые говорили им: «Сам Джугели попал в наши руки. Он их глава. Не выпускайте его».

Момент для них был упущен и мы спаслись.

Да, то были жуткие мгновенья! Теперь не то, Дзигуа совершенно разбит, он лишился авторитета среди своих и уже сам ищет примирения. Вчера он к нам – в Очамчиры прислал двух «послов» с «условиями сдачи». Он покоряется нам, отпускает банду, выполняет все наши условия, но выговаривает себе полное помилование. Наш штаб решил помиловать его, и мы все приехали сюда «на свидание» - поговорить с ним «по душам». Это как будто слишком большая честь для «разбойника» Дзигуа, но ведь нас интересует не самолюбие, а общее дело революции. И если ценою хотя бы даже собственного унижения мы достигнем замирения Самурзакано и приручим непокорного Дзигуа, я охотно иду на это унижение!..

Но решится-ли сам Дзигуа приехать к нам? Хватит-ли у него характера и смелости? Хватит-ли доверия к нам?

Посмотрим!

Наш отряд уже весь выступил на Сухум. Пехота поместилась на «Михаиле», а артиллерия и обоз двинулись походным порядком.

А Дзигуа всё нет!..

17 сентября 18 г. Сел. Ачигвара.

Вечереет... Но Павла Дзигуа всё нет! И, наверное, не будет... Озираюсь кругом и жду, как школьник на свидании – с душевным трепетом и сладостной тоской... И так хочется, чтобы он приехал! Ведь так мучительно хочется всеобщаго замирения и так противна, так осточертела гражданская война!.. Но никого нет. Все дороги пусты. Очевидно, трусят, боятся нас... Подождём ещё немного и будем надеяться. Но надежды мало...

18 сентября 18 г. Сухум. Утро. Дача Шаншиева.

Ночью приехали в Сухум и я с товарищами ночевал у милаго Георгия в их великолепной даче... Эта роскошная дача со своими стройными кипарисами и печальными пальмами, с восхитительным видом на море – слишком дорога мне и нам! Сухумская соц.-демократия росла и крепла в ней... В годы самой тяжёлой реакции, в безпросветных будни наших гонений, - сухумская соц.-демократия здесь находила желанный покой и под сенью хвойной рощи, в забытой нагорной беседке выпрямляла и умножала свои поредевшие ряды... И здесь же рождались лучшие мечты!..

Озираюсь назад и рой воспоминаний окружают меня. Как недавно и как давно всё это было! И как странно – уже поблекли мечты, - потускнели горизонты! И нет уже ни в дружбе, ни в поэзии, ни в саде с кипарисовыми аллеями, ни в самой жизни и былого озарения и благоухающего аромата. Нет прошлой свежести!.. Я задумываюсь над этим. Неужели реакция лучше революции? Конечно нет. Но слишком тяжёл крест, слишком велика ответственность и слишком мало времени остаётся для личной жизни и для восторгов... И не нужны они. Теперь всё личное надо нести на алтарь общности... Да, надо! Но мечты вновь и вновь воскресают, сказки прошлого встают из руин и тревожат загробившую, больную душу.

18 сентября 18 г. Гагры. Чудный вечер.

Только что приехали в Гагры на автомобиле из Сухума. Нас четверо – генерал Кониев, Александр, Г. Ломтатидзе и я. Едем к генералу Мазниеву в Сочи – к командующему черноморским фронтом. Мне впервые приходится ездить по этой дороге; и я в восторге как от дороги, так и от Гагр. Этот миниатюрный, великолепный, но уже достаточно потрёпанный курорт очаровал меня... И как хорошо, как красочно можно было бы устроить всю жизнь, если бы не было этой повсюдной разрухи и преступного, воинствующего большевизма! Если бы этот хулиганствующий большевизм не всадил клина в самое сердце некогда единой демократии!... Можно было бы создать рай на земле и осуществилась бы мечта... Тоскующая, прекрасная мечта всего человечества...

19 сентябр 18 г. В дороге. Утро. Хоста.

Из Гагр выехали рано. Дорога чудная, волшебная... Я упоён красотой природы и вновь начинаю любить и понимать её... Нет! Этих мест никому нельзя отдавать, и наша демократия должна стать хозяином этого рая!.. Тем более нельзя уступать алексеевской контр-революции...

По пути разбросано много причудливых дач. Где теперь их владельцы, с такой заботливостью и вкусом воздвигавшие эти виллы для своего отдохновения? И что случилось с ними? И уцелели ли они в бурном шквале революции? Или их давно уже закружило и понесло ко дну?! Революция глубоко всколыхнула всю жизнь и многое выплеснула на берег... И вместе с грязной, большой накипью старой жизни выплеснуто и кое что красивое, ценное. Но нет иного пути!.. «Лес рубят – щепки летят!» В старой жизни элементы культуры так тесно переплетались с полным варварством и некультурностью, что совершенно невозможно вырвать это варварство, не задевая больно и некоторых элементов культуры. И задачи организованной демократии в том, чтобы было возможно меньше этой боли, чтоб вовсе устранить её!.. И всё же грустно при виде этих одиноких, покинутых дач. Теперь они опустели, и их маленькие, некогда изящные садики заросли сорной травой. Теперь уже в них нет жизни. А раньше, ещё не

так давно, здесь широкой рекой лилась радостная са-
модовольная и ясная жизнь. И звонкий девичий смех весело
мчался по лазуревой глади тихаго моря, а нарядные девуш-
ки, как весенние бабочки, порхали по тихому берегу... Но и
тогда эти дачи были совершенно чужды нам, ибо они все бы-
ли на том, на чужом берегу!.. Вспоминается «Вишнёвый
сад»... В этом вся трагедия нашей жизни! И демократия
должна преодолеть эту трагедию. Только преодолев её, она
создаст свою жизнь, более красивую, мощную, богатую и
яркую. Жизнь для всех! В страшных муках, но всё же со-
здаст.

Правда, роковой большевизм во многих убил веру в твор-
чество демократии. Но ведь большевизм – не демократия.
Большевизм – соединение уродливой диктатуры с подлин-
ной охлократией, это пугачёвщина 20-го века!.. И несмотря
на все разочарования, на все боли болеющей жизни – я
продолжаю быть верующим. Без веры не стоило бы жить...
Впереди виден свет... Слабый, мигающий, как будто дого-
рающий...

Скорее бы восход и возрождение!..

Да будет!..

20 сентября 18 г. Сочи. Кавказская Ривьера. Утро.

Вчера в половине одиннадцатого приехали в Сочи. Первый
«визит» мы нанесли Евгению Гегечкори. Там были Гизо
Анджапаридзе, маленький Иустин, а потом пришёл и гене-
рал Мазниев. Устроили маленькое предварительное совеща-
ние. Мазниев сделал доклад о военном положении, а Евге-
ний сообщил правительственный взгляд на Сочинский округ
и познакомил со своими заданиями. Решено во что бы то ни
стало настаивать и отстоять Сочинский округ и спорить о
Туапсе. Занять границы Сочинского округа придётся пре-
имущественно силами нашей гвардии; она должна создать
непреодолимый барьер для «армии» Алексева – если он
пойдёт на нас войной. И мы создадим этот барьер! Мазниев,
видимо, здесь многое напутал и своей тактикой и своей
безтактностью. Нам придётся всё это распутывать и разря-

жать атмосферу. Во всяком случае с Алексеевым, который является явным и безпощадным врагом демократии, мы все будем драться с большим воодушевлением, чем даже с большевиками. Не будет внутреннего разлада и безпредельной тоски... Преступные большевики! Это они скомпрометировали дело революции и одарили нас Алексеевым...

В Сочах великолепно!..

23 сентября 18 г. Сочи. Полдень.

Несчастный день! На море страшная буря... С вечера подул моряк и ночью разыгрался ужасный шторм! И почти весь «флот» Грузинской Республики погиб у Сочи... Очень тяжело. Я не нахожу места, и стонет душа... А ночью я пережил страшные страдания. Я видел гибель нашего флота и слышал глухой стон разбиваемой волнами баржи. Я переживал каждый удар дикой волны, и как будто это хрустели мои кости, разбиваемые о полуразрушенную пристань!.. Наш «Михаил» уже выброшен на бере, а огромная баржа лежит на боку... Ужасное настроение... Но к горю я привык и чувства притупились...

Буря продолжается... Теперь всё равно.

25 сентября 18 г. Сочи. Ривьера.

Вчера ездили на Лазаревку. Позиции занимаем у Лазаревки. Роты Ломтатидзе и Цитайшвили уже выступили на позиции. Укрепляемся прочно... Местность до Лазаревки восхитительная. Богатейшие каштановые леса и сплошные ореховые рощи!..

Евгений и Мазниев уже в Екатеринодаре. Ведут переговоры с генералом Алексеевым...

30 сентября 18 г. Сочи. Утро.

28-го из Екатеринодара приехали Евгений и Мазниев. Поездка оказалась безрезультатной. У Алексеева, видимо, губа не дура, и он «просил» освободить всё побережье до ре-

ки Бзыби! Наши решительно отказались и нам приходится точить свой боевой меч...

В лице Алексеева мы встретились со своей старой знакомкой – с реакцией... Пока она деликатничает, ибо очень слаба. Но ея нахальство и требовательность будет расти по мере роста ея сил. Поэтому и нам следует умножать свои силы...

К Лазаревке уже подошли алексеевские части. Вчера мы ездили в Лазаревку на свидание с генералом Масловским, для установления разделительной черты. И здесь в Лазаревке я впервые после революции увидел развевающийся трёхцветный флаг!.. И как больно, тревожно сжалось сердце...

Алексеевские войска сильно обтрёпаны, но они очень браво козыряют и среди них много офицеров.

Сам генерал Масловский с нами был очень любезен, но его любезность не внушала доверия... Мы решили линией разделения считать реку Чухукт... Наши гвардейцы группами хотя в Лазаревку и чувствуют себя победителями...

4 октября 18 г. Сочи. Ночь.

Тоска весёлая, страшная тоска!.. Войны ещё нет, но готовимся к ней. И мы, и они – алексеевцы. Мы готовимся с любовью, с увлечением, ибо чуем врага. Сандро, Александр и я стали изучать пулемётное дело. Эта «хитрая механика» очень легко даётся...

А с Алексеевым будет драться не на живот, а на смерть! Неужели и теперь не опомнятся большевики? Неужели хоть теперь не попытаются они стать честными революционерами?! Неужели и теперь, как в мрачные дни батумской эпопеи, они будут безжалостно всаживать нам в спину свой отравленный нож? В какой кошмар они превратили революцию и как святотатственно осквернили светлую идею социализма!..

На мировом фоне происходят крупнейшие исторические перемены и совершаются огромные сдвиги. Болгария уже выбита из строя, Германию бьют. Турция отрезана!

«Всё у лучшему в этом лучшем из миров!»...

6 октября 18 г. Сочи. Утро.

Сегодня Александр и я выезжаем в Чухукт – на нашу передовую линию. Думаем остаться там и укрепить позицию. Наше правительство решило ни в каком случае не уступать Сочинского округа Алексееву: - вплоть до вооружённой борьбы! Это хорошо, это нас успокоило...

На страшном поле битвы народов события развиваются... Турция уже предоставлена своим собственным силам, а это равносильно началу конца. Разгром и ослабление Турции, быть может, вернут нам Батум! Надо с лихорадочной поспешностью готовить нам силы, силы и опять силы! В этом наше спасение. Быть может, Германия начнёт спешно эвакуировать Грузию и к этой эвакуации мы должны быть готовы. С уходом Германии у нас может начаться новая анархия, этот уход может окрылить наших многочисленных врагов, и у нас должно быть достаточно сил для борьбы с ними...

7 октября 18 г. У Головинки.

Ночевали во второй батарее. Батарейцы угощали нас на славу! Настроение у ребят хорошее. Сейчас выезжаем дальше – готовить позицию для обороны.

И для нападения...

8 октября 18 г. Имение Каткова «Чухукт». Утро.

Вчера осматривали работы по укреплению Головинского района. Дела идут хорошо, и народногвардейцы дружно роют окопы... За всё время наших операций нам впервые приходится рыть настоящие окопы... Сапёрными работами руководит наш славный Ражден Кереселидзе, а начальником обороны является Сико Титберидзе. Сико всегда бодр и весел, и его ортачалыцы умеют хорошо угощать. От Сико мы поехали на передовую линию – к Георгию Ломтатидзе. И

здесь мы были совершенно разочарованы и сильно огорчены, ибо нашли, что наша передовая линия неудобна для обороны, так как противник занимает господствующее положение. Это нас очень разстроило и мы решили передовую линию обороны отнести несколько назад. Мы поехали в Zubovu-Shel' – к имению Шереметьева – «Чимитокваджи». И у всех настроение быстро выпрямилось, ибо здесь мы нашли великолепную, неприступную и короткую позицию. Нас охватила бурная, молодая радость, и с этой радостью мы попали к старику Церетели, управляющему имением «Чимитокваджи», который угостил нас молодым мадчари. Было весело, хорошо и привольно! Давно, давно я не переживал такой светлой и спокойной радости. Вспомнились золотые дни студенчества, когда так легко достигалась радость и когда так свободно можно было веселиться!.. Тихая, но могучая радость проникала в сердце, и души раскрывались для восторга! Это был светлый и редкий праздник – праздник за два года революции!.. И снова потянулись будни – тяжёлые, порой ярко-красные, рабочие, революционные будни!.. И пройдут дни, пройдут месяцы, быть может, пройдёт вся жизнь, а этот праздник может не повториться...

11 октября 18 г. На вершине. Полдень.

Мы на разведке. Наш проводник Вячеслав – грузин с польским именем, хорошо знает местность и даёт ценные указания. А местность здесь дикая, богатая, но безлюдная. Она лишь недавно стала безлюдной и всего полвека назад здесь были разбросаны живописные и богатые черкесские деревни. Об этом свидетельствуют многочисленные заросшие сады и брошенные пепелища. Когда-то здесь была жизнь. Теперь – пусто и дико. И некому собирать каштаны и орехи. А их здесь целые рощи, даже леса...

11 октября 18 г. Имение Чимитокваджи. Ночь.

Сейчас нахожусь в пулемётной команде Христофора Шардзе. Мы располагаемся на ночлег. Я устраиваю себе вели-

колепное ложе из пахучаго сена, и рядом со мной ложится сам Христофор. Он чудный, незаменимый товарищ и образцовый офицер. Побольше бы таких работников! Он эс-эр, но я его ценю больше с.-д.-ов... Вообще у нас подобрались славные ребята и в боевой обстановке партийность не играет такой роли. Честность, смелость, безкорыстность и преданность делу революции – вот на что мы обращаем внимание! И у нас много хороших офицеров... Сико, Георгий, Симон, Нестор, Севастиий, Варден, Илья – все они без колебания положат свои головы «за други своя»... И сам Кониев очень ценный работник: с ним мы дружно работаем и знаем, что народу он никогда не изменит!.. Скоро к нам придёт Сосо Гедеванов. Его мы тоже знаем и любим...

На фронте у нас спокойно: роем окопы, исследуем местность и ждём врага... Враг молчит и мы все страшно скучаем.

Разбитые и изолированные турки очищают Ахалцихский и Ахалкалакский уезды. Радость растёт, надежды крепнут. Мы отстаивали свободу и революцию!.. И мы докажем, что революция не только разрушение, но и высшее творчество!.. Мы это должны доказать!

Пулемётчики располагаются спать. Ночь чудная, тёплая. Серп луны повис над уснувшей кудрявой горой и тихими, ночными шопотами наполнилась земля...

Хороша жизнь!

Хорошо, радостно жить!..

12 октября 18 г. Имение Чимитокваджи. Утро.

Чудная молодая липовая аллея. Сижу под липой и слушаю звучную тишину пробудившейся природы. Одиноким гвардейцы усердно собирают орехи, а наши лошади мирно пасутся на сочном лугу. Уже глубокая осень, листва позолотела, а трава всё ещё зелёная, будто весенняя...

Я ушёл от людей, ушёл к своим запискам, к самому себе. И как-то легко, привольно дышется, как-то странно, спокойно и радостно на душе. Сказочно хорошо здесь!.. Но поразительное, гнетущее безлюдие. Всё мёртво вокруг. И всё это

надо оживить, одухотворить. В этом задача и призвание демократии. Уже несколько дней, как я уехал из Сочи. Я ушёл от скучной, но великолепной Ривьеры, ушёл от всех соблазнов оскудевшего и почти опустевшего курорта. Но он не совсем ещё опустел. Тем ещё не мало «бывших людей», людей некогда сильных, властных и богатых. Почти все они ненавидят революцию, которая их разорила и унизила. И они все с нетерпением ждут алексеевцев. С нами они очень почтительны, даже любезны, но не любят нас. Не любят как революционеров и как грузин. И эта нелюбовь переходит в скрытую ненависть.

Судьба как будто начинает нам улыбаться. Международная обстановка постепенно проясняется и приближается всеобщий мир. В этом спасение! Сегодня из Закавказья начинают выселяться турки-завоеватели. Завтра, очевидно, наступит очередь Германии и к этому должны быть мы готовы, должны собирать все свои силы. И как ни печально было «мирное проникновение» Германии в нашу страну, как ни тяжело было мириться с этим, - одно для всех очевидно: Германия оберегла нас от турецкого вандализма и от многих внешних опасностей. И за это мы благодарны Германии. Вся наша страна благодарна ей. Но скоро наступит час, когда мы должны сказать Германии: «Мавр сделал своё дело»... И к этому мы должны готовиться, для этого мы должны быть сильны!.. И чем скорее мы разделаемся с алексеевцами, - тем лучше...

В этот знаменательный час мировой и отечественной истории меня уже начинает тянуть в Тифлис. Ведь, там выковывается наша политика, - ведь, это мозг и душа нашей страны!.. А мне всё приходится скитаться по бесконечным походам и это отрывает меня от политики. И вместе со мной - многих передовых, старых работников. В этом печаль. А, ведь, многие «безпозвоночные интеллигенты» даже из числа товарищей (к сожалению, есть и такие!), наверное, полагают, что к походной жизни меня влечёт авантюризм моей натуры. Кто знает, быть может, в этом есть доля правды, но товарищи жестоко ошибаются, когда полагают, что чистая политика только их удел. Но если я без колебания променял

толстые книги (а их я страшно любил!) на трёхлинейку, а политику на войну, - то лишь потому, что в революционных войнах я видел основание нашей политики, нашего государственного строительства. И даже сейчас, - будучи вооружён до зубов, я, прежде всего, считаю себя политическим деятелем, - а уже потом – воином революции. Прежде всего, и после всего я просто с.-д.-т. Без всяких попен*ов и сог-попен*ов!..

23 октября 18 г. Сочи. Ривьера. Утро.

Ездил в Сухум. Там произошло «возстание» абхазцев. Конечно, никакого возстания не было, но, повидимому, часть реакционно настроенных абхазцев замышляла выступление. И из этой мухи постарались создать слона!.. В связи с этим в Сухуме произведены аресты и в числе прочих арестованы Ваничка Маргания и Жора Аджемов. Их, конечно, не надо было арестовывать, ибо они, во всяком случае, не реакционеры. Но странный Ваничка! Зачем он связался с компанией реакционеров, зачем он становится невольным их орудием?! Ведь, Ваничка мой старый друг. Меня страшно потянуло в Тифлис. Хочется быть в центре событий. А событий так много! Немцев бьют на Западе и здорово бьют! Турции приходит «кончание» и, наверное, Батум вновь станет нашим. Вообще, международная обстановка радикально изменяется и нам надо строго всё учитывать...

Вспоминается позорная батумская эпопея и не менее позорный мир с Турцией. Быть может, я и покойный Валико Шарашидзе были правы, когда так энергично предлагали отвергнуть унижительный мир с Турцией и призывали к войне. Кто знает?! А, может быть, тогда нас ждала верная, неизбежная гибель?.. Трудно сказать...

Англо-французская коалиция уже явно берёт верх и я боюсь, что армяно-русские шовинисты сумеют настроить англо-французов против нас. Во всяком случае, они постараются сделать это. Но я не хочу верить, что это им удастся. Перед всем миром, перед всяким судом, даже наиболее строгим, мы можем смело и честно предстать! Ведь, мы из-

немогали в неравной борьбе с турками и ниоткуда нам не было помощи. Никакой! Ведь мы гибли в этой ужасной борьбе, и в боях с турко-татарами пали смертью храбрых наши лучшие товарищи – Валико Шервашидзе, Самсон Глonti, Сургуладзе, Беридзе, Арон Шервашидзе, Андгуладзе, Чхаидзе и много-много других!..

И ценою этих тяжёлых жертв мы спасли наш народ от гибели и разорения. И этого не могут нам простить наши враги. Этого не могут простить нам армянские шовинисты, которые организованно травят нас! Но тем не менее мы должны наладить добрые отношения с несчастным армянским народом. Нам надо научиться быть чуткими к его страданиям и во имя этих страданий простить ему его болезненный, неуравновешенный национализм. И, прежде всего, нам следует скорее размежеваться. Я готов отказаться от Бамбака и Лори. Пусть всем этим владеют армяне, но пусть они станут нашими верными и честными друзьями! Пусть они поймут, что лучшим их союзником является молодая грузинская демократия...

Если бы только они это могли понять!..

3-го ноября наш партийный съезд. Хочу непременно попасть туда. Хочу повоевать с внутри-партийным национализмом! А борьба необходима, ибо национализм начинает решительно проникать в нашу среду и этому надо положить конец. Мне жаль Ираклия в нашей среде. Ему нужно больше воздуха и простора. Иначе он задохнётся. Ведь он такой большой и у него могучия крылья!.. Ираклий и большой Ной мои светильники. Для них я решусь на многое...

Евгения я сильно и хорошо люблю...

24 октябр 18 г. Сочи. Ривьера. Утро.

Вчера ездил на позицию. Там всё в порядке. Лишь надоело нам топтание на месте. Всех сильно тянет в Тифлис. А некоторые, очень немногие, сознательно мутят воду. Их надо прогнать. С клеймом...

Из Тифлиса передали печальную и жуткую весть: в Борчалинском уезде начались столкновения между армянами и

грузинами! Это страшное известие меня глубоко печалит. Я не боюсь борьбы, но, ведь, это взаимная гибель!.. Первое нападение произвели армяне. Нам пришлось защищаться. Неужели этому не будет положен конец? Неужели будет война?! Не хочется верить этому. Страшно поверить! Неужели два маленьких, несчастных, в страшных муках освободившихся народа сойдутся в смертельном бое и перегрызут друг другу горло?! Неужели армяне всё забыли? Ведь, это наша народная гвардия освободила армян Борчалинского уезда от турецкой тяжёлой пяты, и в борьбе за их свободу пали наши лучшие товарищи! И в первых рядах несравненный Валико Шарашидзе. И я ярко помню радостный день освобождения Шулавер. Население восторженно нас встречало, а женщины крестились и благословляли нас. И слезы радости дрожали на их глазах!.. И хотя в борьбе за Шулаверы погибли Валико и другие товарищи, но даже эта величайшая печаль не могла омрачить всеобщей радости освобождения.

И неужели всё это забыто?!

Я передал в Тифлис, чтобы употребили все усилия для ликвидации возникших столкновений. Но если, к величайшему несчастью, это не удастся, мы должны решительно взяться за меч! И я знаю, что мы победим. И это будет победа демократии над шовинистами...

28 октября 18 г. Сочи. Ривьера. Ночь.

Сегодня по прямому проводу говорили с Евгением в Тифлисе. Много нового, интересного, хорошего: с армянами всё улажено, а главное – близится конец международной бойни, и занимается зарево мировой революции. Трещат троны, летят короны и заколебался весь капиталистический мир!..

А маленькая освобождённая Грузия, руководимая испытанными вождями демократии, смело плывёт по разбушевавшейся международной стихии и кажется выплывет, не погибнет. Тверда рука рулевого и опытен его глаз...

Немцы окончательно уходят из Грузии. И мы можем сказать: «любовь была без страсти, разлука будет без печали». Я рад уходу немцев, но, тем не менее, благодарен им. Они спасли нашу страну от турецкого разгрома и в этом их величайшая заслуга перед нашим народом. Правда, они спасали Грузию для себя, но всё же спасли! Правда и то, что если бы не поражение на западном фронте, Германия постаралась бы наложить свою лапу на нас. И эта лапа была бы не легка...

Но теперь конец.

Нам заново приходится налаживать отношения с Европой. С этой целью отправляют Ираклия в Париж. Он должен поведать миру печальную повесть республиканской Грузии, он должен ознакомить Запад с трагедией этой страны. Ведь, и сам Ираклий трагичен, и ему легко понять всю тяжесть нашей трагедии... Славный, единственный Ираклий! Как хорошо, что он едет в Европу. И для него, и для нас. Там он найдёт свою стихию и в нём вновь пробудятся все его силы. А в нашей узкой и ограниченной обстановке временами его бывало жаль... И вспоминался «Узник»:

«Сидит за решёткой в темнице сырой,

Вскормлённый на воле орёл молодой»!..

Сегодня я долго сидел в казино и слушал музыку. Грустные мысли окутали меня. Раскрылись свежие могилы погибших друзей и скорбные, дорогие тени прошли предо мной. Мой бедный Датико!.. Милый, милый мой друг! Никогда, никогда я не забуду тебя. И моё сердце вечно будет сочиться кровью при воспоминании о тебе...

Но есть и радость: Ваничка уже в Кутаисе: имею от него телеграмму. Страшно хочется встретиться с ним и посмотреть на него. Каков он и не изменился-ли?.. Хочется вместе с ним работать, бороться и жить!

Умирать уже не хочется.

Но смерти не боюсь. Не прячусь от нея...

31 октября 18 г. Сочи. Ривьера. Утро.

Да расцветают, крепнут мечты! В Европе загорается очистительный огонь великой революции, и она должна залечить все раны войны. Капиталистический мир, приведший человечество к этой ужасной бойне, в ней же должен найти свой неизбежный конец. Это будет!.. Близится мир мира и в этом мире воскреснет убитый интернационал. И как далеко ушёл от нас этот, некогда славный рабочий интернационал! И как нужен он изстрадавшемуся, обезумевшему человечеству! Особенно теперь. Национализм привёл весь мир к краю бездны. Национализм овладевает даже рабочими массами!.. Я начинаю проверять себя. И я с радостью убеждаюсь, что дух интернационала ещё не погас во мне! У меня нет ненависти ни к одной национальности и всякая народность дорога мне. А развалившуюся, больную Россию я люблю страстной, пламенной, но скорбной любовью. И я с любовью жду того дня, когда мы – свободные – вновь протянем руку освободившейся великой России!.. Развал российской революции никогда не простится преступному большевизму. И трагический ужас России в том, что борющиеся на её необозримых полях две крайние силы, - большевизм и монархия, Ленин и Деникин – по существу и по методам совершенно тождественны! В своей беспощадной борьбе эти силы друг друга рождают... И нет средней, подлинно революционной творческой силы, нет революционной России! Большевизм вырождается в сплошную демагогию, в распоясанное угодничество перед толпой и на этой почве с ним трудно бороться... И когда рядом с этим я вспоминаю грузинские условия и переносюсь мыслями в чёрные дни напора большевиков на Тифлис – я восторгаюсь твёрдым сознанием и государственным, подлинно революционным демократизмом наших рабочих! Я поклоняюсь им... И если у нас спасена революция, если ни большевизм, ни реакция не захлестнули нашей страны – в этом исключительная, неоценимая заслуга тифлисского пролетариата! А вся народная гвардия?! Разве это не революционное детище тифлисских рабочих? Разве когда-нибудь история Грузии забудет заслуги народной гвардии?..

Став у власти, - демократия Грузии самовооружилась и организовалась в рабоче-крестьянские батальоны. В этом величайшая заслуга нашей демократии. И я с гордостью констатирую, что не было ни одного случая, когда наша демократия злоупотребила бы своим оружием, когда она гордо и надменно бряцала бы оружием. В этом моя величайшая радость!..

Я знаю, что у народной гвардии много врагов. Знаю и то, что у народной гвардии много теневых сторон и никому лучше меня эти тени не знакомы. Но одно неоспоримо: света в народной гвардии много больше, чем тени! Это не требует доказательств. А многие полагают, что я – слепой поклонник и апологет народной гвардии. О, как жестоко ошибаются эти многие! Я лишь повторяю слова Белинского: «Я не слишком большого мнения о себе, но и не думаю о себе слишком мало». Я не преувеличиваю заслуг народной гвардии, но и не умаляю ее трудов. И хотя в организации гвардии много дефектов, а в ее деятельности есть ошибки – но преступлений безусловно нет. Конечно, в гвардию могут проникать отдельные преступники, но в массе своей, в своей основе народная гвардия чиста и безкорыстна. Она честно и свято исполняла свой долг перед демократией и самоотверженно спасала революцию. Это я с гордостью отмечаю! И если найдутся скептики, я им раскрою скрижали народной гвардии. Эти скрижали писались кровью ея... Я буду называть только имена, я констатирую лишь факты!

Установление революционного порядка в Тифлисе, взятие арсенала, поход в Гори, экспедиция в Душет, обезоружение 8-го полка в Телави, обезоружение 1-го и 115-го полков в Кутаисе, Садахло, обезоружение 1-го конного полка в Тифлисе, Цхинвали, Мингрелия, Нотанеби, Сухумский поход, борчалинская экспедиция, Лечхум, Ахалцих, душетский поход и черноморская экспедиция! Это всё сухое перечисление, но на этих названиях водвигнется история. Разве недостаточно этих названий, не говоря уже о каждодневной, незримой, нервной, но часто кровавой работы?.. Всё это уже осталось в прошлом и перечисленные названия для многих уже исчезли. И когда теперь те самые люди, которые в

«смутные дни» готовы были целовать края одежды народно-гвардейцев, хотят забросать гвардию грязью, - мы знаем, что эта грязь к ней не пристанет! Теперь этих людей от буржуазии смущает и стесняет вооружённый народ и они хотят его обезоружения. Но этого не будет! Демократия для себя вооружилась и она не сложит оружия. До полной победы! Пусть это знают наши враги...

А интернационализм народной гвардии, - в наш век торжествующего национализма – ведь это подвиг! И как радуюсь я, когда в рядах гвардии слышу все языки и вижу все лица. В этом человеческая красота, в этом величие демократии!..

Да, наша гвардия не похожа на гвардию большевиков...

7 ноября 18 г. Сочи. Ривьера.

Сегодня выезжаю в Тифлис. Маленькая «Титания» подходит уже к Сочи, но море сильно волнуется и не знаю, удастся-ли шлюпке выйти к пароходику. Ведь, в Сочах нет бухты и нет никакого укрытия от волн...

Спешу на с.-д-ий съезд и хочу энергичнее двинуть вопрос о смене гвардии на сочинском фронте... На съезде много больших вопросов, и я хочу участвовать в их решении. Хочу быть на левом крыле!.. Смену нужно произвести незамедлительно, ибо гвардию необходимо готовить для возвращения Батума! Батум становится мечтой многих гвардейцев, и я верю, что на Батум с восторгом пойдут наши батальоны... А занять Батум нам следует до проникновения в Чёрное море царицы морей...

Мы должны искупить батумский позор!..

14 ноября 18 г. У Тамыша. Вечер.

Лопнула камера и мы задержались. Совершенно не кстати! Из Сочи выехали вчера в полдень и заночевать пришлось в Сухуме. Родители страшно обрадовались моему приезду, ибо они меня совершенно не ждали и продолжали думать, что я в плену у деникинцев. Но я очень счастливо вырвался из этого глупого и гнусного плена! Попал же я совершенно

случайно и по странно-глупому стечению обстоятельств!.. Ветер на море всё крепчал, страшные волны громоздились друг на друга и маленькая, жалкая «Титания» совершенно изнемогала в неравной борьбе... На небе мерцали яркие звёзды, и я мыслями уносился к ним. «Титании» угрожала гибель и, спасаясь от смерти, пароход повернул обратно. И привёз меня в Туапсе! К врагам моим. Со мною было пять народногвардейцев... Нас арестовали и три дня не выпускали из Туапсе. И за эти дни я многое видел, много переживал. Я видел мёртвый город! Город совершенно раздавленный страшной и необузданной реакцией... И я говорю вам, товарищи: держитесь за вашу молодую свободу руками, ногами, зубами и своей собственной кровью! Держитесь крепко, до смерти...

Горе нам, если потеряете её!..

15 ноября 18 г. Очемчиры. Утро.

Пришлось заночевать в Очемчирах, ибо камеры всё время лопались. Не знаю, как доедем до Ново-Сенаки. Камеры уже на исходе...

В Очемчирах товарищи знали о моём пленении и они мне очень обрадовались. Рады были и сухумские товарищи... И эта радость друзей меня ободряет. Как хорошо, когда чувствуешь к себе любовь!.. Любовь общественную...

Мне передавали, что весть о моём плене глубоко взволновала моих друзей народногвардейцев. Все они забыли смену и решительно встали в ружья! И это я ценю...

С Запада всё новья и новья вести. Эти вести бодрят! Пожар мировой революции растёт и он охватывает уже многие государства. Короны летят, троны рушатся, - короли и императоры бегут из своих государств и не находят пристанища! Как крысы на горящем корабле! И на свою беду затеяли они эту несчастную войну... Сбылось! Буржуазия вызвала к жизни те силы, с которыми она не в силах совладать!.. Наступают сумерки капиталистического мира и, если человечество не найдёт выхода, наступят великия и всеобщия сумерки!.. Но выход должен быть найден. Если человечество хо-

чет жить, оно должно найти этот выход... И, быть может, из моря слёз и океана крови, из тьмы несчастий и ужасов мировой бойни – вырастет чудное дерево социализма. Великое дерево возрождения и жизни!.. Я верю, верю!..

Очередь теперь за союзными странами. Пролетариат Англии, Франции и Америки – слово принадлежит тебе!.. Весь мир ждёт этого слова... В Германии уже образовались советы. Да здравствуют германские советы!.. Но некоторых пугают эти новые советы. Они боятся тяжёлых и гибельных российских опытов, боятся великаго всесветнаго анархизма... Но ведь, анархизм не есть продукт советов, и наш маленький грузинский опыт доказал это... Именно советы убили у нас анархию и дали победу революции. Советы при-сущи первому фазису революции и современная революция должна пройти через советы... А, главное, не надо бояться названия и даже имени большевизма не следует пугаться. По своей идее большевизм не страшен. Страшна лишь большевистская практика. Даже больше – чистая идея большевизма, брошенная на богатую почву английского капитализма, может дать богатейшие всходы, но та же идея среди плевелов и бурьяна российского варварства даёт отвратительные, ядовитые ростки!.. Не в том несчастье, что большевизм хотел насадить социализм, а лишь в том – как и где он хотел его насадить... И потому преступна не идея большевизма, а преступны его методы, его живая практика. Но всякую идею в век социальных катаклизмов мы должны расценивать с точки зрения практики. И с этой точки зрения весь большевизм преступен!..

Но одно неоспоримо: Европа не выскочит из догорающего огненного круга войны, - если она не станет на путь социализации. Перед роковой дилемой стоит весь цивилизованный мир: или гибель на старых капиталистических путях, - или же возрождение и жизнь на новых путях...

И да здравствует этот новый, спасительный путь!..

15 ноября 18 г. Чубурисихинджи. Позднее утро.

Опять лопнула шина. Беда!.. Едем по местам, где прокатились волны анархии. Теперь здесь полная тишина и спокойствие. По шоссе большое движение и всюду жизнь. А что было здесь всего два месяца тому назад?! Все дороги были пусты, паромы разрушены, торжествовала анархия! И как радуется душа, когда видишь эту новую жизнь и когда чувствуешь, что в строительстве ея была и твоя доля труда и усилий!.. Очевидно, врач испытывал такое же чувство, когда встречается со своим старым больным, которого даже сам считал обречённым, но которого ценой своих усилий вернул и возродил к жизни... Эти места я считал безнадежно больными... И потому так тихо, но сильно радуюсь я...

15 ноября 18 г. Ново-Сенаки. Вечер.

Только что прочёл условия перемирия и воззвание германских социалистов. Стонет душа!.. Как безпощаден и холодно-жесток империализм. Торжествующий империализм!.. Теперь так же хотят раздавить революцию в Германии, как сама Германия раздавила революцию российскую!.. И страшная, оскорбительная обида проникает в душу... Сегодня я видел отъезжающий немецкий эшелон. Уезжающие солдаты весело-грустно махали нам руками... Я долго провожал их печальным взглядом и какая-то светлая скорбь овладевала мною... Они – победители возвращаются в свою побеждённую страну!.. Бедная, бедная Германия!..

Завтра заседание тифлисского совета рабочих депутатов. Ной, Иракий и Карл делают доклад о революции в Германии. Хочу поспеть на эти доклады. Хочу вновь и вновь воззвать: да здравствует революция!..

14 декабря 18 г. Тифлис. Вечер. Заседание
главного штаба.

День Народной Гвардии сошёл торжественно, великолепно. Была душа, было настроение, была неподдельная любовь!.. Это был светлый праздник освободённой демократии... Я не ожидал такого успеха... Был чудный день и тифлисский пролетариат вышел со своими красными знамёнами и с песнями революции посмотреть на своё детище и громко приветствовать его... Но светлый праздник уже омрачается... Нависают тяжёлые тучи...

Сейчас у нас идёт серьёзное заседание. Обсуждаем санаино-воронцовския осложнения. Назревают тяжёлые, кровавые события. Уже есть кровь!.. Армянския банды всё более и более наглеют и наносят нам предательские удары. Удары в спину! И надо проучить эти банды!..

Но для меня это самая тяжёлая, самая печальная экспедиция. Тяжёлая в психологическом смысле, ибо враги демократии и социализма легко могут придать борчалинским осложнениям националистический характер. И на почве этих осложнений могут прорасти самые отвратительные, самые ядовитые ростки национализма!.. И потому, прежде всего, нам не нужно терять равновесия, не надо терять голову!.. Но нужна, вместе с тем, величайшая решимость!..

Решимость, осторожность и такт! Лично я, да и все мы стоим за соглашение. Я настаиваю на полном и строгом размежевании границ... Но, ведь, это можно и должно было решить соглашением! И мы шли на это соглашение... Сейчас говорил наш славный Микич. Он очень взволнован и омрачён. Но он твёрд, непреклонен! «В борьбе с анархией и реакцией надо быть решительным!» – говорит он. А, ведь, нам навязывают подлинную реакцию и анархию... Легко и тяжело, светло и мрачно... Как преступны дашнакцаканские политики! Как беспощадны они к своему собственному народу!.. Неужели с нами нельзя было сговориться?! Неужели просто нельзя было с нами поговорить?! Неужели вы больше надежд возлагаете на свой притупившийся меч?! Неужели вы хотите, чтобы мы доказали превосходство нашего меча?..

Мы это докажем!..

И, тем не менее, дают мысли, сомнения и грусть. Давит тоска...

«Господи! Если возможно, пусть минует меня чаша сия»!..

Война с Арменией.

15 декабря 18 г. Тифлис. Утро.

Война не объявлена, но есть война!... Сейчас иду напутствовать наши части, отправляющиеся на фронт.

Опять на фронт!

На самый тяжёлый и ответственный фронт... Боюсь, что этот фронт может стать могилой грузинской и армянской демократии... Но я верю, что этот фронт скоро умрёт. Хочу верить!.. Он разобьётся о твердыню нашей солидарности и он умрёт...

Сегодня выступает наша славная, закалённая 1-ая горная батарея, весь конный дивизион и часть мотоциклетно-пулемётной команды. Это первый отряд народной гвардии... Подготавливаем резервы...

Горе...

16 декабря 18 г. Тифлис. Ночь.

В полночь выступает наш кадровый батальон с Симоном во главе. Александр едет с ним. Завтра двигаюсь я с резервным тифлисским батальоном и с пулемётной командой Шарадзе...

Всё ставим на ноги, мобилизуем резервы, бьём в колокола!.. Провинция дружно и радостно отозвалась на наш призыв. В обществе твёрдое, деловое настроение. Есть энтузиазм... А с фронта дурные, печальные вести! Один бронепоезд взорван, два же других отрезаны и дерутся вместе с оставшейся пехотой. Судьба отряда Арчила неизвестна, а Володя с отрезанными броневиками... Воронцовка взята и отряд генерала Цицианова уничтожен!.. Надо спешить и спасать. И мы спасём! Я это знаю...

У нас крупные потери, ибо враг вероломно и гнусно напал...

Позор и горе. Позор и горе вам!..

17 декабря 18 г. Тифлис. Вечер.

Лида играет Чайковского и мою любимую «На Альпах». Играет просто, но с душой, с настроением... И на меня нападает тихая, озарённая грусть. Вспоминается Петербург, наша светлая, уже разбитая троица и наши милые, несравненные сёстры... Вспоминается многое. И крепнет грусть...

Через час – вместе с крупным эшелоном я выезжаю в Садахло. Александр уже там...

Отрезанные отряды вышли из Ахталы, но броневики остались там и погибли... Враг очень вероломен, но мы скоро проучим его... Видит Бог, что мы не хотели этой войны. Болеe всех не хотел ея я! Но нам её навязали. И мы взялись за меч! И меч наш победит...

Демократия с нами.

Сегодня я выступал в парламенте и мне устроили шумные овации... Вспомнился злополучный Сейм и моё выступление в нём накануне падения Батума. Тогда тоже были овации... Но тогда был и позор поражения!.. Теперь я приношу радость победы...

А Лида вся ушла в музыку... И эта музыка даёт мне новую веру и новую решимость... Как хорошо жизнь и как отвратительна война!..

18 декабря 18 г. Садахло. День.

Опять Садахло!.. В третий уже раз... Приехали сюда генерал Ахметелов, полковник Джиджихия и я. Здесь встретились с генералом Цулукидзе и ждём Александра. Александр с особым батальоном занимает высоты над Ламбалом... У Цулукидзе довольно дряблый, поношенный и усталый вид. Ведь он разбит!..

Народную гвардию сосредоточиваем на Екариненфельд. Большой Ной решительно сказал нам: «Не связывайте себя

задачей спасения броневиков. Наши рабочие сделают новые. Спешите в Екатериненфельд и защитите Воронцовское направление!»... И мы выполняем эту задачу. Наш эшелон я оставил в Сандаре. Сегодня он выступает на Екатериненфельд. Особый батальон снимаем в Ламбало и тоже спешно перебрасываем в Екатериненфельд... Будет бой и победа!..

Вчера выпол глубокий, рыхлый снег. Сейчас кругом всюду много снега. Будет кровь. И алая кровь обогрит этот белоснежный покров.

Да, будет много крови... Снег вновь пошёл. Пушистый, крупный снег... Наш поезд тронулся. Едем в Сандар – к эшелону... Скоро бой.

И победа!..

19 декабря 18 г. Екатериненфельд. Разсвет.

Вчера весь день шёл снег. Давно, давно я не видел такого глубокого и красиваго снега... Будет тяжёлая и холодная война. Очень холодная!.. Здесь уже сосредоточены наши крупные силы. Подходят новые части... В Екатериненфельде нас встретили Сандро и Георгий Химшиев. Они с нетерпением ждали нас и наш приход окрылил их. И мы подшучивали над Сандро по поводу его последней телеграммы: «Спешите на помощь! Быть может говорю с вами в последний раз». Сандро посмеивается, ворчит, сердится...

Завтра переходим в наступление. На Болнис – Хачин. Расколотим врага. Я это знаю...

Екатериненфельд великолепная деревня. Большая, богатая, культурная и красивая. Улицы очень стройные, освещены электричеством и всюду водопровод... Во многих домах играют на пианино!..

Когда наша деревня достигнет этой высоты?! Слишком долго придётся ждать...

19 декабря 18 г. Екатериненфельд. 11 часов утра.

Только что закончился бой... Тяжёлый, неожиданный и чудный бой!.. Одиночные выстрелы ещё слышны в отдалении... Они умолкают. Это наши преследуют бегущаго, разбитаго врага...

Я очень, очень устал!.. И все мы страшно устали...

Мы победили, но дорого заплатили за победу... Убили дорогого, несравненного и неустрашимого Сандро! И многих ещё убили... Горе, тяжёлое, неутешное горе овладело мною... И радость славной, исключительной победы убита страшными потерями...

Я и Александр остались живы и победили. Одна пуля пронзила полушубок Александра в спину, но сам Александр остался невредим... Сандро же был ранен в самую грудь, в сердце!.. И смерть была мгновенна... Счастливая смерть...

Много было жертв... Мы подбираем убитых и груды их растёт... И всё это славные ребята, наши лучшие товарищи... Своею смертью они спасли страну... Эти безымянные герои...

Это был смертный бой. И он решал нашу судьбу, судьбу грузинской демократии. И потому мы должны были победить... Права на поражение мы не имели... Надо было умереть или победить!.. И многие умерли, но победили...

Враг ночью со всех сторон окружил нас. Рано утром он перешёл в общее наступление, ворвался в деревню, захватил все восемь наших орудий и установил в высоких домах пулемёты... Первые выстрелы раздались в шесть часов утра. Многие из нашего штаба ещё спали... Выстрелы всех разбудили, мы схватились за оружие и выбежали к своим уставшим батальонам... Никто не знал, в чём дело... Некоторые утверждали, что это случайная перестрелка на сторожевке... Но скоро затрещали пулемёты и застонали орудия... Лениво, с интервалами... Всё стало вдруг ясно... Создалось тяжёлое, роковое, почти безвыходное положение... Надо было или позорно сдаться торжествующему врагу и, ценою собственного позора и гибели страны, спасти себя, или же ринуться в отчаянный бой и в победе найти собственное спасение и спасение всей страны.

Спасение всех надежд!..

И мы ринулись в бой!.. С восторгом отчаяния и с несокрушимой решимостью... Был яркий морозный день... И вся природа была одета в белый, сверкающий наряд... Становилось бодрее и прибавлялась вера...

И загорелся бой! Прекрасный, неподражаемый бой... Все сражались с исключительной самоотверженностью, как обречённые. Место сражённого товарища тот час же занимал его сосед, все думали только о победе и никто не подбирал убитых и раненых... Александр, Сандро и я были в первых рядах и своим примером увлекали других... Я был на левом фланге, немного правее – в центре бился Александр, а ещё правее сражался наш бедный Сандро. И все втроём мы наступали на наши пленённые батареи...

Я был очень спокоен, так как видел зажжённый в гвардейцах святой огонь борьбы и знал, что они или победят, или умрут. Все умрут... И я вместе с ними...

Бой всё более разгорался... Вдруг прибежал гвардеец и говорит мне: «Сандро убит»... Горе пронзило моё сердце!.. Но не было времени для слёз... Эта ужасная весть быстро облетела ряды сражающихся, но не дрогнули эти ряды... Напротив! Ещё решительнее двинулись вперёд и непоколебимее стала их воля к победе...

Бой всё ярче разгорался... Снежный покров был в пятнах алой крови и во многих местах спокойно, как живые, лежали убитые... И падали новые трупы... Прибежал другой гвардеец и сказал: «Александра тяжело ранили!»... Страшно, судорожно сжалось сердце!.. Я понял, что и мне надо умереть и холодное спокойствие овладело мною... Я бегом прошёлся по нашему фронту и ободрял бойцов... Гремели орудия, трещали пулемёты, свистели пули... И вдруг я наткнулся на бездыханный труп дорогого Сандро... Он лежал навзничь, его потухшие глаза были полураскрыты и лицо как будто улыбалось... Я мысленно простился с ним... И обратился к гвардейцам: «Товарищи! Вы видите, убили нашего Сандро Майсурадзе. Его смерть зовёт нас к победе! У нас нет путей отступления! Только в победе наше спасение. Наш путь – вперёд!»... И я прокричал «ура!»... По всей линии прогремело дружное и звучное «ура!»... И гвардейцы с

новой энергией двинулись вперёд... Раненые с трудом приподнимались, царапали руками снег и землю, некоторые кусали пальцы и тоже кричали «ура!»...

Мы выбили противника из ряда домов, захватили в плен несколько офицеров и много солдат. И когда с криком «ура!» мы ворвались на наши освобождённые батареи – там уже были Александр и Христофор, которые били в лоб противника...

Александр был невредим и мы обняли друг друга...

У наших орудий лежали убитые и раненые артиллеристы... Они исполнили свой долг!..

Теперь наша первая сотня под начальством славного Какуца Чолакашвили гонит бегущаго врага... Все гвардейцы страшно устали... Устал и я... Ноги подкашиваются...

Дорогой, незабвенный Сандро!..

Ты отомщён!.. И все оплакивают тебя... Но ты погиб смертью храбрых, избранных...

Счастливой смертью... Но тяжело, ужасно тяжело...

Ждём нового наступления... Теперь мы готовы...

Сейчас говорим с Тифлисом...

Победа и смерть!..

Радость и горе!..

Страшное, безутешное горе...

19-го декабря 18 г. Ст. Сандар.

Я и Александр приехали в Сандар. Проведать наше снабжение. Ведь от снабжения зависит участь войны... А мы так оторваны от Сандара, от нашей базы... Сегодняшнее нападение армян хорошо было задумано. В случае его успеха весь наш отряд должен был погибнуть и участь кампании была бы решена... Но армяне слишком увлеклись своим успехом, они не рассчитали сил... Они переоценили себя и недооценили нас. Они не знали, что народная гвардия умеет умирать... Когда этого требуют интересы страны! И многие умерли в этом бою... Сандро, милый, незаменимый!.. Ты убил радость нашего успеха. Сейчас говорю с Садахло – с генералом Цулукидзе. Сообщаю о на-

шем успехе и потерях. Вчера и у генерала был маленький успех. Давно пора!..

19-го декабря 18 г. Екатериненфельд. Вечер.

Все мы страшно устали. Физически и нравственно. И мы рано располагаемся спать. И перед сном я подвожу итоги этому славному, но тяжкому дню... Кровавые итоги! Из всего отряда в 600 человек мы потеряли убитыми около 30 человек и ранеными более семидесяти. У противника одних убитых более ста! Колонисты собирают их и роют для них большую могилу. Взято нами в плен около ста человек. В том числе несколько офицеров во главе с маленьким, испуганным батальонным командиром. Кажется, шт.-кап. Саркисовым. Его взял в плен я с несколькими гвардейцами. Вместе с маленькими остатками разбитого батальона он укрылся в большом доме. Мы окружили его и заставили его сдаться. Он узнал меня и вспомнил Садахло.

- Товарищ Джугели, мы вместе там сражались! – говорит он.

Неблагодарные! Ведь тогда мы сражались для них, спасая их. Но это всё забыто!

И сколько жертв! Убиты два брата Крочи, два брата Са-ришвили, верный Парджанадзе и много других. Ранены Болк-вадзе, Гуджабидзе, Мухашауриа, Гигуца, Стуруа, Гомелау-ри и много, много славных, безстрашных ребят.

Все наши части и все народно-гвардейцы работали дружно, хорошо. Выше всяких похвал! Милые, дорогие, родные. Я люблю вас.

20-го декабря 18 г. Екариненфельд. Утро.

Светает. Наш демократический штаб встаёт и собирается. Уже без милаго Сандро!

Прошла первая ночь.

Вчера к нам подошла рота федералистов. Поджидаем новые части. И разобьём наглаго, преступного врага!

Вчера было много крови. И нашей и чужой! Снежный покров разукрасился цветами крови. И кровь милаго, дорогого Сандро здесь обагрила снежную землю. Слава ему! Он пал смертью храбрых в разгар боя, во время атаки. И как-то трагически не повезло ему! Мы берегли его. Мы ценили его организаторский талант и предпочитали оставлять его в тылу, хотя он всегда порывался на фронт. И теперь мы должны были отправить его в Тифлис для мобилизации резервов, для общей организации тыла. Но смерть предупредила! А мне и Александру пока везёт. Мы как почтовые кони плетёмся от станции к станции, идём из похода в поход, от победы к победе, и судьба благословляет нас. Сколько раз мы чувствовали дыхание смерти, но она отходила от нас. Вот и вчера – шальная пуля угодила Александру в спину, пронзила полужубок, но его даже не тронула! А около меня падали убитые и раненые, но меня пули щадили.

Вчера весь день я был спокоен. Даже в тот страшный момент, когда противник захватил все наши батареи, а убитые и раненые всё гуще покрывали снежное поле, - я был совершенно хладнокровен, ибо я верил в конечный успех! В крайнем случае, в случае нашего поражения я решил застрелиться. Не было бы смысла жить. Это я решил твёрдо! Ведь я ещё в своём юношеском дневнике с любовью записывал: «Счастье жизни и в том, что человек может сделать её как угодно короткой». В этом моё великое утешение. Ведь умереть – это так просто, легко и безопасно! Быть может безопаснее всего. И окаменело сердце! И это хорошо. Когда ежеминутно ждёшь собственную смерть, когда так часто умирают вокруг тебя, - привыкает сердце. Сердце одевается в постоянный траур. Вот и смерть незабвенного Сандро! Я его любил, как самого себя, ценил неизмеримо много, но я не плакал над его трупом. У меня не было слёз. Но была твёрдая решимость. И эта смерть нам дарует победу.

Пленённый противник производит тяжёлое, жалкое впечатление: он голоден и раздет! И эти несчастные, обманутые оборванцы хотели нас победить! Нет, этого не будет. Несмотря на то, что они отважно сражались!

Особенно много армянских трупов легло около винокурённого завода. Они наткнулись на пулемёты и роту Ломтатидзе. Началась жестокая, ожесточённая война! И несмотря на всё ожесточение этой преступной войны, у меня нет никакого озлобления против армян вообще. Многострадальный армянский народ я продолжаю любить и жалеть. Я это с радостью констатирую. И я приложу все усилия, чтобы щадить армянские деревни и смягчить жестокие нравы войны. Всеми своими силами я буду стараться приблизить конец войны! И как я презираю, как ненавижу войну! Она самая отвратительная, самая гнусная вещь в жизни! И мне приходится быть активным участником этой омерзительной вещи! В этом тоже трагедия. Да, я продолжаю любить несчастных армян, но искренне ненавижу преступную и роковую партию «Дашнакцутюн». Эта партия – злой гений армянского народа и в этой войне мы должны разбить этого гения. И тогда мы станем лучшими друзьями армян! Мы ведь всегда были их лучшими друзьями.

20 декабря 18 г. Около Арухло. Полдень.

Лежу на чистом, рыхлом снеге и мысли разлетаются. У мощного «Бенца» слетело колесо и наш славный Амбако усиленно приводит его в порядок. Александр в своей тёплой и чёрной шубе возится у автомобиля. В Сандар не удаётся попасть...

Завтра переходим в наступление и готовимся к нему. В Сандар прибывают новые силы. Часть их направляется на Шулаверы. По всей стране необычайный подъём. А тут англичане и французы предлагают Армении отвести свои войска назад, «в исходное положение», и пойти на конференцию. Это равносильно полному фиаско дашнакцутюнской авантюры. Но примирение пока преждевременно. Мы должны нанести ещё несколько решительных ударов, мы должны сломить волю противника. Это окончательно отрезвит армян. Это освободит армянский народ от губельного дашнакцутюнского угара!

Завтра многое должно решиться. Я твёрдо верю в успех! Бедный, бедный Сандро! Как ты был нам нужен теперь и как мы осиротели без тебя!

,

21-го декабря 18 г. Екатериненфельд. Раннее утро.

Готовимся к выступлению на Дагет-Хачин и Самшвилдо. Ночь была морозная, звёздная. День будет яркий, солнечный и засверкает снег!

Ночью к нам прибыло около пятисот человек. Теперь у нас достаточно сил и мы можем действовать решительнее. Главные силы противника собраны к Болнис-Хачин. Но предвительно нам надо расчистить и обезопасить наш тыл. Надо покончить с Дагет-Хачином!

Завтра переходим в общее наступление. Сегодня военная прогулка.

Вчера мы отправили в Тифлис трупы наших героев. Сандро был с ними. У покойного друга было спокойное, решительное, слегка улыбающееся лицо; пуля пронзила ему сердце и смерть была мгновенна. Счастливая смерть!

Вчера я был на горной батарее. Бедные, осиротевшие мальчишки! Как мне было жаль их! Во время боя у них убили и ранили всех старших товарищей и уцелевшие бедные мальчишки всю тяжесть боя вынесли на своих плечах. Одна эта батарея потеряла около 20-ти человек! У юных артиллеристов очень усталый и несколько растерянный вид. Милые, дорогие мои! Я весь с вами.

Вспоминаю прошлый бой. Какое было отчаянное положение и как блестяще мы вышли из него. Правда, с огромными жертвами, но без жертв не покупается свобода народа. Временами я любовался нашими славными бойцами – любовался в бою! Все как будто преобразились и какое-то священное вдохновение снизошло на них. Наш Христофор в бою был неподобен. В обычной жизни он застенчив, вял и даже нерешителен. В бою же он преображается, становится ярким, неустрашимым и непоколебимым. Он «блещет гор-

дой красотой». И не он один. Таких много, много: Георгий, Симон, Коля, Илико, Платон. Это все безымянные герои.

Хорошо!..

21 декабря 18 г. На реке Храм. Утро.

Наступаем на Дагет-Хачин. Подошли к непроходимым берегам реки Храм и обстреливаем противоположный скалистый берег из пулемётов. Наши горняшки настойчиво обстреливают покрытую снегом деревню. Противник занимает свой берег и, в свою очередь, метким огнём обстреливает нас. Пули злобно-жалобно жужжат над нами и заставляют машинально вытягивать шею. Весело и грустно!

Погода ясная, обворожительная. Снег блестит всема красками и я восхищён красотой.

21-го декабря 18 г. Там же.

Уже несколько часов идёт непрерывная артиллерийская, пулемётная и ружейная стрельба. Противник прочно засел в расщелины причудливых скал и его очень трудно выбить. Он господствует над нами, и все наши движения ему видны. Сейчас он усиленно обстреливает нас, и пули, как мухи, жужжат около меня. Радостно и жутко.

Мы несколько раз спускались к реке, но форсировать её невозможно, так как берег противники неприступен. Мы отходили с потерями. Поэтому нам пришлось прибегнуть к обходу, и часть нашего конного дивизиона переправилась на левый берег. Мы отсюда видим все движения наших конников. Далеко на флангах едут дозорные и все они медленно продвигаются вперёд. Вот сейчас противник их обнаружил и стал учащённо обстреливать. Конно-гвардейцы спешили и мигом развернули цепь. Но их мало, очень мало. Они красиво и бодро наступают. Прекрасная картина! Всюду снег, и стройная линия чёрных точек движется по снегу!

Только что ранили в лицо нашего Гришу Цитайшвили. Не смотря на тяжёлую рану, он бодро шагает. Жаль его. Он очень ценен.

21-го декабря 18 г. Екатериненфельд. Ночь.

Дагет-Хачин ещё не взят. Я только что вернулся с позиции.

Я страшно, смертельно устал. Нет сил писать.

22-го декабря 18 г. Екатериненфельд. Раннее утро.

Штаб пробуждается. В комнате душно, грязно, но тепло. Мы совсем опростились! Публика спросонья оживлённо и ожесточённо спорит. Ахметелов и Джиджихия отрицают творческие силы русского народа, наш Яков Хараш и Химшиев решительно возражают и доказывают обратное. Я молчу, слушаю и соглашаюсь с последними. Александр резко вмешивается в спор и развивает материалистический взгляд на историю. С большим увлечением и серьёзностью. Я начинаю думать о вчерашнем дне. Он был очень неудачен, и мы не сумели преодолеть реки Храм. Но мы её преодолеем.

Должны преодолеть!

23-го декабря 18 г. Екатериненфельд. Раннее утро.

Вновь выступаем на Дагет-Хачин. С твёрдой, непреклонной решимостью его взять. И с несокрушимой верой! Я начинаю злиться.

Из Садахло дурные, печальные вести: наших там потрепали и мы отступили от Садахло. Но я не унываю! Чем больше неудач, тем больше воли и веры! А также и ожесточения. Да, к сожалению и ожесточения. И потому я так ненавижу войну! Она отвратительна и преступна.

23-го декабря 18 г. Каракент-Косляр. 10 час. утра.

Только что перебросились через реку Храм. Это был ловкий манёвр, и противник не успел предупредить нас. Сейчас тремя отрядами двигаемся на Дагет-Хачин. Татары заполняют грязные улицы деревни и с любопытством оглядывают нас. Они соблюдают «строгий нейтралитет», но всё их сочувствие на нашей стороне.

Отряды уже двинулись вперёд и пришли в соприкосновение с противником. Он уже открыл учащённую стрельбу. Наша конница, заходя справа, охватывает левый фланг противника, занимающего окрестные высоты. Особый батальон идёт в центре. Здесь я совершенно спокоен, но меня несколько тревожит Садахло-Шулаверское направление, ибо там нет ещё должной устойчивости. Если там создастся более прочное положение, здесь у нас совершенно развяжутся руки и мы быстро покатымся в Лори.

Судя по Дагет-Хачину, можно с уверенностью утверждать, что дашнакцаканы давно подготавливали это возстание. Они безжалостно втянули все армянские деревни в эту отвратительную войну, не считаясь ни с какими законами и правами войны. И потому эта война становится ещё более отвратительной и безобразной. И вся пролитая кровь падёт на головы преступных армянских политиков! Скоро расплата!

Всюду снег. Глубокий, рыхлый снег.

23-го декабря 18 г. Каракент-Косляр. Ночь.

Наши отряды стоят на снежных, холодных хребтах. Весь день шла упорная борьба и пришлось заночевать на снегу. Мы разставили секреты и объезжаем отряды. Сейчас Александр Джиджихия и я спустились к конному дивизиону. Офицера приютились в хате комиссара. Он нас угощает невкусным чаем. В хижине грязно, тесно, душно, но тепло. Мы отогреваемся, чтобы снова идти на позицию.

Армяне упорно оборонялись и отстояли Дагет-Хачин. Природа им помогала. Но завтра мы одолеем врага.

Весь день была чудная ясная погода, и мы красиво наступали по снегу. У нас несколько раненых и убит студент Рамишвили.

На позиции холодно, холодно. Сейчас надо выступать туда.

Мороз крепчает.

24-го декабря 18 г. На позиции. 4 часа утра.

Сидим на снегу у жалкого, догорающего костра. Холод проникает в кровь. Холодно, очень холодно, но всё же весело, легко. Всю ночь ходили по снегу. Чтобы не окоченеть. Ночью из Екатериненфельда к нам подошла славная рота Ломтатидзе с 6-ю пулемётами. Сегодня мы займём Дагет!

24-го декабря 18 г. На позиции. 6 час. утра.

Светает. Костёр наш догорел. Но уже стало теплее. Скоро переходим в наступление. Я разсчитываю часов в 11 занять воинственную деревню.

Сегодня Мазниев и Сумбатов наступают на Шулаверы. Помогай им судьба!

24 декабря 18 г. Высоты над Дагет-Хачином. 10 часов утра.

Занимаем господствующие высоты. Многочисленные банды противника, упорно сопротивляясь, медленно, шаг за шагом, отходят к деревне. Но не отстоять им деревни! Обедаем в Дагет-Хачине! Мы промёрзли и изголодались.

24-го декабря 18 г. Над Дагет-Хачином. Час дня.

Последний вздох защитников Дагета. Наш правый фланг докатился до последней высоты. Уже показался купол белоключинской церкви.

Пули свистят и визжат. Некоторые пролетают совсем близко или же вонзаются в снег у самых ног моих. Невольно вытягиваешь шею при каждом пролёте пули и сам же улыбаешься. Есть во всём этом какая-то дикая, жестокая, нелепая красота. Противник занимает великолепные позиции и он

господствует над нами. Все наши движения ему видны, он старается взять нас на мушку. У нас есть раненые. Александр и я весь день ходим по снежным холмам, впереди и около своих цепей. Армяне усиленно нас обстреливают, но всё неудачно. Видно, они плохие стрелки. Гвардейцы, видя нас расхаживающими под пулями, уговаривают ложиться. Они беспокоятся за нас. Александр в своей неизменной бурке. Он ясно выделяется на снегу, и армяне его старательно обстреливают. Почти с постоянного прицела! Но он неуязвим, как чёрный демон.

Стрельба участилась. Пули злостно шипят и свистят. Наши пулемёты весело заливаются и по звуку выстрелов я различаю их системы. Особенно неугомонны наши лёгкие Люисы.

Со стороны Шулавер слышны глухие стоны оружия. Тот фронт меня больше беспокоит. Там идёт отчаянная борьба.

Борьба за жизнь, за республику, за демократию.

Мы победим!

25-го декабря 18 г. На берегу Храм. Под Каракент-Косляром. Утро.

Последний вздох Дагета оказался очень протяжным! Вчера весь день продолжалась жестокая борьба и к вечеру господствующая высота осталась за противником. При атаке предпоследней вершины у нас убили нескольких и ранили около 15 человек. Раненые держались великолепно, как герои. Всю ночь, почти без перевязки, они оставались на снегу – у костров. Я видел их печальные улыбки, но не слышал стонов! Противник обороняется с большим ожесточением и отходит шаг за шагом. У него великолепные, глубокие окопы и несколько пулемётов. Профиль местности ему облегчает оборону, – сама местность почти неприступна. Но мы совершаем обход, заходя правым плечом. Ночью я и Александр спустились в Екатериненфельд и сейчас возвращаемся с горным взводом. Нужно окончательно разрушить это осиное гнездо! Это они убили студента Рамишвили, юного корнета Шенгелия и ранили многих наших товарищей, в том числе славного студента Орагвелидзе!

Вчера наша пехота хорошо наступала и дружно шла в атаку. Молодцы Симон и Георгий: они все время были впереди своих цепей! Меня и Александра весь день усиленно обстреливали, но всё сошло благополучно. Пули не задевали нас. За эти дни я устал, страшно устал! Настолько, что к вечеру вчера я уже не обращал никакого внимания на свист пуль.

И все гвардейцы ужасно устали. Почти голодные и холодные они два дня – и ночью и днём находятся на снегу.

25-го декабря 18 г. Дагет-Хачин. Вечер.

В 2 часа дня почти без выстрела мы вошли в Дагет-Хачин! В деревне никого нет. Все бежали, оставив свои пепелища на произвол судьбы. На наш произвол! Суровый, жестокий, преступный произвол.

Но такова война. Так отвратительна она.

26-го декабря 18 г. Дагет-Хачин. Утро.

Ночь провели в лучшем доме деревни. Кажется, в доме «тертера»... Воинственного «тертера», ибо многие гвардейцы категорически утверждают, что они видели в окопах священника и слышали его странную команду: «Компания пли!». Я с трудом верю в это. Вернее, мне не хочется в это верить...

Деревня Дагет велика и богата. Она была очень богата. Теперь она разорена и уничтожена! Боже! – какой ужас война и как она гнусна, как отвратительна. Вся деревня опустела, словно вымерла. Осталось лишь несколько дряхлых, жалких, несчастных стариков, которым уже нечего терять и некуда бежать. Осталось очень много всякого скота и живности, брошенных на наш суровый произвол. Я видел одного древняго старика. Он был большого роста, с огромной седой бородой и необычайно красив. Он молча, угрюмо бродил по опустевшей деревне и был похож на старого Мойсея...

Наши измученные, проголодавшиеся и продрогшие народногвардейцы всю ночь отогревали свои окоченевшие члены

и в страшном изобилии истребляли баранов, гусей и кур. За ночь уничтожено огромное количество всякой живности.

Да, деревня Дагет была богата. И она была очень сильна! До сих пор почти никому не удавалось её сломить и даже победители турки не вторгались в неё. Но нам пришлось вторгнуться, ибо она не приняла нашего мира. Она нагло отвергла наши предложения и обстреляла разъезды. Она слишком понадеялась на реку Храм и на свои кольцевые окопы. Она слишком доверилась преступным дашнакцаканам!

26-го декабря 18 г. Дагет-Хачин. Вечер.

Был в Екатериненфельде. Говорил с Тифлисом. Много нового, интересного, хорошаго. Союзники недовольны нашей войной, ибо она роняет их престиж в Закавказье. И они своим вмешательством хотят прекратить войну. Очевидно, война скоро кончится.

А под Шулаверами борьба продолжается. Смертельная борьба! Кажется, наши начинают побеждать. Как жаль, что меня там нет. Быть может, я там был бы полезен.

Скоро и мы начнём наступать по всему нашему фронту, имея в центре Болнис-Хачин. Нам нужна скорая победа. Но как был я разбит и утомлён во время позавчерашнего боя! Были моменты, когда я совершенно равнодушно относился к свисту пролетающих пуль. Так я устал!

27-го декабря 18 г. Тифлис. Заседание парламента.

Утром я и Александр приехали с позиций. Вечером возвращаемся обратно. Для подготовки и нанесения решающего удара! В Тифлисе много толков в связи с вмешательством союзников. В начале союзники держали себя высокомерно. Они вообразили, что находятся в своих африканских колониях! Но наша демократия всё сильнее заставляет их считаться с собой.

В парламенте скучно, нудно, грустно. Обсуждается вопрос о государственных праздниках и как-то странно-тоскливо

слушать эти безцветные, мёртвые речи. А там борьба разгорается и льётся кровь. Там жизнь и смерть.

Спешу туда.

28-го декабря 18 г. Екатериненфельд. Полдень.

Опять в Екатериненфельд! Здесь я застал Анико, Бабулю и супругу покойного Кучико. Их присутствие среди нас и их внимательная заботливость меня очень трогает. Фронт должен ясно ощущать теплоту и любовь окружающей среды! Холодность и равнодушие общества губят, убивают, разлагают фронт. А фронт ведь очень чуток. Наши гости просили меня быть более осторожным, - щадить себя. «Раньше я не сказала бы вам этого, - говорит многозначительно супруга Кучико, - но теперь скажу: берегите себя для дела». Я знаю, что раньше, как с.-д.-а, она не любила меня. И эта простая откровенность меня сильно тронула. Я несколько сконфузился и молча благодарил её.

Погода уже стала отвратительной. Нависли тяжёлые, грязно-серые тучи и оне нагоняют тоску. Как-то грязнится и тоскует душа от этих свинцовых туч! В такую погоду ни жить, ни умереть не хочется.

Сегодня в Сандарах Александр и я встретились с нашим Владимиром. Он работает на шулаверском фронте, он организует этот фронт. Он сильно похудел и, по-видимому, очень устал. И всё же он неутомим и страшно энергичен. Сегодня он поехал к Шулаверам. Там борьба продолжается. С новой энергией. И Владимир несёт фронту энергию эту. И Датику Сагирашвили тоже под Шулаверами. Он идёт с обходной колонной. Помогай им Бог!

Нужно понять психологию народной гвардии, и только поняв её – можно полюбить гвардию, легко с нею работать и побеждать. Правда, у народной гвардии есть свои недостатки и даже крупные, но ведь это детали! В общем – народная гвардия так же дурна и хорошо, как дурен и хорош наш рабочий класс, наша передовая демократия. Она просто унаследовала все достоинства и недостатки своего родителя!

Вот и всё.

30-го декабря 18 г. Екатериненфельд. 2 часа утра.

Вчера весь день провели в усиленной разведке. Сейчас выступаем на Болнис-Хачин. Там предполагаются крупные силы противника и мы должны разбить их. У нас восемь орудий, тридцать три пулемёта и около тысячи штыков. Будем наступать со всей энергией и отвагой! Время не терпит.

Вчера был счастливый день: наши регулярные и народно-гвардейские части разбили противника под Шулаверами. Взяли Шулаверы, захватили 4 орудия, 15 пулемётов и много всякого добра. Эта весть окрылила и ободрила всех нас. Я всё время беспокоился за Шулаверский район. Теперь у нас руки развязаны. Теперь наш успех обеспечен.

30-го декабря 18 г. Пирамидальная вершина у Болнис-Хачина. Полдень.

До разсвета мы приближались к противнику. В 7 часов утра был открыт огонь. Противник занимает хорошие высоты и он обстреливает нас из орудий и пулемётов. Мы наступаем широким фронтом, охватывая фланги противника. На правом фланге наступают самтредцы, кахетинцы и федералисты, - в центре кадровый и тифлисский резервный батальон, слева заходит конный дивизион с гурийцами. Сейчас идёт артиллерийская дуэль. Артиллерия противника удачно обстреливает нас и одна наша батарея умолкает. Она должна переменить позицию.

День великолепный. С наблюдательного пункта открывается чудный вид и в бинокль можно видеть защитников Болниса. Они суетятся. Повидимому нервничают.

Я страшно голоден и устал. Надо быть на всех участках фронта и ноги едва меня слушаются.

Орудия гремят. Снаряды рвутся вокруг да около. Меня ужасно клонит ко сну.

31-го декабря 18 г. Над Болнис-Хачином. 4 часа утра.

Ещё темно. Эту холодную ночь весь наш отряд провёл на позициях – под открытым небом и на почти растаявшем снегу. Вчера весь день не прекращался бой, но нам не удалось взять укреплённого Болниса. Сегодня во что бы то ни стало надо его взять! И мы его возьмём! Этого требует внешняя обстановка, этого требуют насущные интересы нашей страны! Согласно условиям перемирия, сегодня, в 12 часов ночи, должны прекратиться боевые действия. И так – у нас остаётся слишком мало времени и много дел! И надо напрячь всю нашу энергию, надо оживить весь свой героизм. Наши войска уже взяли Дамио и Садахло. Теперь очередь за нами. И мы должны преподнести своему народу прекрасный новогодний подарок.

Постараемся!

Ночью к нам подошла конно-горная батарея Цагурия и маленькая рота Ильи Чачибая. Это хорошо.

31-го декабря 18 г. Над Болнис-Хачином. 11 часов утра.

Решительно наступаем на Болнис... Мы открыли беглый огонь из двенадцати орудий и трещат десятки пулемётов! И под прикрытием этого огня наша славная пехота пошла в атаку. Александр идёт с самтрעדцами и кахетинцами, наш храбрый Яков Хараш пошёл с тифлисцами. Сейчас решается судьба сражения, наша судьба!

Будет успех!

31-го декабря 18 г. Около Болниса. Час дня.

Наша атака была блестяща! Противник дрогнул и уже бежит, тщетно стараясь закрепиться на последней высоте. Сейчас Цагурия удачно отстреливает эту высоту. Мой Илико со своей ротой уже висит над Болнис-Хачином. Я написал ему - перейти в наступление. Молодец он.

Народная гвардия оправдала себя. Она блестяще выдержала сложный и тяжёлый экзамен. Я рад, доволен, как будто даже счастлив. Радостный конец нового года. Что будет дальше?

Через несколько часов будем в Болнис. Это ясно. Все части ведут себя великолепно, выше всяких похвал.

Сейчас наши снова пошли в атаку. С криком «ура!». Молодцы!

1-го января 1919 г. Екатериненфельд. Утро.

С Новым годом! С ясным, светлым и радостным праздником. Какой великолепный день и какой большой, решительный успех! Вчера гвардия вела себя образцово. Такой молодецкой и решительной атаки у нас ещё не было. С криком «ура» и непоколебимой уверенностью в победе дружно пошли наши в атаку на вдвое сильнейшего противника, занимавшего сильные позиции – и обратили его в паническое бегство! Правда – враг долго, упорно и хорошо сопротивлялся. Несколько раз он даже пытался переходить в контратаку, но в конце концов он должен был позорно бежать! И мы победили. Наши артиллеристы и пулемётчики работали идеально. Снаряды рвались в окопах противника, а пулемёты всё настойчивее захватывали его в свой огненный круг. И успех оказался полный! В Болнис-Хачин мы захватили пленных, пулемёты, военные склады, обоз и всякое иное добро. Орудия, к сожалению, были вывезены заблаговременно. Штаб так же рано и храбро бежал!

Болнис-Хачин тоже была большая и очень богатая деревня. Особенно много здесь добраго, старого вина. И это опасно.

Мы победили. Хорошо быть победителем. И победитель должен быть великодушным. И надо смягчать горе побеждённых. Но это так трудно, почти невозможно. Это выше человеческих сил! Ибо в войне засыпает человек и пробуждается зверь.

Сегодня конец этой несчастной войне. И хотя жаль, что перемирие выплыло несвоевременно, ибо победа уже решительно склонилась в нашу сторону, но быть может это к луч-

шему. Ведь ничего нет отвратительнее, преступнее войны и даже победоносные войны приносят несчастье! Поэтому всякую войну надо скорее изживать, убивать. А вопрос о границах решится не здесь и не этим путём. Но мы вынуждены были взяться за меч! И с болью в сердце, но с твёрдой уверенностью в успехе мы исторгли его из ножен! И мы доказали, что наше меч умеет побеждать. Лично для меня это доказательство наиболее ценно. Вопрос же о Лори отходит на третий план. И мы вели эту войну не против армянского народа, а лишь против воинствующего изуверского армянского национализма, который своим ядовитым острием направлен против армянского народа. И если нашей победой мы хоть отчасти расшатали этот преступный национализм, - мы станем лучшими друзьями армянского народа.

1-го января 19 г. Сел. Квешы-Крепость св. Николая. Полдень.

Первый день перемирия. Погода дивная и видны далёкие горизонты. Мы выпрямляли нашу линию. Сейчас наша конница подходит к Табахмела. Нам видны её стройные движения, нам видны красивые пейзажи гор. Крепость очень старая, сильная и оригинальная. Она почти неприступна. Отсюда последний раз отстреливался от армян генерал Цицианов из одного спасённого и чудом вывезенного орудия.

Выстрелов нет. Всюду тихо. А вчера в это время я несколько волновался. И когда мы пошли в атаку, огненное сомнение прожгло мне мысль: «А вдруг наши дрогнут?!». Но эта мысль лишь промелькнула и исчезла. Без следа!..

Сегодня к нам подошло около 1000 народногвардейцев из Шулавер, теперь они нам уже не нужны. Если бы они пришли раньше! Наша победа была бы полнее, сокрушительнее.

Квешы грузинская деревня.

1-го января 19 г. Сел. Табахмела. 5 часов вечера.

Наш конный дивизион стоит в Табахмела. Противника нигде не видно. Очевидно, он совершенно дезорганизован и бежит без оглядки! Психология побеждённых всегда жалка.

Теперь мы победили.

Табахмела грузино-армянская деревня. Все жители остались на местах. И я с удовлетворением вижу, что здесь грузины и армяне остались добрыми соседями.

2-го января 19 г. Екатериненфельд. Вечер.

Кошмар!.. Сегодня из своего маузера я убил одного народногвардейца. Он изнасиловал несчастную десятилетнюю девушку!.. Этого изверга я настиг на свежих следах преступления и я не мог себя сдержать. У меня не хватило сил. Мне страшно тяжело, мне мучительно-больно, но раскаяния во мне нет!.. Чаша терпения переполнилась до краёв. И иного выхода не было. Но как мне тяжело, как я несчастен!.. Под тяжестью принятого креста я изнемогаю. Хватит ли сил? Или же буду раздавлен?! Я страдаю физически и нравственно. Я утомлён. Страшно утомлён!..

Сегодня к нам приехал военный министр. Мы его возили по вражеским позициям и показывали взятые нами твердыни. Было светло и радостно. Мы были горды. И вдруг этот изверг убил во мне восторг, он убил моё настроение.

И тем настойчивее я проклиная эту преступную войну, тем ярче ненавижу виновников ея!.. История никогда не простит армянским политикам этой войны и этой жестокой игры судьбою своего несчастного народа!

Никогда!..

3-го января 19 г. Воронцовка. 3 часа дня.

Я, Александр, Георгий Химшиев, полковник Иоселиани и доктор Цинцадзе в Воронцовке. В армянском штабе. Не удалось повидать полковника Тер-Никогосова и размежеваться. Я послал ему записку. Армянские офицеры угостили нас сладким чаем и хорошим мёдом. И мы с ними очень про-

сто и очень мило беседовали. И было странно сознавать, что ещё два дня назад мы бились в смертном бою!..

Дух армянских офицеров уже был сломлен. Чувствовалось, что они побеждены. «Вовремя пришло перемирие, - сказал один из них, - мы уже хотели перебросить сюда карабахскую бригаду». Мы снисходительно улыбнулись и не захотели глумиться. Пусть себе тешатся карабахской бригадой.

4-го января 19 г. Екатериненфельд. Раннее утро.

Не спится. Тяжело и нудно душе. Устала голова. Товарищи всё ещё спят. Эти два дня были для меня очень мучительны. Тяжёлый камень сдавливает мне сердце, но твёрдое сознание неизбежности преступления облегчает, утешает меня. И тем не менее на преступление я ответил преступлением! Но это было неизбежно и в этом трагедия.

Да, не было иного пути! Слишком много я прощал; слишком долго мы были снисходительны; на многое смотрели мы сквозь пальцы. И бедный Сандро был прав, когда предлагал для примера разстрелять преступников. Тогда мы не сделали этого и теперь мне приходится расплачиваться! И страшно страдать. Но угрызения совести и раскаяния во мне нет! Совершенно нет!.. Извергов, насилующих десятилетних девочек, разстреливающих маленьких пастухов-татарчат или убивающих дряхлых, несчастных стариков, я и теперь буду наказывать смертью!.. А ведь бедного дагетхачинского библейского старика тоже убил какой-то изверг. К несчастью, его обнаружить не удалось.

Но тем не менее мне очень тяжело!.. Мне стыдно, страшно и жутко за человека, за его безобразный звериный лик!.. И этот отвратительный лик выявился в этой войне во всей своей грозной омерзительности и именно в этом вся тяжесть и преступность этой войны. И потому так жестоко преступны виновники этой ужасной войны.

Вчера мы были в Воронцовке и видели несчастных, оборванных, безропотных армянских солдат. И забитых, неловких, сконфуженных армянских офицеров. Видели основной фундамент армянской армии! И я не уверовал в крепость этого фундамента. И я не чувствовал никакой ненависти, даже никакой неприязни к этим обманутым, страдающим людям. Наоборот – странное чувство жалости и сострадания коснулось меня. И тем острее я ощутил ненависть к виновникам войны.

6-го января 19 г. Тифлис.

Позавчера я приехал сюда. Мне было очень тяжело. Тяжесть креста превозмогла силы и я решил на несколько дней уехать от ужасов войны, от ужасных, гнетущих воспоминаний. Теперь я почти успокоился и хладнокровно расцениваю убийство преступного гвардейца. Да, я его должен был убить, так как он омрачил все наши радости, надругался над святой-святы и так как был неисправимым преступником! Я наводил о нём дальнейшие справки и узнал, что его природа давно была омрачена преступностью и ему не надо было жить. Не все имеют право на жизнь!.. Я его освободил от собственных его преступлений. И тем не менее мне было страшно тяжело.

Я часто, часто задумываюсь. Почему так беспощадно жестока судьба ко мне? Почему эти тяжёлые камни обрушиваются на мою голову?.. Но я стараюсь скорее освободиться от этих мыслей и начинаю грустно улыбаться.

Путь на Голгофу – самый счастливый путь!..

Теперь я вновь в Тифлисе. В своей маленькой холодно-уютной комнате и я тихо, однако, детски радуюсь! Ведь я не думал, что вновь вернусь в эту комнату, я думал, что война сожжёт меня. Я вспоминаю своё прощание с этой комнаткой, с моими любимыми, давно забытыми и уже запылёнными толстыми книгами и с моим дневником! С грустью оглядывал я их и говорил: «Прощайте, прощайте, друзья!..»

Но вышло «до свиданья». И это хорошо, это радует меня. Я смерти не боюсь, но умирать не хочется! К тому же я так мало жил. Ужасно мало! Для себя я почти не жил. Я всегда был мечтателем. Я возводил воздушные замки и умел красиво мечтать, но чаще всего знал гибнущия мечты и разрушенные, опустошённые замки!.. Похороны всегда сопровождали меня и могилы друзей теснее замыкались вокруг. Если бы эти друзья были теперь живы, если бы они были сейчас со мной!.. Тогда бы я не думал о могилах и красочнее расцвели бы мечты. И сам я был бы сильнее, самоувереннее, смелее.

Но я вновь и вновь встряхиваю головой и прочь отгоняю тяжёлые думы. Сегодня я хочу быть светлым, радостным! Ибо война – светло закончилась. И какое счастье, что эта война так быстро закончилась: в этом наша величайшая победа! И как ненавижу я вчера наших национал-демократов, которые выступали в парламенте за продолжение войны. Преступники! Они не знают всех ужасов войны. Не хотят знать.

Вчера и я выступил в парламенте.

7-го января (25 декабря) 19 г. Тифлис. Вечер.

Лида долго и мягко играла на рояли. Простая, доступная, красивая музыка. Мне она понятна и я наполняюсь ею. И успокоилась, улеглась душа.

Сегодня утром мы объезжали лазареты. Навестили больных и раненых воинов. С тяжёлым сердцем обходил я палаты! Бедный, славный, незаменимый Платон Гуджабидзе! Он страшно ослабел и очень изменился. Я его очень люблю и много ценю. Ужасно выглядит наш храбрый Гомелаури. Он ранен тяжело, но есть надежда, что останется жив. Слабая надежда. 19-го декабря мы вместе сражались, он со своим неизменным «Люисом» стоял около меня, но ему менее повезло, чем мне. А бедный, неутомимый и неустрашимый Гигуца уже скончался. В больнице. Страшно жаль этого смелого, славного парня. Его ранили в Екатериненфельде 19-го декабря. Он стоял рядом со мной. Противник был в нескольких десятках шагов от нас. Гигуца вдруг вскрикнул и

свалился. Он был ранен в бедро. И он промучился десять дней!.. В наших лазаретах около 1500 больных и раненых. Мы от имени главного штаба развезли им рождественские подарки и этим порадовали их. Они от души радовались и тихо благодарили. Бедные, несчастные и счастливые!.. И после всех этих лазаретов приятно было слушать музыку. Я замечтался, загрустил. Далеко, далеко уносились мысли, мечты. Думы о красоте жизни, о прекрасных красивых достижениях в ней и стало грустно-приятно.

Как красиво можно устроить жизнь, какое счастье сокрыто в ней и как некрасива, как изуродована она!.. Жизнь могла быть красивее музыки!.. И с наибольшей остротой я чувствую всю преступность войны!.. Разве нужна была нам эта несчастная война? Разве не мир и братство нужны нам? И чего хотят эти несчастные безтолковые национал-демократы? Разве на чужой крови можно строить счастье собственного народа?!..

Лида бросила играть. Тихо замерли последние аккорды и исчезли иллюзии, улетели мечты. Опять житейская проза, ординарная реальность и грязь. И сколько мерзости, пошлости, нечистоплотности внутри нас.

И должно начаться великое очищение.

Прежде всего самоочищение?..

31-го января 19 г. Екатериненфельд. Утро.

Я, Александр, полковник Джиджихия и Иоселиани едем в Тифлис. Закончили короткую и тяжёлую войну. Прощался с Екатериненфельдом, с этой культурной и счастливой деревней, с этой мечтой наших лучших друзей и нашего незаменимого Сандро!..

Вчера я ездил в Болнис-Хачин.

Вся деревня опустошена! И ноет душа. Жестокая, суровая необходимость!..

Но теперь конец! Конец несчастной войне. Хочу отдохнуть!

Конец всем войнам!..

Война с Деникиным.

31-го января 1919 г. Гори.

31-го декабря закончилась война с Арменией. Теперь началась новая война с Поцховскими татарами. Положение в Ахалцихском уезде серьёзное. Наши пограничные отряды разбиты и враг подходит к Ахалциху. Передали, что отряд Сосо Гедеванова уничтожен... Не хочется верить. Этот отряд я знаю и ценю. Верю, что он с честью выйдет из затруднения...

Мы объявили частичную мобилизацию народной гвардии и, наверное, Александру и мне скоро придётся выехать на фронт. На новый фронт!..

Нам не дают передохнуть, не позволяют взяться за работу. А теперь у нас была такая большая и кипучая работа... Но надо всё бросить и идти на фронт. И возвратиться с победой...

И чего хотят от нас?! От маленькой, освобождённой и организующейся демократии? Почему так настойчиво хотят нашей гибели и почему у нас так много врагов? Но наши враги не будут торжествовать! Мы свободны... Мы любим нашу свободу и мы победим.

3-го февраля 1919 г. Тифлис.

Лида вновь играет на рояли. Простая, светлая музыка, и под звуки этой музыки воскресают мечты и думы...

Нам вновь приходится выступать в поход. Сегодня это окончательно решено. Едем на Ахалцихский фронт...

7-го февраля 1919 г. Тифлис.

Создался новый чёрный фронт реакции! Добровольческие банды окружили Сочи и наш маленький отряд там гибнет. Кониев и Мухран Хочолава в Сочи. Судьба их неизвестна нам. Я с народной гвардией еду на этот фронт. Нужно умереть или победить...

Сегодня было важное совещание под председательством большого Ноя...

Ночью еду на фронт. Скоро решится всё...

8-го февраля 1919 г. В вагоне.

Скоро будем в Ново-Сенаки. Там уже стоят наши эшелоны. По пути заглянули в наши штабы: в Шорапани, Кутаисе и Самтреди. Мобилизация гвардии всюду проходит хорошо. Всей душой стремлюсь на фронт; скорее сразиться с чёрными силами реакции и разбить их! В этом наша задача и наш долг. Без победы всё погибнет...

Избирательная кампания в Учредительное Собрание в полном разгаре. Победа за нами – за социал-демократами. Мобилизация отрывает наши лучшие силы от нашей избирательной борьбы, но мы всё же победим. И там и здесь!

Погода скверная, пасмурная. Это влияет на настроение. Хочется яркого солнца...

Вчера мы все были на заседании Центрального Комитета. Александр, Владимир и я ушли раньше в штаб, чтобы приготовиться. Потом пришли к нам Ной, Евгений и Герасим. Проститься. Это меня очень тронуло. Спасибо вам, дорогие друзья! Мы принесём вам победу.

9-го февраля 1919 г. Ст. Квалони. Утро.

Погода прояснилась, и пригревает солнце. Душа озаряется и сбрасывает свой туман. Под солнцем и погибать веселее!.. Едем в Потти. Думаем перебросить силы морем. Надо вовремя поспеть. Я глубоко, страстно верю в успех. Против реакционных добровольцев будем бороться с увлечением, с восторгом! С песнями пойдём в бой и принесём победу... Если понадобится, можем выставить десять-пятнадцать тысяч штыков. Ведь это идёт на нас чёрная, безпросветная и беспощадная реакция. И мы её должны разбить! И пусть многие из нас погибнут. Целое восторжествует. Оно должно восторжествовать! Судьба Кониева меня очень беспокоит.

Хочется верить в его безопасность. Теперь с нами едет Сосо. Хороший генерал и ценный товарищ...

Нежное и ясное, ласкающее солнце, благодарю тебя!..

9-го февраля 1919 г. Ново-Сенаки.

На телеграфе. Ночь.

Говорим с Сухумом и с Тифлисом: Владимир, Александр, Сосо и я. Добровольцы уже заняли Адлер и продвигаются дальше. В Ахалцихе растут осложнения. Огненный круг зажжён вокруг нас! Всё поставлено на карту и всё должно теперь решиться. Я страшно спокоен и верю в успех... Пути сообщения нас сильно стесняют, но мы с этим справимся. Надо победить. Иного выхода нет! Сегодня ездили в Поты, но морем не удалось выехать: не было судов и море страшно бушевало.

Видел потийскую зелёную, старую башню.

«Королева играла в башне замка Шопена и, внимая Шопену, полюбил её паж»!..

Странное спокойствие владеет мною. Несмотря на мерзость погоды!.. И это спокойствие даёт нам успех.

10-го февраля 1919 г. Зугдиды.

Генерал Сосо, я, Александр и Захарий Гурули ездили на Енгур – к парому. Енгур немного вздулся, но переправить автомобили через паром можно. Погода отвратительная. Теперь как будто проясняется.

11-го февраля 1919 г. Ново-Сенаки.

Всё ещё сидим в Сенаках. Погода отвратительная, убийственная. Настроение мерзкое. Слякоть проникает в душу и отравляет всё...

Вести отовсюду скверные. К Ахалциху неприятель уже подошёл. С Гаграми нет связи – быть может, деникинцы уже там! А мы, как беспомощные дети, сидим здесь и нет никакой возможности быстро переброситься к фронту. А, ведь,

так хочется попасть на фронт, встретиться с грозным врагом! Разбить и прогнать его! Или же умереть... Как тяжело быть таким беспомощным... С природой ничего не поделаешь. Я зол на всё, но это мало помогает. Одна мольба: солнца и погоды!

В этой слякоти ёжится душа и нет никакой мечты. Увяла она... Одно желание всецело владеет мною: скорее на фронт! С гибелью фронта погибло всё. А мы должны всё спасти!..

11-го февраля 1919 г. Гали. Поздний вечер.

Только что на трёх автомобилях приехали в столицу Самурзакано. Хочу писать, но мой любезный хозяин, сельский фельдшер, как назойливая муза, жужжит около меня. Он говорит о слабости власти, и в его «философии власти» много горькой правды. К счастью, он вышел из комнаты, и я возвращаюсь к себе.

Сегодня весь день, не переставая ни на минуту, лил страшный дождь. Это убивало настроение и вызывало бессильную злобу. От злости мне хотелось рыдать, кусать себе руки, кричать, бесноваться! Погода страшно затрудняет наши движения, а всякое промедление вызывает острую боль в душе. Невыразимо тяжело... Сосо тоже удручён... Бедные и славные гвардейцы ужасно промокли, но настроение у всех бодрое. Я смотрю на них и думал: «Святые! На ваших муках вырастает народная свобода. Вас я люблю больше самого себя»... Добровольцы уже заняли Гагры. Завтра я, Сосо и артиллеристы – во главе с блестящим Каргаретели – будем в Сухуме... Если не помешают англичане, опрокинем, разобьём деникинцев.

12-го февраля 1919 г. Сухум. Вечер.

В час дня Сосо и я прибыли в Сухум. Погода, прояснившаяся к утру, к вечеру превратилась в кошмар: снег, дождь, ветер! А наши гвардейцы идут пешком – мокрые, продрог-

шие, голодные и усталые... Сейчас Сосо и я на телеграфе. Хотим говорить с Владимиром в Потти. Я даже боюсь подумать, что Владимир выпустил наш отряд в море – в этот страшный шторм... Как тяжело, как невозможно вести в этих условиях войну. Нет моря и нет суши! И какое преступление: горсточка героев не щадит ни сил, ни жизни, ни покоя и спасает всеобщее счастье. А это «всеобщее» в эту холодную, страшную ночь потеплее устраивается у своих очагов! Преступный покой... В Сухуме нет паники, но большая безтолочь. С фронтом нет никакой связи и не знают, где добровольцы. По-видимому, они подошли к Бзыби. У Бения великолепный вид и не менее великолепное настроение...

Ветер усиливается. Его свист и холод проникают в душу.

Сегодня к нам приезжал английский морской офицер. На контр-миноносце. Он осведомлялся о нас, о наших намерениях и просил не переходить в наступление. Вообще, поведение англичан очень странно. Чего они хотят?

«Что делаешь, делай скорее».

13-го февраля 1919 г. Сухум.

Опять и опять я в Сухуме. Настроение светлое, радостное, ибо взошло солнце, и занялся чудный день. А вчера ночью было страшно: ветер валил деревья, телеграфные столбы, а море бесновалось! Погибло моторное судно «Руставели»...

На нашем фронте полная расхлябанность. Нет никакого плана, организации и руководства. Сегодня Сосо едет на фронт, я же займусь организацией ближайшего тыла... Теперь я окончательно верю в успех.

Сейчас я в родной семье. Мои старики и старуха тётя тихо радуются. Они счастливы...

14-го февраля 1919 г. Сухум.

Сегодня первый день выборов в Учредительное Собрание. Верю в успех нашей партии. Только одна беда: выборы происходят в боевой обстановке, когда лучшие силы социал-демократии с оружием в руках отвлечены к границам рес-

публики. И в этом оборонительном порыве демократии – величайшая красота... Когда-нибудь, если даже мы погибнем, непристрастная история вспомнит нашу страну и напишет красивую трагическую страницу о борьбе и гибели маленькой демократии...

Вчера Сосо и я с полковником Каргаретели, героем Чолока, ездили в Гудауты и дальше на позиции. Позиции собственно нет – есть беспорядок и растерянность. За начальника фронта временно оставлен Каргаретели. Он великолепный офицер и блестящий артиллерист. Он быстро наведёт порядок...

На передовой позиции стоит наша первая полевая батарея. Наши артиллеристы, утомлённые в боях, безумно обрадовались моему приезду. Но не одни артиллеристы, а все радовались. Я часто слышал: «Приехал Джугели, теперь мы победим»... Всё это смущало и радовало меня... И когда я видел этот светлый восторг наших артиллеристов, я думал: «Все они так горячо любят меня, но я ещё больше люблю их. И если когда-нибудь случится несчастье с нашей гвардией – я погибну в этом несчастии»...

За Гудаутами уже снег. На Чёрной речке снег глубокий... Давно этот край не помнит таких холодов и такой зимы. Но погода постепенно устанавливается.

Противник, повидимому, остановился на Бзыби. Он, кажется, более не собирается наступать на нас. Но теперь мы должны ударить на него! Мы ждём сосредоточения наших сил, но бездорожье страшно затрудняет нас. Но, в конце концов, мы преодолеем все препятствия и прогоним чёрного противника, если только англичане не помешают нам. И какая ирония: мы надеялись, что эта великая демократия поможет нам стать на свои собственные ноги... Но пока мы видим противоположное... И мы с трудом держимся на ногах... Но мы удержимся!.. И из бесконечных испытаний выйдем совершенно окрепшими, свободными и полными творческих сил...

15-го февраля 1919 г. Сухум.

Сейчас передали из Тифлиса тяжёлую весть: наши оставили Ахалцих и Ацхур!.. Это страшно затрудняет наше положение. У нас объявлена мобилизация 4-х возрастов... Всё поставлено на карту и надо напрячь все силы. Демократия должна спасти страну...

Добровольцы всё ещё стоят на Бзыби. Мы подтягиваем свои части... Готовимся к смертной борьбе... Из Одессы сегодня прибыл пароход, и пассажиры рассказывают о крупных успехах большевиков. Это радует и ободряет. Быть может, деникинцы созидают тот мост, который соединит нас с большевиками. Сегодня я был в тюрьме. Видел узников большевиков: Амберкия, Лакобу, Мгеладзе, Иналына и других. Когда-то все они дрались против нас на Кодоре и в Гудаутах, но они были побеждены... Я встретился с ними просто, свободно, как будто радостно. И они, видимо, были довольны и несколько смущены; и какое несчастье, что нам приходится встречаться в тюрьмах. Но ведь большевики нас привели к этому! Ведь они подарили и России и нам Деникина... Но теперь им пора опомниться. Они должны опомниться!..

18-го февраля 1919 г. Сухум.

Вчера Сосо, Александр, Яков и я ездили на позиции. Наши части группируются на Чёрной речке, и заставы выдвинуты на несколько вёрст вперёд. Есть сведения, что противник частично просачивается на левый берег Бзыби. Завтра очищаем левый берег от противника. Быть может, кого-нибудь захватим в плен.

Вчера некоторые всадники конного дивизиона разграбили армянский посёлок и произвели насилие. Их надо разстрелять!.. Эти преступные эксцессы тяжело ложатся на душу и затрудняют нашу работу. Но все эти преступления и вся пролитая кровь ляжет на головы деникинцев и дашнаков... И какой ужас! Дашнакцаканы постоянно провоцируют мирное армянское население и бросают его в пропасть. Туда же хотят они сбросить и нас... Когда наступали большевики – дашнакцаканы были с ними. Теперь они с Деникиным... А в

Ахалцихском уезде они помогают татарским бандам. И так всегда!.. Всеми силами и средствами они хотят разбить нашу демократическую республику. Презренные преступники!..

19-го февраля 1919 г. Сел. Блабурхва. Полдень.

Только что приехали сюда мы с английским полковником Уайтом. Этот полковник назначен английской миссией для улажения нашего конфликта с Добровольческой армией. Полковник Уайт с нашим Георгием Химшиевым уже выехали в штаб отряда Добровольческой армии за реку Бзыбь. Ждём ответа. Завтра должно состояться наше свидание с представителями Добровольческой армии. Верю в успех! Добровольно ли, или под нашим натиском, деникинцы принуждены будут убраться из Гагринского округа...

Вчера у нашего конногвардейского разезда была перестрелка с добровольческой заставой. У нас ранен один. Мы захватили пленных и отбили у противника двуколку. Наши ребята хорошо держатся. Только погода окончательно изводит: слякоть и грязь!..

Наши офицеры конного дивизона выдержали экзамен: они хотят драться с добровольцами и будут хорошо драться...

20-е февраля 1919 г. Гудауты.

Два дня не переставая льёт дождь. Это ужасно влияет на настроение и мешает нам. Кажется – будто никогда более погода не прояснится и никогда не заблещет вновь солнце. Если бы не эта погода, настроение было бы блестящее, ибо мы вчера получили известие, что англичане приказали генералу Деникину немедленно очистить Сочинский и Гагринский округа. Сегодня с полковником Уайтом едем к добровольцам, чтобы окончательно установить пределы нейтральной зоны. Воображаю, что будут чувствовать гагринские лакеи добровольцев, когда они увидят отходящие деникинские банды! Если мы здесь всё благополучно и быстро ликвидируем, страшным ударом обрушимся на врага

в Ахалцихском уезде! У нашей демократии ещё достаточно сил...

Мои мысли часто уносятся в Тифлис. И о многом думаю я...

21-го февраля 1919 г. Гудауты. Утро.

Погода проясняется и пробуждается радость. Дождь нас окончательно извёл. Не будь этой страшной погоды, быть может, теперь мы были бы в Гаграх. Такой отвратительной погоды давно не помнит побережье. От бури выворочены телеграфные столбы, размыты дороги, а вчера снесло Гумистинский мост. Потеря моста – страшный удар для нас.

Вопрос с Гагринским округом несколько осложняется, так как, хотя добровольцам и приказано очистить его, но не указано ни срока, ни границ нейтральной зоны. А нам предлагается пока стоять на Бзыби! Такова правда... Вчера мы были на Бзыби и видели противника у моста. Сил у него, очевидно, мало. С добровольцами вчера не удалось встретиться, т. к. генерал Бруневич сообщил полковнику Уайту, что командующий воспретил ему вступать в какие бы то ни было переговоры с грузинами... А сам генерал Черепов самоуверенно добавлял: пока русския войска стоят на Бзыби, грузины не сумеют перейти реки. Но генерал Черепов ошибается... Мы это докажем!..

Наши силы постепенно накапливаются в Боржоме. Мазниев смещён и командующим в Ахалцихах назначен Квини-тадзе.

22-е февраля 1919 г. Калдахвара.

Вчера Сосо, Александр и я приехали сюда и остановились в чистом, хорошеньком домике бежавшего француза. Этот дом теперь присвоен абхазцами. Два дня тому назад здесь стояли казаки и здесь же на горке у них были пулемёты. Именно здесь наш разъезд Карангозова имел стычку с казаками. У нас ранен один. У противника же, по сообщению Уайта, убит один, ранен один и пять пропало без вести...

Мы очистили от противника левый берег реки Бзыби и расположились своими силами вдоль этого берега. Берег высокий и мы господствуем над противником. Если бы не вмешательство англичан, мы, наверное, уже гнали бы противника к Сочи. Но пока мы должны стоять здесь.

На нашем левом фланге, в Пицундском монастыре, стоит конный дивизион во главе с Химшиевым. Силы наши растут и множатся...

Вчера был славный день. Сегодня вновь нависают тучи. В голове мало мыслей. Очевидно, скверная погода пугает и гонит их.

22-е февраля 1919 г. Монастырь Пицунда.

Давно мечтал я побывать в этом монастыре, и вот, добровольцы привели меня сюда. Великолепная, красивая местность. «Святые отцы» умели выбирать места! Монахи не особенно приветливы к нам, абхазцы относятся дружелюбно. Армяне запуганы... Мы стараемся успокоить их.

Пицундский монастырь – памятник глубокой старины. Он выстроен императором Юстинианом в VI-м веке. Здесь много хорошего хвойного леса и здесь же великолепная природная бухта.

23-го февраля 1919 г. Гудауты. Утро.

Я и Сосо приехали сюда, чтобы поговорить с Тифлисом по всем важным вопросам. У аппарата командующий армией Александр Гедеванов. Сосо ему передаёт донесение. Перед этим я говорил с Датико Сагирашвили и Нико Орагвелидзе. Они кое-чем порадовали меня. Выборы в Учредительное Собрание дали нам блестящую, головокружительную победу. Пока мы получили 198 000 голосов, социалисты федералисты – 14 000, а национал-демократы только 12 000. Что скажут теперь господа национал-демократы?!

Здесь, в глухой аппаратной, я нашёл третий том Бальмонта и везу его с собой на позиции. Этот том озарён ярким солнцем. Он дышит солнцем!.. Из Тифлиса я захватил мою

любимую книгу Тагора – «Садовник». «Жизнь – капля росы на листке лотоса» - сказано там. И я проникаюсь этой большой правдой...

24 февраля 1919 г. Гудауты. Полдень.

Утром приехали с позиции встретить полковника Уайта. Его роль непонятна и его поведение двусмысленно. Мне кажется, что все его симпатии на стороне добровольцев. Он разыгрывает из себя дипломата, но для англичанина он довольно болтлив.

Наш демократизм создаёт нам все затруднения, ибо демократию вообще не любят: не любят господствующие классы! а, ведь, нас окружают буржуазные государства... И все они хотят использовать нас, лишить нас самостоятельности... Но демократия живуча и она победоносна! Если бы большевики были умнее и трезвее! Разве нам надо было бы бояться реакции несчастного генерала Деникина, разве нам так пришлось бы считаться с другими, внешними силами?! Но весь ужас именно в том, что большевики своей безрассудной тактикой родили реакцию и укрепили чужеземный империализм. Эта реакция недавно заняла всю Терскую область и вытеснила оттуда большевиков. И терские большевики бежали к нам в «контр-революционную Грузию», с которой всегда враждовали и которую хотели раздавить. И мы приютили их! Я помню нашу радость при известии, что Серёжа Кавтарадзе благополучно проскочил к нам. Особенно радовался я... И эти люди, которые нашли приют у нас, ещё не так давно хотели нашей гибели и не пропускали к нам ни одного зерна!..

Возвращаюсь к Уайту. Он заехал к нам по пути в Гагры и настойчиво просил нас не переходить в наступление. Наше наступление, повидимому, очень тревожит английского полковника, и этот английский полковник очень мешает нам. У нас теперь достаточно сил: более трёх тысяч штыков, четырнадцать орудий и сто с лишним пулемётов. Мы можем свободно и легко гнать противника...

Но, как говорится, «англичанка мутит»! Я в этом всё более убеждаюсь. Можно было думать, что Англия оградит нас от Турции, вернёт нам Батум, обуздает наседающую на нас реакцию и поможет нам укрепить наш демократический строй. Но пока нам Англия принесла только разочарование! Вся её политика очень двусмысленна и загадочна. Но одно я глубоко чувствую: рано или поздно англичанам придётся уйти от нас. Как и немцам!.. И к этому времени мы должны быть сильны. Но я бы не желал, чтобы уход англичан совершился скоро: волны мусульманства могут захлестнуть нас... В предвидении этого ухода мы должны накапливать силы...

На Ахалцихском фронте без перемен. Наши ещё не перешли в наступление.

27-е февраля 1919 г. Чёрная речка. Абхазская могила.

Еду из Сухума на фронт. В Сухуме оставался два дня и налаживал дела... Вчера добровольцы должны были отойти от реки Бзыби и англичане должны были занять правый берег этой реки. В Тифлисе идут переговоры с англичанами. Не знаю, будет ли война с добровольцами, или же дело закончится соглашением... На Ахалцихском фронте продолжается собирание сил. Сегодня или завтра там общее наступление...

Грёзы мои блёкнут... Вообще грёзы увядают в революции.

28-го февраля 1919 г. Кавакулуха. Ночь.

Сегодня к нам на позицию приехали Исидор Рамишвили, Хачатур Авталбекян и Секавин. Завтра пообедем армянские посёлки. На фронте спокойно.

(отсутствует лист со страницами 125 – 126)

организовать Военное Министерство. Это безусловно необходимо. Предполагают дело реорганизации Военного Министерства поручить Ною Рамишвили...

На нашем фронте, кажется, боёв уже не будет и тогда нам можно будет броситься на Ахалцихский фронт. В этом случае мы двинемся через Зекарский перевал...

4-е марта 1919 г. Калдахвари.

В этот пасмурный, печальный и дождливый день хочется думать о красоте, о поэзии... Если б не эта отвратительная погода, которая жестоко преследует нас и которая помешала своевременной переброске наших сил – у меня было бы цветущее настроение и я упивался бы окружающей красотой... А красоты много, слишком много. Фиалки и жёлтые акации давно уже в цвету и леса благоухают ароматом цветов... Иногда, в редкие проблески хорошей погоды, уходишь в горы и на лоне пробуждающейся природы забываешь и эту войну и все печали и горести, связанные с ней... Но забываешь только на миг... А потом опять вся та же печаль, вся та же неумирающая и опустошающая грусть...

«Я взглянул окрест себя и сердце моё страданиями человеческими уязвлено стало»!..

Но теперь я хочу забыть страдания и возвращаюсь к красоте...

Меня часто занимает вопрос: почему в огне революции увядает поэзия, почему революция убивает красоту?!.. Недавно я взял найденный мною том Бальмонта, с тихой печалью развернул его и стал читать. Станным ароматом повеяло на меня! Светлые грёзы стали незримо воскресать и душа радостно встрепенулась... Чем-то светлым и радостным стала наполняться душа. Но это был лишь миг!.. Потом радость и свет в душе стали вытесняться ежедневными заботами и будничной печалью. И Бальмонта я закрыл... И я понял, что революция слишком заполняет собой жизнь, она наполняет её до краёв, в ней так много великого и ничтожного, героического и жалкого, восторга и горя, смеха и слёз и всё это так насыщает деятеля революции, что для покоя совершенно не остаётся места. А поэзия растёт только в покое. Поэзия высшее отдохновение. Революция же напряжённый и непрерывный труд!.. Поэтому революция убивает поэзию и

поэтому же поэты не должны любить революцию: она затемняет и затирает их!.. И мне теперь вспоминается поэт Бальмонт в дни октябрь-декабрьской революции в Москве. Мы тогда часто встречались с ним у Горького. Наша грузинская дружина охраняла в ту пору Максима Горького и Бальмонт был очень частым и желанным гостем Горького. Один раз, после нашего столкновения со взводом сумских драгун на Плющихе, когда мы радостные и восторженные пришли к Горькому, чтобы сообщить ему о нашем успехе, мы у него застали Бальмонта. Бальмонт принёс маленький револьвер Смит-Вессон, чтобы передать его нам. Мы его благодарили, но револьвера не взяли, так как Смит-Вессон не мог пригодиться нам. Бальмонт был несколько смущён. И он тогда мне показался таким маленьким, слабым, беспомощным и как будто даже жалким! И теперь я думаю, что он тогда не мог любить революцию, которая вдруг сделала его таким маленьким и беспомощным...

6-е марта 1919 г. Сухум. Утро.

Сегодня собираюсь в Тифлис. Хочу ехать до Ново-Сенаки на автомобиле. Но эти два дня непрерывно льёт дождь и не знаю, удастся ли проехать по нашим отвратительным дорогам. А ехать очень нужно...

7-е марта 1919 г. У Энгура. Вечер.

Вчера моя поездка была неудачна. На 26-й версте наш локомобиль закапризничал и пришлось вернуться обратно в Сухум. Вчера был отвратительный день. Всё время шёл снег и дождь, а на разсвете была гроза, которая испортила телеграфную линию.

В Ахалцихе намечается успех. Наши уже заняли Ацхур и продвигаются дальше. Я, повидимому, опоздал уже в Тифлис и не попаду на важное заседание.

7-е марта 1919 г. Ново-Сенаки. Ночь.

Жду поезда и слышу оживлённый спор социал-демократа с социалистом-революционером! Счастливая, благословенная провинция! С каким упоением и увлечением спорят они! Они очень счастливы, и – кажется, оба довольны. И на недоумённый вопрос Сандро: как здесь живут люди? Я отвечаю: здесь они счастливее нас. Счастливы в мелочах и мелочами. Мещанское счастье – ведь тоже счастье!..

10-е марта 1919 г. Тифлис.

В Тифлисе горячая работа: послезавтра созыв Учредительного Собрания, и наша фракция (в ней 109 человек из 130!) теперь же должна распределить своих работников в Правительстве и в президиуме Учредительного Собрания. Сегодня этот вопрос должен быть решён. И будет борьба.

На Ахалцихском фронте дела хороши и это развязывает нам руки на Бзыби. Решено усилить Гагринский фронт, ибо возможна война, и мы должны разбить Деникина. Я верю в это!.. Вчера вернулся из плена Кониев, и как-то неловко встретились мы. Он удручён и подавлен. И мне его стало жаль, потому что мы все его любим... Я ему сказал: «Вы наш генерал и прежде всего должны оправдаться перед нами. Вы должны потребовать суда»!.. «Это у меня решено»... Сказал он... Я знаю, что он суда не боится. Теперь я его более оправдываю, теперь я к нему более снисходителен...

Позавчера скончался наш милый, незаменимый Платон Гуджабидзе. Мы все надеялись, что он останется жив. Он перенёс страшные страдания, но он не победил смерти. Он умирал спокойно, героически. Мы все должны уметь спокойно умирать.

10-е марта 1919 г. Заседание Штаба.

Я весь разбит. Тяжело и трудно!.. Сегодня было заседание нашей фракции, и мы решили вопрос о распределении основных мест в Правительстве и в президиуме Учредительного Собрания. В председатели Правительства единогласно

намечен Ной Николаевич, но вопрос о председателе Учредительного Собрания расколол нас. У меня вышло крупное столкновение с некоторыми товарищами... Создалась тяжёлая и удушливая атмосфера... И какое счастье, что Ной Николаевич среди нас. Он символ нашего единства...

А тут ещё меня вызывают в Ахалцих. Не знаю, в чём дело. Очевидно, там что-то неладно, а ехать пока не могу.

12-е марта 1919 г. Тифлис. Утро.

Сегодня два больших праздника, два праздника демократии: вторая годовщина великой революции и открытие Учредительного Собрания Грузии!.. Праздник единства революции совпал с праздником местного значения, и это совпадение должно пробудить нас к великой борьбе за новое единство! Российская революция должна осуществить свои великие лозунги, она должна собрать всю Россию! Россию освобождённых народов, новую Россию! Иначе всем нам угрожает гибель: реакция ширится и нагнет...

Вчера хорошо был решён вопрос о составе нового Правительства. Я доволен и счастлив. Теперь буду бороться с большим воодушевлением и надеждой: ибо верю в Правительство...

Доживём ли мы до третьей годовщины?! Что будет через год? Разсеются ли нависшие на наших горизонтах тучи, или их ураган уничтожит нас?.. Мучительно хочется приподнять завесу будущего и заглянуть в грядущее... А время идёт. «А годы проходят, все лучшие годы»... И жизнь как будто бы проходит мимо. Но я об этом не грущу. Я твёрдо знаю, что наше время не время радости и наслаждений... Я знаю, что «наше время не время любви»...

14-е марта 1919 г. Боржом. Утро.

Меня усиленно вызывали в Ахалцих и я еду туда. Очевидно, там трения в командном составе и нечто другое... И вообще там много всяческих безобразий... В военном отношении дела там хорошо, но в политическом и моральном —

плохи. На это надо обратить чрезвычайное внимание. Пока не буду верить слухам.

Вчера, ночью, ко мне заходили Захарий и Лео. Мы долго беседовали. У Лео очень удручённый вид. Ахалцихская эпопея, видимо, угнетает его. Наша ошибка в том, что этого молодого, энергичного и честного человека назначили в столь ответственный и запутанный район. Он слишком молод и большой идеалист. А мы назначили его и бросили на произвол судьбы, вернее – на произвол всяческих генералов...

Погода чудная, солнечная... При озарении яркого дня придётся осматривать опустошённую местность. Как ненавистна мне война!..

14-е марта 1919 г. Ахалцих. День.

Видел Владимира Джибладзе, Фелицина и Колю Орагвелидзе. Рассказывали о местных делах. Обычная, печальная быль о войне. Успех и мародёрство! Геройство и жестокость! Даже гвардия была чрезмерно жестока... Но Квини-тадзе, кажется, доволен...

По дороге осматривал Ацхур. Всё разорено и опустошено. Ужас!.. Когда-то, давно тому назад, я и Шалва пешком путешествовали по этим местам. Мы ходили через зелёные перевалы, ночевали под яркими звёздами и всецело уходили в природу. Тогда у нас было в кармане 6 руб 20 коп и великодушное настроение в сердце. Теперь у меня больше денег в кармане, но великая печаль на душе...

14-е марта 1919 г. Ахалцих. Вечер.

Вчера вернулись с фронта. Ездили туда Владимир, Фелицин, Коля, я и Кониев. От поездки на фронт остался тяжёлый осадок. Все деревни опустошены, многие из них сожжены. Зарево пожара видно и теперь... Гадко, отвратительно...

Были в Абастумане. Он весь разграблен и разгромлен. Это поработали турки и татары. Когда-то я бывал в этом велико-
лепном, благословенном уголке. От него почти ничего не
осталось. Теперь я начинаю понимать многия жестокости,
допущенные нашими, но простить их всё же нельзя. Сегодня
возвращаюсь в Тифлис...

На левом фланге сегодня шёл бой.

15-е марта 1919 г. Тифлис. 9 час. утра.

Только что вернулся из Ахалциха, и Герасим передал мне
ужасную весть: Андрейка, маленький, славный Андрейка за-
болел менингитом! Я ещё не верю в эту ужасную весть. В
случае несчастья погибнет не только чудный ребёнок, но
может погибнуть крупнейший, незаменимый деятель рево-
люции – Ной... Это страшно, это ужасно!.. Одно присут-
ствие Ноя выстраивало и выравнивало наши ряды. Он был
центром нашей общественности. А без него начнут преодо-
левать центробежные силы... Но я верю и хочу верить в
счастливый исход.

16-е марта 1919 г. Тифлис. Ночь.

Вчера весь день было ужасное, гнетущее настроение. Ро-
ковая болезнь милого Андрейки совершенно разстроила ме-
ня... Я потерял энергию, радость, веру. В случае несчастья –
Ной может уйти. Этот уход страшит меня, ввергает в уныние
и тоску. Нависают тяжёлые тучи и гаснут огни... Уход Ноя
теперь равносителен распаду нашей работы и развалу нашего
революционного единства. Ной всегда был символом этого
единства, нашим гордым знаменем и если это знамя хоть
временно снизится – многое безвозвратно погибнет... Осо-
бенно теперь, в этот критический и ответственный час! Уход
Ноя во многих убьёт энергию и омрачит веру... Если бы
могло совершиться чудо и если бы маленький Андрейка
выздоровел! Какая была бы великая радость, какой был бы
восторг!.. Я отдал бы за это чудо несколько лет своей жизни
и всю свою энергию. Я хочу верить в это чудо... Если не бу-

дет чуда, почти всё рушится и наши надежды погибнут... И в этом случае я тоже уйду от всякой работы. Просто уйду к себе, в сторону от жизни, от революции, от борьбы. А ведь некоторые боятся моего властолюбия!.. Раз даже старый Сильва подумал, что я стремлюсь к власти. А если бы он прочёл сегодняшнее письмо, которое мне прислал какой-то независимый социал-демократ, он ещё больше испугался бы моего властолюбия. Автор письма мне предлагал совершить государственный переворот, опираясь на гвардию и ея любовь!.. Несчастный! Если б этот автор знал, как тяготит меня даже та власть, которую я имею, и с каким удовольствием отказался бы я от всякой власти... И наша гвардия никогда не поклонялась авторитетам! В этом ея величайшее значение... Но наше положение слишком тяжелое и нам нужна организованная власть и во главе этой власти нужен Ной. Но я знаю, что сам Ной не хочет этой власти и что он тяготеет к ею. Но он должен приносить жертву...

Да, нам приходится очень тяжело. Я не знаю, выйдем ли мы собственными силам из всех затруднений. Или же придётся призвать варягов?!

18-е марта 1919 г. Тифлис. Утро.

На душе беспокойно и тревожно... Странные мысли бродят в голове, и вдруг совершенно случайно начинаю думать о красотах жизни и о любви. Я всё более убеждаюсь, что «наше время не время любви». Теперь человек должен быть абсолютно свободным, он должен целиком располагать собою, а любовь только связывает, делает осторожным, быть может даже робким... Мне кажется, что теперь любовь только лишает крыльев... И этого я боюсь... Когда живёшь под вечной опасностью, под грозно нависающим мечом, крепнет желание, чтоб эта опасность касалась одного тебя, чтобы меч мог обрушиться только на твою голову, не задевая никого... Это моё убеждение! И когда крепнет это убеждение, начинает умирать любовь... Начинается сознательное убийство любви! И такие убийства мне очень знакомы... Иногда испытываешь странную раздвоенность,

непримиримый душевный разлад и какую-то большую тоску о безповоротно гибнущем или уже погибшем... Иногда так хочется умереть... Иногда больше любви хочется смерти!.. Особенно теперь, в связи с великим несчастьем большого Ноя... Но вчера ночью милый мальчик хорошо спал. Быть может, маленький Андрейка встанет и оживит своего отца... Вчера Ной хотел отказаться от премьерства. Он даже написал об этом записку. Этот отказ был очень короток, но трагичен... Он благодарил за великую честь доверия к себе и добавлял: «Надеюсь, вы мне простите это внезапное ослабление моих сил»...

23-го марта 1919 г. Кавахлуха. Вечер.

Опять я на позиции. Опять дождь, слякоть и тоска по солнцу... Сейчас получили телеграмму командарма Гедеванова об усилении частями армии и гвардии нашего фронта... Я с нетерпением жду общего наступления. Она рвётся в бой... Без риторики!..

Вчера преступный Дзуку Туркия убил бедного, славного Коция Наракидзе и скрылся. Убийство произошло в Сухуме. Этого преступника надо арестовать и разстрелять...

Позавчера мы пережили тревожный день и ужасный вечер: из Поты выехал баталион Ломтатидзе и он попал в страшный шквал... Мы думали, что баталион погиб, но каким-то чудом баталион спасся и он вернулся в Поты. Утонуло только несколько человек. Наш бронированный автомобиль свалился в море... За эту бурную ночь около Поты погибло три парохода...

26-е марта 1919 г. Вверх по Бзыби.

Вчера осматривал наш левый фланг: от моря до моста. Сегодня отправились разведать правый фланг, но лихорадка меня одолела. У меня подкашиваются ноги, я не могу двигаться вперёд и с трудом возвращаюсь назад... Скверно мне...

29-е марта 1919 г. Калдахвари. Ночь.

Большой день! Так, по крайней мере, говорит мой Ваничка... Сегодня передали нам текст телеграммы Деникина: он согласен очистить Гагринский и Сочинский округа и вернуть нам всё захваченное имущество. Крупная, безкровная победа! Сегодня нам уже вернули несколько десятков лошадей, захваченных у нас в Сочах добровольцами. Все лошади опаршивели и страшно исхудали... Сегодня мы видели добровольческих солдат и офицеров. Беседовали с солдатами. Все они жалуются на свою судьбу и ругают своих...

31-е марта 1919 г. Калдахвари. Утро.

Погода меня окончательно изводит, хотя я уже и стал привыкать к ней. Скоро уже два месяца мы в походе, и почти всё время не переставая льёт дождь!..

Добровольцы со дня на день должны очистить Гагринский округ. Очевидно, перед уходом они хотят окончательно обобрать население! Вчера с того берега приходила к нам делегация, которая передала, что казаки совершенно разграбили их...

Нам всем страшно надоело сидение в этой скверной дыре. Хочется или боя, или же возвращения в Тифлис. А в Тифлисе ведь так много работы! Надо всеми силами укрепить наш внутренний фронт. Необходимо начать широкую созидательную работу. А главное – нужно произвести решительную встряску буржуазии!.. Мы слишком миндальничаем с ней.

Милому Андрейке всё хуже и хуже... Гибнет мальчик... И с ним вместе ослабевает наш большой Ной... И мы все чувствуем, что сиротеем.

3-е апреля 1919 г. Сухум.

Уже три дня в Сухуме стоит великолепная, блестящая погода. Сухумская погода! И под ласкающими лучами весеннего солнца и забываю все невзгоды минувших дней... И

как хорошо создан человек: он легко забывает все страдания прошлого, если настоящее дарит ему радость!.. Но если бы все несчастья прошлых дней сохранялись бы в человеке, вокруг него образовалась бы толстая, глухая, жестокая кара, которая заживо погребала бы человека...

В Сухуме я уже третий день. Со мной мой Ваничка и маленький, храбрый Симон. Но в Сухуме скучнее и сквернее, чем на фронте. Здесь как-то не удовлетворена и обезпокоена душа...

Добровольцы всё ещё не очистили Гагры. И мне кажется, что дело без драки здесь не обойдётся. И чем скорее будет драка, тем лучше.

Абхазский Народный Совет работает вяло... Наша фракция в Совете хромает. На все четыре ноги!

4-е апреля 1919 г. Каваклуха. 3 часа дня.

Маленький Андрейка умер... Чуда нет, но есть ужасная, трагическая боль... Тяжёлый непоправимый удар...

6-е апреля 1919 г. Вершина Тотрюк. Полдень.

Рано утром я, Александр, Ваничка, Георгий, Севастий, Александр Гегечкори и мудрый Парна выступили на разведку. Переваливаем через высокие горы. Отсюда великолепный вид на правый берег Бзыби и на море. Здесь хорошо. Очень хорошо. Настроение бодрое, вершинное.

6-е апреля 1919 г. Вечер.

Перевалив горы, мы спустились к Бзыби у старой крепости. Природа здесь богатейшая и великолепные леса. Очень много крупного буксуса. Сейчас мы отдыхаем у абхазских пастухов. Пастухи приветливы и очень гостеприимны. Переход был трудный, утомительный, и у нас волчий аппетит.

На горах было много чудных цветов и старого снега...

9-е апреля 1919 г. Полдень.

Мы опять у тех же пастухов. С раннего утра мы выступили на разведку и исследуем берега Бзыби для предстоящих переправ...

Эта бесконечная стоянка нам уже осточертела. Вчера говорили с Евгением, но он ничего определённого нам не сказал. Мы с ним условились, что будем ждать ещё до 12-го апреля. Это наш последний срок! Мы были бы более решительны, если бы не присутствие англичан. Вчера я и Сосо видели полковника Уайта. Он очень оскорблён слухами о нашем наступлении и настойчиво просил не делать этого. По-видимому, добровольцы очень боятся нас. Их следует проучить! У нас есть эта возможность. И мы все рвёмся в бой...

Погода чудная. Местность очаровательная... Пастухи готовят нам вкусное угощение. Я отхожу в сторону и читаю несравненного Тагора!!! У огня хлопчет маленький пастушок. Такого красиваго мальчика я давно не встречал и я молча люблюсь им.

8-е апреля 1919 г. Вечер.

Мы на старой крепости у реки Бзыби. Очень, очень старая крепость. Когда-то здесь тоже были войны и люди истребляли друг друга. Теперь здесь воюем мы. И победителями здесь будем мы!..

12-е апреля 1919 г. Калдахвара.

Дождливое утро. Настроение тяжёлое, гнетущее. Как будто кто-то близкий и дорогой умер... А умерла уверенность, что придётся сразиться с деникинской реакцией! Сегодня 12-е апреля. Последний срок, а наступления всё нет! Вчера говорили с Тифлисом. Именно вчера мы должны были получить окончательный ответ от правительства, но вчера нам только сказали: «Пока нельзя переходить в наступление». А мы так были уверены, что получим иной ответ. Мы верили,

что нам скажут: «Держайтесь, переходите в наступление и форсируйте реку Бзыбь». Но этого нам не сказали. Нам только приказали ждать. И мы ждём у моря погоды! С разбитым настроением и опущенным носом... И ведь вся гвардия так преисполнена желанием борьбы. Нанести свой удар! Теперь самое подходящее время... И в то самое время, когда большевики громят деникинцев, когда в Адлерском районе крестьяне с оружием в руках возстали против добровольцев, нам не позволяют ринуться в бой... И создаётся тяжелое, ложное положение. Мы слишком много церемонимся с добровольцами. С этими злейшими врагами революции, с этими палачами демократической России! И я не могу понять этой нашей осторожности, всех этих наших церемоний. Ведь ещё не так давно мы более легко решали войну с большевиками, с армянами и татарами?! И на большевиков я всегда шёл с тяжёлым сердцем и траурным настроением. Но для революции это было наименьшее зло. И скрепя сердце, я наносил удары большевикам... С армянами мне вовсе не хотелось войны и я стоял за соглашение с армянами, хотя бы ценою уступок. Но армянские политики оказались вероломны и нам снова пришлось взяться за меч. Но даже в вихре наших успехов скорбела душа... Потом вспыхнула последняя война с татарами. И я здесь стоял за соглашение и уступки, но наши политики оказались решительнее меня и они уже тянутся к Ардагану. Я это считаю чистейшим империализмом, и моя социалистическая совесть смущается этим... Но с Деникиным мы почему-то должны церемониться и миндальничать!.. Я этого совершенно не могу понять, но знаю, что это миндальничество к добру не приведёт... В борьбе с добровольцами у нас не будет никакого разлада и никакой тоски. Будет лишь неудержимый порыв и непреодолимое желание разбить и добить врага!.. А ведь с организованным большевизмом нам когда-нибудь придётся столкнуться. И чем скорее, чем решительнее мы ударим на Деникина, тем ближе станут к нам большевики, тем скорее поймут они нас и тем решительнее оставят они нас в покое... На могиле добровольчества мы можем примириться с большевиками...

Но я чуть не забыл Англию. Ведь она у нас поперёк горла...

13-е апреля 1919 г. Калдахвара.

Сегодня, кажется, печальная годовщина падения Батума. Какое ужасное, могильное настроение было тогда. Вчера мне было не легче. Но сегодня я вновь бодр и даже весел: я начинаю верить в наше наступление!.. Вчера, вечером, мы говорили с командармом Гедевановым после его встречи с генералом Томсоном. Этот английский генерал сказал: «Даю слово генерала и представителя английского командования, что грузины не должны без согласия англичан переходить реку Бзыбь. Это чревато тяжёлыми последствиями для Грузии. Я дал последний срок в сорок восемь часов Деникину. Если за это время он не отойдёт за реку Михадырь – Грузия может действовать свободно»... Наконец, мы нашли желанный ответ! Если 15-го апреля до 12-ти часов дня добровольцы не уйдут сами, мы должны их вытолкнуть в шею! И мы это непременно сделаем. В тылу добровольцев возстание разрастается. Деникин присылает отряд в 1 500 человек для подавления этого возстания... Приближается час расплаты и возмездия!.. Сейчас я еду в Сухум – встречать горный выючный взвод Джибо. Это первый выючный взвод Республики Грузии. К нам идёт также броневик «Интернационал» и ещё кое-что.

15-е апреля 1919 г. Калдахвара. 3 часа дня.

Сегодня нам передали приказ о переходе через Бзыбь. Наконец-то! Теперь всё должно решиться. Настроение великолепное...

16-е апреля 1919 г. Калдахвара. Утро.

Завтра на рассвете переходим в общее наступление. Жребий брошен!.. Начинается подлинная, желанная борьба с общероссийской реакцией. Много надежды возлагаем на эту

начинающуюся борьбу, много грядущей яркой радости... Мы должны были начать эту борьбу и мы должны победить в ней. Или погибнуть!.. Иного выхода нет. И нет уже путей отступления. Эта борьба может приблизить нас к революционной России, от которой нас оторвали и от которой потом мы сами отрывались... Если бы наше правительство не решилось бы на эту борьбу с добровольцами, если бы сегодня мы не получили приказа о наступлении – я хотел бросить всё, я хотел уйти от всякой работы. Но теперь хорошо: в борьбе за революцию и социализм можно умереть с восторгом! Вчера я так и сказал командирам частей: «Знай-те, что мы должны победить или умереть. Третьяго не дано!» И я знал, что все были согласны со мной.

Наше правительство, решив войну, последнее слово предоставило нам. Оно сказала: англичане против войны, резервов для вашего фронта у нас нет и в этих условиях даёте ли вы гарантию победы. Мы сказали: «Вместе с вами мы даём эту гарантию. Но наш фронт должен стать главным фронтом, а Ахалцхский фронт надо скорее ликвидировать. Но одну гарантию мы безусловно даём: победа или смерть»...

Полковника Уайта уже в Гаграх нет. Его сменил полковник Файнс. Этот полковник вчера нам прислал оригинальное письмо: «В случае перехода вами реки Бзыбь, надеюсь, ваши войска не будут стрелять в наши пикеты». Да, именно так писал английский полковник Файнс...

Погода скверная – туман и слякоть. Это немного раздражает. Но для нашего наступления это, пожалуй, лучше.

Мы наступаем тремя колоннами. Начальником правой колонны назначен несравненный полковник Каргаретели, а левой – блестящий Химшиев. На крайнем правом фланге в глубокий обход пущен наш славный Особый батальон под командой неустрашимого Симона Хухунашвили. Левее от него идёт храбрый Георгий Ломтатидзе, а потом все наши смелые и дорогие воины: Микадзе, Болквадзе, Чачибая и много, много других... Я всех их люблю и верю в них. Я и Александр, как всегда, будем вместе. С нами же будут находиться наш Яков, невозмутимый Ваничка и храбрый Леонид...

Завтра к этому времени уже многое станет ясным, решённым... Быть может, многие уже будут мертвы...

Я верю в победу и стремлюсь к ней.

17-е апреля 1919 г. Калдахвара. 2 часа ночи.

Штаб, проснувшись, уже встаёт. Александр всех нас разбудил слишком рано. Ведь он почти не спит по ночам!.. Настроение у всех бодрое, яркое, цветущее. «Как перед Пасхой». Сказал мой Ваничка. У меня совсем хорошее настроение. Во-первых, потому, что вчера весь день усиленно работал и ничего не ел, во-вторых, потому, что погода устанавливается и, наконец, в-третьих, это главное, сегодня мы переходим в наступление...

Наши фланги почти уже переправились через Бзыбь. Немного запоздал правый фланг, но вчера там сорвался наш паром и нам пришлось устраивать опасную импровизацию: перетянули через бурлящую реку стальной канат, подвесили на блоках к канату коробку и в этой коробке переправляли гвардейцев. Переправа в коробке вымотала у меня все мускулы! Я и Александр весь день провозились над устройством этой переправы. И в штаб нам пришлось возвращаться ночью. Ночь была тёмная, дорога почти непроходимая и грязная. Приходилось ползать на четвереньках и мы безумно устали. И Александр полушутя, полусердито сказал: «Да, по Головинскому гораздо легче ходить»...

Наши ребята хорошо и много работали. Все сознавали важность исполняемой работы.

В глухую ночь, возвращаясь в штаб, на берегу Бзыби я встретил Илико... Он не дождался конца лечения своей раненой руки и поспешил к нам. Это меня тронуло и порадовало. Я его люблю как брата и товарища...

Генерал Томсон просил нас предупредить о нашем выступлении полковника Файнса. Мы его уже предупредили. Мы уже на его берегу...

Через несколько часов грянет бой. Да здравствует бой и победа!

Настроение бодрое, ровное и совершенно спокойное.

Вера в успех.

17-е апреля 1919 г. На том берегу. 7 часов утра.

Мы уже прошли три версты. Продвигаемся пока без боя, но медленно, с предосторожностями. Конный дивизион переправился вплавь через бурную Бзыбь. Утонули: один всадник и несколько лошадей. У моста к нам перешли 2 добровольческих офицера. Они оберегали мост и следили за нами. Английский караул пропустил нас через мост с почётом. Англичане вывесили свой флаг и усердно козыряли нам. На мосту был лейтенант Норман. Он был очень взволнован и даже смущён... Полковник Файнс по телефону говорил со мной из Гагр. Он передал, что наши войска прошли через английские пикеты и просил меня вернуть их на левый берег реки. Я передал, что это невозможно и успокоил его, сказав, что наши войска не тронут англичан... Народногвардейцы стройными, бесконечными рядами проходили мимо англичан и, повидимому, англичане уверовали в наши силы...

А противника всё ещё нигде не видно. Не знаю, где встретимся с ним. Во всяком случае, он уже сдал нам хорошие позиции...

17-е апреля 1919 года. Имение Колхида. 11 час. утра.

Противник часам к 9-ти открыл редкую артиллерийскую стрельбу. У него пока работает одно орудие. Пулемёты противника работают вяло. Мы уже имеем пленных добровольцев и кое-где я наткнулся на убитых деникинских офицеров...

Сейчас мы устанавливаем наши батареи. С наблюдательного пункта видны Гагры. Я знаю, что Гагры уже в наших руках.

Великолепный день. Настроение роскошное.
Хорошо!..

17-е апреля 1919 г. 4 версты севернее от Гагр. 4 часа дня.

В 2 часа дня 3-й батальон Георгия Ломтатидзе занял Гагры. Мы забрали много пленных, несколько пулемётов и военную добычу. Противник совершенно разбит и поспешно бежит. У нас почти нет потерь. Население нас встречает с сияющими лицами. Демократия ликует! Особый батальон, очевидно, зашёл глубоко в горы и его всё ещё нет...

Мы энергично преследуем бегущаго врага, но все мы страшно устали, и ноги отказываются служить...

18-е апреля 1919 г. Гагры. Ночь.

Сегодня, в 9 часов утра, наш конный дивизион без выстрела занял линию реки Мехадырь... Противник продолжал поспешное бегство, преследуемый нашей конницей и обстреливаемый возставшим населением – Зелёной армией. Но эта армия плохо дралась, иначе ни один доброволец не ушёл бы от нас! Последнее сопротивление зеленоармейцы оказали добровольцам на реке Мзымта. Нам сообщили, что зеленоармейцы разобрали мост чрез Мзымту и задержали добровольцев. Мы с конным дивизионом бросились туда, но было уже поздно. Добровольцы прорвались через слабую линию зеленоармейцев и ушли в Сочи. Лишь разъезду Багратион-Мухранского удалось настичь последнюю партию добровольцев у Адлерского парома и многим из добровольцев не суждено было попасть на правый берег реки!.. Из Тифлиса нам категорически приказали не переходить реки Мехадырь. И нам пришлось вернуться с берегов Мзымта. Крестьяне были очень удручены нашим возвращением на Мехадырь.

Мы забрали около 500 пленных и целый лазарет сыпнотифозных. Это тяжёлое добровольческое наследство! Лазарет был в отчаянном состоянии. Больных буквально поедали паразиты! Нам придётся употребить много усилий, чтобы очистить лазарет и спасти больных...

Среди пленных – большинство офицеры. Это – обломки кавказского офицерского полка! Я был лучшего мнения о

боеспособности офицерских полков, но они дрались хуже всяких банд...

Погода чудная, успокаивающая...

20-го апреля 1919 г. Гагры. Утро.

Светлое Христово Воскресение! Светлый солнечный день! Светлое, спокойное настроение...

В прошлом году мы справляли печальную Пасху на грязных Нотанебских позициях. Тогда мы были побеждены, и настроение было убийственное. День был мерзкий, дождливый и почти никто не вспомнил нас на Нотанебских позициях! И почти не было веры... Да – то была грустная, тяжёлая Пасха!.. Теперь уже не то. Теперь мы победители, вера окрепла и мы окрылены... Правда, это не окончательная победа, она ещё ничего не решила, но она показала, что мы можем побеждать и легко побеждать добровольцев! – А это очень много...

Такого чистого, хорошего, радостного похода ещё у нас не было. Все держались превосходно, не было никаких эксцесов и никакого мародёрства. Я нравственно совершенно удовлетворён, и это умножает мою светлую радость...

20-е апреля 1919 г. Гагры. Вечер.

Пасха прошла. Весь день мы были в работе. С раннего утра мы отправились на разведку и лишь недавно вернулись. Я очень доволен нашей поездкой. Всюду чарующая красота и великолепные позиции! С разведки попали на обед во 2-ю полевую батарею. Было тепло и хорошо...

Сегодня от большого Ноя получили поздравительную телеграмму. Эта телеграмма всех нас порадовала: значит, Ной вновь интересуется общественными делами, значит, он опять на своём посту! Это окрыляет меня и даёт новую надежду...

Бедный, милый Андрейка.

21-е апреля 1919 г. Полдень. В горах.

Мы выступали на исследование окрестностей: Сосо, Каргаретели, наш Парна, старый пастух Джарназ Аркания и я. Сейчас мы в гостях у Джарназа, и пастухи нам готовят обильный завтрак. Старый Джарназ типичный и очень характерный пастух. Он великолепно знает все горные дороги и очень богат. Мудрый Парна Циколия не похож на него. Он довольно беден, но по природе очень умен и своеобразен. Он очень любит пофилософствовать... Сейчас полковник Каргаретели рассказывает нам эпизоды из прошлой великой войны. Каргаретели – наша общая симпатия. Жаль, что он не в народной гвардии...

О противнике пока ещё ничего не слышно. Очевидно, он ошеломлён нашим ударом и всё ещё не оправился... Я думаю, что скоро он подтянет резервы и начнёт нажимать на нас. С своей стороны и мы подтягиваем новые силы и готовимся к встречному удару...

Наши гвардейцы держатся великолепно.

24-е апреля 1919 г. Утро.

У нас всюду спокойно... Ардаганская авантюра меня начинает волновать...

25-е апреля 1919-й год. Гагры. Вечер.

Настроение тяжёлое, пасмурное. А весь день было хорошо. Сегодня мы произвели усиленную, тяжёлую разведку нашей позиции. Сделали верхами по горным, отвратительным дорогам вёрст 40 и всё время было хорошо на душе... Но по приезде сюда мне передали записку Илико о болезни матери. Мать свою я оставил тяжело больной, ибо я спешил на фронт. Илико просит меня приехать в Сухум. Я сейчас говорил с Сухумом и мне передали, что мать сильно больна, но не безнадежно... К сожалению, выехать в Сухум не могу... Милая мама, скорее поправляйся...

В горах же под вечер мне сообщили о некоторых безобразиях всадников конного дивизиона. Это меня ещё более разстроило.

3-е мая 1919 г. На высоте хвойных лесов. Вечер.

В час дня наша колонна выступила из Гагр для обезоружения армянских горных посёлков. Не хотелось новых насилий и новой борьбы, но все средства изсякли и терпение истощилось; даже славный Хачатур не помог. Армянские авантюристы чуть не убили его и нам приходится обратиться к оружию. И странная, преступная вещь! Эти армяне всё время идут против нас: тогда с большевиками, теперь с Деникиным! И мы их должны проучить...

Приходится идти по крутым высоким горам. Весь день шли в гору, под дождём. И сейчас идёт сильный дождь. Мы уже на вершине и располагаемся на ночлег. Мы развели большой костёр, соорудили жалкий шалаш и сушим мокрую одежду. Сейчас со мной здесь Александр, Ваничка Лолуа и Симон Хухунайшвили. Несмотря на дождь и слякоть, настроение бодрое, хорошее. Мы подаём огромные брёвна в костёр, весело смеёмся и браним погоду...

Утром узнал о смерти ценного Рафаила. Большая утрата...

Кругом горят костры. Много костров! И стройный хвойный лес, освещённый горными кострами, недвижно спит...

Гвардейцы собрались у костров. Они весело и безопасно болтают и тоже сушат свои одежды. Никто не думает о завтрашних кровавых столкновениях...

С нами идёт сестра Фира. Весь день она шла великолепно и не отставала от гвардейцев...

4-е мая 1919 г. Там же. 5 часов утра.

Провели в горах холодную, бессонную ночь. Дождя уже нет. Старый лес тихо пробуждается и наполняется утренними звонкими голосами... Сейчас выступаем на Ову.

4-е мая 1919 г. 11 часов утра.

Мы уже висим над Овой (Ачмардой). Мой Илико пошёл в обход справа и мы выжидаем его появления во фланг деревне. На нашем дальнем левом фланге была сильная пулемётная и оружейная стрельба. Она уже смолкла. Начальником нашей колонны является маленький, но удаленький Симон. А всей правой колонной руководит наш славный Георгий Химшиев.

Сегодня мы должны обезоружить Ачмарду и Христофорово. Это очень большие и богатые посёлки. Никакая гуманность не пришибёт медные лбы преступных дашнакцаканов и приходится быть жестоким... В этом страшная трагедия!.. И почему эти несчастные плантаторы так привязались к добровольцам? Чего они ждут от них?! Ведь добровольцы принесут им новое тяжёлое ярмо! А мы дадим свободу и землю. Но они слишком темны и спровоцированы дашнакцаканами...

Вчера, утром, у меня было скверное настроение. Вчера были дурные вести: смерть Рафаила и неудачные переговоры с генералом Мильном! Этот английский генерал очень сердится на нас: мы не послушались его приказа и перешли в наступление против добровольцев. Это он не хочет нам простить!.. И всё это омрачало меня. Но эти могучия горы и хвойный лес со стройными вековыми деревьями, эта безумная усталость и бессонная ночь в горах – вновь вернули мне бодрость, радость и веру... Я помолодел на много лет и становлюсь ребёнком. Если бы не несчастные армянские повстанцы, было бы совсем хорошо.

Сестра Фира неутомима.

Я люблю её героизмом...

Выстрелов нигде не слышно.

Лес молчалив. Птицы беззаботно щебечут и поют...

Налево от нас только что вновь заработал пулемёт. Там разгорается борьба...

Преступная Англия! Разве ты не можешь умиротворить наш край и примирить всех нас? Разве ты не можешь сказать всем нам и, особенно, нашим преступным врагам могучаго «цъц» и своим окриком приостановить кровь?!

Но ты не хочешь этого. Ведь у тебя свои интересы! Очень сложные и глубокие интересы, которые порой непонятны и недоступны нам...

4-е мая 1919 г. Ачмарда (Ова).

В 5 часов вечера заняли Ачмарду. Совершили страшно утомительный и трудный переход по отвратительным горным дорогам. Через реку Сандрыпш пришлось переправляться с огромным риском, ибо берега реки – сплошные обрывы и почти совершенно нет дорог. Есть лишь одна жалкая, почти непроходимая тропа, которой совершенно невозможно избежать. И когда мы по этой тропинке спустились к реке и стали по одиночке, с большими трудностями, карабкаться на противоположный берег, противник обнаружил нас и стал учащённо обстреливать. Мы попали в очень трудное положение, и я думал, что многие из нас останутся на дне реки. Но, к счастью, противник оказался большим трусом и нам легко удалось его сбить. И у нас почти нет потерь...

Илико с двумя ротами оторвался от нас и ушёл далеко в горы. Я немного беспокоюсь за него...

Всё население Ачмарды бежало, оставив деревню и массу скота на наш произвол. Как безумны эти несчастные! И почему бегут? А ведь мы шли к ним с самыми добрыми намерениями и с высоко поднятым белым флагом. Но эти несчастные всегда обстреливали наши разъезды и не пускали к себе наших послов...

И теперь наступила расплата...

Погода проясняется, и вечер тихо, грустно улыбается. Зелёные вершины гор окутаны таинственным туманом, вдали золотится кусочек моря, и вечернее солнце грустно освещает опустевшую, несчастную деревню...

Печаль и радость...

5-е мая 1919 г. Христофорово. 12 часов дня.

В 10 часов вступили в Христофорово – в это огромное и очень богатое армянское селение. Теперь оно совершенно опустело, но остался огромный брошенный скот. Христофоровцы слабо защищались. Очевидно, они надеялись на помощь генерала Деникина и не получив её, быстро деморализовались.

Вся трудность этих операций выпала на нашу колонну – на колонну Симона Хухунайшвили. Временами я беспокоился за эту колонну, ибо в продолжении двух дней мы были от всех оторваны и не было никакой связи. Теперь связь установлена с партизанами Сосо Гедеванова. Кроме того, ночью пришёл Илико. И тревога души улеглась... Мы ударили в набат с колокольни Христофорово, и на печальный звон колоколов стали собираться остатки населения. Они изъявили полную покорность и просят прощения...

8-е мая 1919 г. Гагры. 6 часов утра.

Сейчас к нам прибежал наш славный Евгений Жвания и передал, что с моря подходят 5 паромов. Александр быстро вскочил и побежал на пристань узнать, в чём дело. Мы теперь каждый день ждём десанта, ибо Англия очень не расположена к нам. Генерал Мильн был в Екатеринодаре, виделся там с Деникиным; в Тифлисе же он демонстративно не захотел повидаться ни с одним представителем нашего правительства! Он очень зол на нас за наше наступление против Деникина и охотно устроит нам всякую пакость... И я совершенно недоумеваю: что хочет делать с нами Англия? Почему она с такой медлительностью собирается пожрать нас?! И я всё чаще начинаю вспоминать немцев у нас. Я их не любил. Чуждался их и считал их врагами нашей демократии, но теперь убеждаюсь, что они вели у нас более честную и открытую политику... Приходу же Англии я и мы все радовались. Этот приход был связан со многими надеждами, с воскресающими мечтами. Но теперь приходится с грустью вспоминать немцев и разочаровываться в англичанах. Но мы никому не позволим без борьбы съесть нас! У маленькой

изолированной демократии Грузии есть право честно и храбро умереть. И у нас на это хватит сил...

Англия не только не замирила Закавказья, но окончательно возмутила его и в этом её преступление. А поддержку добровольцев история её никогда не простит...

Вчера на реке Псоу добровольцами из пулемёта убит наш храбрый народногвардеец Беридзе, а другой легко ранен. Добровольцы подтягивают к себе силы и постепенно подходят к нам. Бегут несчастные крестьяне со своим жалким скарбом, с жёнами и с детьми. К сожалению, первыми мы не можем перейти в наступление. Это окончательно настроит против нас Англию и она активно может выступить против нас. Поэтому приходится ждать наступления добровольцев. Мы с радостью ждём этого выступления...

14-е мая 1919 г. Хребет Зырху. Утро.

Второй день ходим на дорожные работы. Мобилизовали Гагринскую буржуазию, но так как она плохо работает, приходится напрягаться всем нам. Сейчас здесь работает более 600 гвардейцев и работают так энергично, что инженер Джавахов не успевает нивелировку! Люди работают дружно, весело. Я работаю вместе с ними и это придаёт им бодрость, энергию. Среди гвардейцев много армян. Они всё время хорошо держатся и великолепно работают. Это меня очень радует. На гвардейцев-армян я смотрю с особенной любовью и отношусь к ним бережно... У меня такое чувство, будто у них в доме покойник... И как мучительно хочется освободиться от тех жестоких и преступных националистических наслоений, которые совершенно покорили Армению и которые стали покорять даже нас. И я всё более убеждаюсь, что национализм является величайшим преступлением и страшным злом! Вражды к какой бы то ни было национальности я никогда не чувствовал. Менее всего враждебно я отношусь к армянам, несмотря на все преступления армянской политики. А ведь политика Дашнакцутюн абсолютно преступна и главна масса несчастья армянского народа – дело рук этой партии!.. Даже вырезывание армян в Турции я ча-

сто склонен объяснять как результат безрассудного авантюризма этой роковой партии...

Чудный день. Со склона горы вижу спокойное море и слышу оживлённый гул шумной работы... Вековой лес ожил и наполнился бодрящими звуками коллективного труда. И здесь, на этих горных склонах я убеждаюсь в величии и силе коллективного человека... Настроение ровное, ясное, трудовое...

На фронте нет ничего нового. Мы сильно укрепляем наши революционные границы. Добровольцы чересчур осторожны и всё ещё не решаются переходить в наступление. Я жду и хочу их наступления. Оно развяжет нам руки и позволит нам нанести реакции свой собственный удар! И этот удар нас приблизит к революционной России...

К сожалению, теперь в России единственная реальная революционная сила – большевизм и потому успехам большевизма мы должны радоваться. Правда, быть может, я решительнее всех боролся с большевизмом и более всех способствовал изгнанию его из пределов Грузии, но это было в определённых условиях времени и места. Тогда победа большевизма означала всяческую гибель демократии. И прежде всего эта победа означала окончательную гибель Республики Грузии... Я и теперь очень враждебно отношусь к большевизму и совершенно не верю в его революционное творчество, но одно для меня совершенно неоспоримо: в современной России поражение борющегося большевизма равносильно поражению революции и социализма! Поэтому мы должны способствовать успехам большевизма. Когда приходится выбирать между добровольческой реакцией и большевистской анархией – колебания, двух мнений не может быть. И это говорю я, которого большевики, наверное, разстреляют при первом удобном и даже неудобном случае! Но разве дело в разстреле и в личном самоощущении?! Даже перед лицом разстрела я скажу, что в современной России большевизм – наименьшее зло и что нет иного пути для Российской революции, как путь победы большевизма над добровольчеством.

Англичане уходят из Закавказья и на их смену приходят итальянцы – это, кажется, хороший симптом.

19-е мая 1919 г. Гагры. Вечер.

Завтра приезжает тройная делегация: Грузинская, Английская и Добровольческая. На обсуждение вопрос о взаимоотношениях нашей Республики и Добровольческой армии. Эта конференция, созываемая по инициативе английского командования, должна иметь крупное значение. Одно ясно, что у нас с добровольцами не может быть единых целей и потому нет единства путей!.. Может быть, добровольцы потребуют нашей помощи в борьбе с большевиками?! Это предложение, конечно, будет отвергнуто без колебаний, ибо лучше погибнуть в неравной борьбе, чем стать союзниками злейших реакционеров. Для нас наилучший выход – установление нейтральной зоны между нами и добровольцами и на этом мы будем настаивать.

Погода отвратительная. Море глухо и злобно шумит. На душе туман и грусть.

24-е мая 1919 г. Гагры. Вечер.

На дворе дождь. Только что говорил с Тифлисом. Рубен сообщил о требованиях англичан. Они настаивают на очищении нами Гагринского участка... «Иначе Деникин не станет с нами говорить». А разве мы так жаждем разговора с этим преступником, разве не сами англичане предложили нам посредничество при переговорах с добровольцами?! Англичане вначале сообщили, что все они съедутся в Гагры; потом они уехали в Батум, а оттуда в Тифлис. И в Тифлисе гора родила мышь! И какая подлая, недостойная игра! Истощают, терзают нас и растят силы реакции... Но что говорить о нас – маленьком, несчастном и ничтожном народе, когда так ужасно разбита, поругана, унижена и раздавлена Германия?! Великая Германия!.. Как ужасно, как жестоко

поступили с ней. Теперь все надежды вокруг мировой социальной революции и Карфаген международного империализма должен быть разрушен...

Из хаоса мировой войны постепенно вырастают два фронта: фронт революции и реакции; социализма и империализма, - солнца и тьмы. Теперь решается судьба всей цивилизации и намечается грядущий путь истории и мы всем существом своим, всеми помыслами своими на стороне, в озарении и величии грядущаго, социализма...

Я с ужасом слежу за головокружительными успехами Колчака и страдаю от постоянных большевистских неудач...

С гибелью большевизма в современной России погибнет революция, ибо нет уже третьей прогрессивной силы, которая могла бы сменить в России большевиков. Время потеряно и все сроки упущены – теперь в России лишь два пути: большевизм и добровольцы! И мы всецело на стороне большевизма. Я знаю все ошибки и все преступления большевиков, их ужасные преступления перед революцией и пролетариатом! Знаю и то, что большевизм широко открыл двери реакции, но теперь не время сведения счётов, ибо Ганнибал всероссийской реакции уже у ворот. И перед этой страшной опасностью мы должны выравнять свой фронт и должны сгрудиться вокруг красного знамени революции и социализма. И надо быть готовым умереть под этим знаменем!..

ЗАТИШЬЕ И ВНУТРЕННИА БУРИ

27-е мая 1919 г. На реке Окум. Вечер.

В 7 часов утра выехали из Гагры в Ново-Сенаки. Но в самой реке Окум наш «Пакарт» застрял. Теперь ждём наших «спасителей»-буйволов! В Тифлис едем я и Сосо Гедеванов. Хотим информировать Тифлис и информироваться сами... В Тамыше встретили неугомиаго Сандро Фарниева со своей грузовой колонной. Он едет на фронт. «В Тифлисе очень чувствуется поправение», - сказал Сандро. И странно: верхи правеют, а низы левеют! Это, очевидно, потому, что верхам

вообще лучше живётся... Наш министриализм иногда получает неприятный привкус...

Хочется скорее попасть в Тифлис и серьёзно поставить многие вопросы.

Переговоры с деникинцами ни к чему не привели. Иначе и быть не могло! Теперь нам надо быть готовыми к новой упорной и беспощадной борьбе... Вся надежда на торжество мировой революции... С большевиками, несмотря на все их преступления против рабочего класса, надо как-нибудь столковаться... А наши, некоторые узколобые и твердолобые политики не понимают этого!.. Многие просто дрожат за свои насиженные места...

Вчера была годовщина нашей независимости. В Гаграх мы устроили большой митинг народногвардейцев. Я выступал на этом митинге и в моей речи было больше печали, чем радости. И этот день я называю днём праздника и скорби, днём радости и траура...

2-го июня 1919 г. Поезд. Раннее утро.

Едем из Тифлиса на фронт. Со мной Владимир Джигладзе и полковник Гедеванов – брат нашего Сосо. Владимир едет в Поты для организации связи с большевистской подводной лодкой. Ходит упорный слух, что по нашим берегам плавают большевистская подводная лодка, и мы во что бы то ни стало хотим связаться с ней.

В Тифлисе твёрдое настроение. Решено упорно бороться и победить! Вчера я выступал в Учредительном Собрании. Там меня очень тепло встретили и все были единомышленны...

На фронте некоторое оживление. Жду и хочу войны...

2-го июня 1919 г. Река Окум. Полдень.

Едем хорошо. День славный. Настроение хорошее. На Ингури встретили старого товарища – Иосифа Кварацхелия. Мы когда-то вместе работали в Сухуме. Он едет в Гали для организационной работы. В Гали я с особым удовольствием осматривал молодую местную Народную Гвардию. Это

огромная наша победа! Для работы в Гали из Сухума приехал энергичный Деомид Дгебуадзе. Он там хорошо работает...

В Тифлисе хорошее настроение. Евгений верит в успех. «Я никогда не был так спокоен», - сказал он мне. И его спокойствие передаётся другим. Радостно было видеть успокоившегося, переболевшего в страданиях и горе, большого Ноя. Его присутствие ободряет всех...

Азербайджан и Баку энергично готовятся к борьбе. Скорее бы она началась...

На нашем знойном и красном юге реакция севера должна найти свою могилу!..

10-го июня 1919 г. Гагры.

Пасмурный вечер. Новаго ничего. Укрепляем фронт и готовимся к борьбе... Аглийский генерал Бич вновь передал нашему правительству, что Деникин готов начать с нами переговоры. Но нам не о чем говорить с ним. Наши разговоры коротки: «Весь вопрос в том, кто кого раньше повесит»!..

Уже пятый месяц стоим мы на фронте и нет конца этому стоянию...

Только что был у меня партизан-зеленоармеец Дзидзигури. Он хорошо работает.

18-е июня 1919 г. На реке Окум: 3 часа дня.

Как и следовало ожидать, наш автомобиль опять застрял в реке, и мы ждём всё тех же буйволов. А погонщики буйволов тихо посмеиваются, видя нашу беспомощность и жалкий автомобиль в воде...

Еду в Тифлис. На фронте полная тишина и мне хочется воспользоваться этим и поработать в Тифлисе. В Тифлисе очень много новаго и интереснаго... Что ни час, то новости!

Скоро предполагается съезд закавказских Советов Депутатов... Мёртвые пробуждаются и воскресают! Это хорошо... Очень хорошо! Быть может, удастся выровнять фронт революции...

Иногда так искренне веришь и так детски наивно радуешься этому!.. Даже впадаешь в сентиментализм и романтизм! Но именно в самый разгар романтизма, сами большевики вдруг безжалостно бабахнут по самому черепу, и от романтизма остаются лишь жалкие отрепья! И остаётся боль... Так часто бывает со мной. И в Тифлисе – на заседаниях Совета, и в Сухуме на большом Народном Собрании взывал к единству сил революции. И как-то мучительно верилось, что этот призыв найдет ответный отклик. Но именно за этот призыв Бакинский большевистский «Набат» назвал меня бандитом и палачём... Но не эти названия меня огорчают. Пусть себе тешатся и бранятся! Но пусть не делают чёрного дела помощи реакции, пусть не убивают революцию! Ведь должен же знать «Набат» - что, разстраивая фронт революции, он только служит Деникину?!.. Но кто знает?! – Быть может «Набат» сознательно служит Деникину?!

20-е июня 1919 г. Тифлис. Ночь.

Вчера приехал в Тифлис и уже втягиваюсь в работу. К сожалению, с первых же шагов убедился, что из Закавказского Рабочего Съезда ничего не вытанцуются! Большевики хотят не единого фронта в борьбе с Деникиным, а лишь разрыва этого фронта. Местные большевики думают не о разгроме Деникина, а лишь о свержении нашего Правительства и нашего государственного строя. И я глубоко убеждён, что среди наших большевиков очень много агентов Деникина... А ведь так горячо верил в этот съезд и так много надежд я возлагал на него! И все надежды рушатся, умирает вера. Тяжело...

Сегодня дикий индус убил славного Мекиса Бурчуладзе и у нас нет возможности отомстить. С этим преступлением нам приходится мириться... Ведь мы слабы!..

Завтра казнят убийцу моего Датико. Эта казнь меня совершенно не удовлетворяет. Быть может, она даже не нужна. Ведь она не воскресит погибшего друга...

28-е июня 1919 г. Тифлис.

Знойное лето в разгаре. На фронте полная тишина. Но вчера мы получили от Сосо тревожную телеграмму о будто бы готовящемся наступлении добровольцев. Одновременно с суши и с моря! Хочу верить, что телеграмма оправдается. Страшно надоело топтание на месте.

Скоро на смену англичанам приходят итальянцы. Это меня несколько радует, так как хочется верить, что итальянцы не станут продолжать у нас странно-преступной политики англичан. Я никогда не мог вообразить, что английская политика так хитра, так коварна. Старый принцип: «Разделяй и властвуй» - проводится у них в самой грубой беспощадной форме. А нашу маленькую, бедную, заброшенную Республику англичане всячески стесняют и прижимают! Я часто, очень часто удивляюсь нашей устойчивости, нашему прочному стоянию на собственных ногах. Вокруг нас до сих пор я видел только врагов. Нам не дают хлеба, к нам не пропускают товаров, не удерживают от нападения на нас Деникина, позволяют в Батуме организовываться добровольцам, на нас натравливают всех – но мы стоим себе и будто даже постепенно крепнем! Из каждого испытания, из каждого похода мы выходим ещё более окрепшими и с большою верою в конечный успех!.. Но нам всё же тяжело. Очень тяжело! И никто нам не хочет помочь. Вот и сейчас – я выглядываю в окно и вижу длинную вереницу русских людей, получающих в русской церкви дешёвый американский белый хлеб по запискам Русского Национального Совета. В других местах тот же хлеб выдаётся по запискам Армянского Национального Совета, а нам дают лишь камень. Да, только камень! И как трудно, как безумно тяжело питаться камнем! Но мы убиваем в себе и голод и злобу, мы спокойно взираем, как около нас, голодных – другие едят белый хлеб и молча миримся с этим. В другом месте, в другой стране народ давно устроил бы погромы, но мы не погромщики. Мы знаем, что нужно выдержать это трудное время, и мы его выдержим. Будет голодать, будем есть землю, но всё же выдержим...

Но тяжело...

А тут опять новое несчастье. Пробуждение и шевеление большевиков! Большевики воспользовались тем, что мы всё своё внимание обратили в сторону Деникина, и за нашей спиной они стараются организовать возстание. А ведь я и все мы, фронтовики, были такими ярыми и восторженными сторонниками соглашения и сближения с большевиками! Но в Тифлисе я окончательно убедился, что это счастье сближения не для нас! Большевики ничего не хотят видеть дальше своей убогой колокольни. Они обливают нас грязью, называют белой гвардией и палачами, ищут нашей руки, но не для братского рукопожатия, а чтобы её вовсе оторвать! Но мы этого не позволим! А кто их вожди?! Мальчишка Гогоберидзе, бездарный Стурца и ненормальный Микоян! И какое несчастье, что вождем Бакинского пролетариата становится ничтожный Гогоберидзе...

На днях мы ездили в Болачауры, в бывшее имение нашего Георгия Химшиева. Великолепное, огромное имение, и оно давно отобрано у владельца. Сам Георгий был с нами. Я наблюдал за ним, но не замечал, чтобы он испытывал озлобление против революции зато – что она лишила его этого великолепного имения... Но в нём была грусть. И как величественна та демократия, которая сумела провести величайшую социальную реформу не только без гражданской войны, но даже без крайнего озлобления среди помещиков. Сила нашей демократии была так велика, что о борьбе с ней никто не мог подумать! И многие из помещиков не только примирились с потерей земель, но даже пошли на службу к демократии...

В Болачаурах было хорошо. Был чудесный день, была красота. Душа отдыхала и тихо нежилась. Светлая радость наполняла меня и вспомнился прошлый год – вспомнился наш Душетский поход. Какая разница! Только здесь гремели пушки и трещали пулемёты. Теперь здесь совершенно спокойно и я благословлял судьбу. Если бы тогда не победили, теперь здесь гуляли бы анархия и реакция!..

7-е июля 1919 г. Тифлис. Полдень.

Только что вернулся из Казбека. Выехали туда вчера утром Ной Хомерики, Георгий Цинцадзе, Ной Цинцадзе, Коция Сабахтарашвили, Рубэн Ауштров, ген. Фелицин, Васо Гогишвили и я. Повидали те места, которые в прошлом году мы проходили с боем, видел роковую скалу «Пронеси Господи», где был уничтожен отряд Саши Гегечкори и о многом, слишком многом задумался я... В прошлом году здесь мы сражались с большевиками и гнали их через Дарьяльское ущелье. Теперь, вслед за большевиками сюда пришли добровольцы, и у Чёртова моста воздвигнуты их позиции!.. Повидимому, у добровольцев здесь мало сил. Их солдаты очень скверно выглядят. Не блещут, к сожалению, и наши солдаты. Наше Военное Министерство всё ещё плохо работает. И опять приходится напрягаться Народной Гвардии. И радуется душа, когда видишь организующую Народную Гвардию в замиренном и воинственном Душетском уезде! Мы приступили к организации Народной Гвардии и в Казбекском районе. Это будет воинственная Гвардия. В Казбеке видел старых знакомых мохевцев. Мы вместе били и гнали большевиков! Они обрадовались моему приезду. Рад был и я...

«И не пронёс их Господь»! Сверлит и сверлит в голове...

9-е июля 1919 г. Тифлис. Ночь.

Наше международное положение всё ещё остаётся неопределённым. Вчера делал доклад в Правительстве Давид Гамбашидзе, который недавно приехал из Англии. Много нового и интересного рассказал он. Ведь это первый вестник из Европы, это первый докладчик об отношении Европы к нам! В общем его доклад был интересен. Он одновременно давал надежды и дарил разочарования! Для Грузии он давал надежду, для взрыва же мировой революции он не находил основания в Европе. Сам Гамбашидзе типичный буржуаз-

ный демократ, с резкой английской ориентацией и с большой сметливостью...

А фронт наш всё ещё на Мехадыре! Мёртвый фронт. И там стоят наши народногвардейцы. Я часто мыслями уношусь туда и иногда называю себя дезетиром. Но здесь ведь так много работы. И очень ответственной работы!..

Часто думаю о власти и министрах. К сожалению, министриализм сильно развился у нас и для многих власть стала сладостной и дорогой. Психологии власти, желания властвовать я не могу понять. Но я знаю одно, что Правительство и власть должны стоять возможно ближе к народу. Правительство должно быть доступно для народа и оно дешевле должно стоить народу...

13-е июля 1919 г. Тифлис. 5 час. вечера.

Большой день в моей жизни: я ушёл из Главного Штаба Народной Гвардии! Я ушёл от всего... Большой день и в жизни Народной Гвардии... Я тесно связал свою судьбу с Народной Гвардией и она тоже связана со мной. Но теперь нам приходится разстаться... В этот ответственный момент жизни народа и Республики мне приходится уйти со своего тяжёлого поста... А оставаться нельзя. Ибо та атмосфера тайного недоверия и робкой боязни, которая создаётся вокруг Народной Гвардии и которая охватывает значительный круг даже товарищей – убивает охоту и энергию к работе... Особенно резко и неожиданно эта атмосфера выявилась сегодня, на заседании нашей фракции Учредительного Собрания... Разматривались военные законопроекты. Произносились речи. Ной, большой Ной, произнём великолепную речь о необходимости реорганизации военных сил Республики и о перспективах, дающих преимущества Народной Гвардии... Но дошло дело до практических пунктов. Я от имени Главного Штаба отстаивал независимость Народной Гвардии от Военного Министерства и непосредственную подчинённость Главного Штаба Правительству или главе Правительства... Старый же Сильва внёс следующее предложение: «Правительство управляет военными

силами через Военного Министра». И это предложение было принято большинством голосов. Это означало, что народная гвардия подчиняется Военному Министерству, а следовательно, фактически генералитету и Военной касте! Это было равносильно убийству духа народной гвардии. И этот дух гвардии убивали те самые люди, который и свой дух, и свою государственность, и свой народ спасли лишь благодаря убиваемой ими гвардии!.. Это меня взволновало, огорчило и возмутило. В этом я увидел скрытое недоверие к народной гвардии и я заявил, что после такого недоверия не могу оставаться в Штабе и ухожу из него. И я ушёл... И прежде всего я вспомнил фронт и моего Александра. Я написал ему о своём уходе из Штаба. Затем я передал телефонограмму о своём уходе из Штаба Тифлиским районным Штабам и подал большому Ною записку об уходе с поста... Сердце у меня надрывалось и слёза заполняли глаза... Что-то близкое, дорогое, родное умирало во мне и для меня! Выйдя из дворца, я встретил Евгения. Его я очень люблю и уважаю. Он стал меня успокаивать, но я бежал от него, ибо знал, что рыдаюсь... Я побежал к себе. К счастью, в доме никого не было и здесь я мог свободно выстрадать свою тоску... Теперь мне несколько легче. И я с тяжёлым, но спокойным сердцем вспоминаю наше заседание и роковое голосование фракции. И мне кажется, что мещанство начинает заедать нас. Мещане постепенно начинают овладевать нашей фракцией и даже государством... Мещанин начинает торжествовать! И этого мещанина, этих песен торжествующаго обывателя я меньше всего слышал в гвардии и потому я так любил гвардию и так много надежд возлагал на неё... А главное: в гвардии было мало слов и много дела! Она была живая практика и свою историю она писала кровью своих лучших воинов... И в этом было что-то большое, увлекательное. И наконец – в гвардии было меньше всего авторитаризма, там меньше всего поклонялись личностям, и дух коллективного творчества безпредельно господствовал в ней. И это делало гвардию необыкновенно ценной для меня. И подчинение этого творческого коллектива, этой творящей вооружённой демократии Военному Министерству я считаю

оскорблением самой демократии! Но, повидимому, кое-кто боится гвардии, боятся Главного Штаба, боятся даже меня!.. Но если бы они знали, что именно нам более всего ненавистна власть, что именно мы более всего чуждаемся власти. Лично же я совершенно не представлял себя в роли власть имущаго. Я всегда знал, что приближение к власти отдаляет от народа... И если я с таким увлечением работал в народной гвардии, то лишь потому, что там не было единовластия, лишь потому, что я в Главной Штабе был совершенно рядовым членом! Единовластие всегда мне было противно и за это я люблю себя. Я фанатик коллективной власти, я абсолютный коллективист...

Тоска и грусть...

19-е июля 1919 г. Тифлис.

Сегодня первый день фронта. Чудный, солнечный, но жаркий день. Посмотрим, как много думает и много заботится общество о фронте. Вчера отправили из Тифлиса новый батальон на фронт. Все рослые и здоровые ребята! С любовью осматривал провожал их я на фронт!

Мой «инцидент» с фракцией исчерпан; поправка наша принята... Итак – мы вновь независимы от генералитета, мы вновь свободны в своём демократизме! И тем не менее странно: произошла страшная милитаризация в мышлении многих наших товарищей. А я всегда боялся, что эта милитаризация мысли прежде всего коснётся нас – деятелей народной гвардии! Но вышло наоборот...

Из Ингушетии невесёлые вести. Плоскостная Ингушетия разбита добровольцами. Горная всё ещё сопротивляется, но без надежд! Мы оказываем всяческое содействие возставшим горцам, но делаем это тайно. К сожалению, у ингушей нет руководителей, их действия несогласованы и потому их легко бьют. На конференции народной гвардии один ингуш печально сказал: «Братья грузины, не пожелаем вам такого офицерства, какое у нас»!..

3-го августа 1919 г. Тифлис. Утро.

Назревают крупные события. Итальянцы уже не едут в Закавказье, а англичане хотят 15-го уехать отсюда! Это совершенно оголяет нас и создаёт для нас величайшая опасности. Опасности, главным образом, с юга! Поэтому 1-го августа было заседание Правительства и решено убедить англичан не покидать Закавказье. Ответа ещё нет.

Вчера Евгений, Коция и я имели свидание с генералом Баратовым – неофициальным послом от Деникина. Я первый раз встретился с этим популярным генералом. Он слишком красноречив, слишком многоречив и слишком сладко поёт. Производит впечатление искренности, но иногда сквозит большая хитрость. Слишком часто бьёт себя в грудь и это заставляет настораживаться! Он заявил: «Деникин признаёт вашу неприкосновенность, ваш нейтралитет, вашу самостоятельность и не просит у вас никаких сил... Он хочет одного: освободите его от вечной угрозы вашего наступления, не мешайте ему наступать на Москву». Отвечали ему Евгений и я. Евгений отвечал очень дельно, с большим достоинством. Мы сказали: «Оставьте нас в покое и знайте, что мы предпочтём совершенно погибнуть, чем покориться вам!!!»

14-го августа 1919 г. Тифлис. Утро.

Положение наше всё более осложняется. Пока генерал Баратов сладко поёт – мёртвая петля вокруг нас всё более сжимается!.. Англичане, кажется, окончательно уходят из Закавказья, а Каспийскую флотилию они передали Добармии... Это очень встревожило и испугало Азербайджан. К нам приезжал министр Мелик Асланов, который просил у нас орудий для защиты Баку. Я спросил его: «Есть ли у вашего правительства твёрдая решимость бороться с Деникиным». – «Да, ответил он. Во всяком случае без больших боёв мы не сдадимся». Этот ответ мне как-то не понравился. Не было в его тоне твёрдой и суровой решимости!.. Да, петля сжимается вокруг нас. Но я совершенно спокоен, ибо «рабочие могут потерять только цепи, а приобретут весь мир»!.. Так и у нас. У нас нет никаких путей отступления! И

все свои силы мы должны бросить на чашу весов!.. Мы поставим весь Кавказ на ноги, мы всюду зажжём огонь возстания, мы возьмём инициативу в свои руки! И мы победим. Более чем когда-либо я верю в успех...

18-е августа 1919 г. Абастуман.

Светлое утро. 16-го, ночью, Ной Хомерики, Георгий Цинцадзе, Эшмаки, Наполеон Кахиани и я выехали в Ахалцихский и Ахалкалакский уезды. Вчера были в Боржоме и на Годерзском перевале. Вечером приехали в разрушенный, опустошённый Абастуман. В Абастумане отдыхает и большой Ной. Он великолепно выглядит и хорошо поправляется. Вчера весь день я восторгался природой. Сказочный вид открывается с Годерзского перевала!.. Сегодня я совершенно счастлив...

В Ахалцихском уезде всё запахано и хороший урожай. И как странно! Несколько месяцев тому назад, в самый разгар Ахалцихских операций, я был в этом уезде и приходил в уныние и даже в ужас! Деревни были обезлюдены, часто опустошены и даже выжжены. Теперь в деревнях много народу и ещё больше скота. И урожай всюду собран. Всё время я задумывался над тем, как удивительно живуча и необыкновенно настойчива натура крестьянина! При самых ужасных условиях он не забывает земли и своего дома. Мне очень часто приходится видеть крестьян, обрабатывающих свою землю в момент сражения – под свистом пуль...

Дорога от Бенара до границы Аджарии сказочно хороша. На перевале мы встретили аджарскую заставу и пастухов. «Каковы ваши настроения и кого вы хотите?» – спросили мы их. «Наши настроения всё те же, – отвечал старик, – если пожалуют наши господа турки, мы с ними, но если турки не придут, мы с нашими кровными братьями – грузинами. Деникина мы не хотим». И все соглашались с ним...

19-е августа 1919 г. Ахалкалаки. 3 часа дня.

Разрушенный город, разорённый уезд!.. Поля не засеяны, жители голодают. А когда-то этот уезд считался житницей. Теперь здесь сплошной ужас...

19-е августа 1919 г. Бакуриани. Ночь.

Рано приехали в Бакуриани. На перевале нас застал густой туман. Решили переночевать в Бакурианах. Ахалкалакский уезд нагнал на меня свинцовую грусть. Народ изголодался, настрадался. Он обнищал. Это плоды деятельности турок...

20-е августа 1919 г. Боржом. 3 часа дня.

Утром приехали в Боржом. Осмотрели лесопилку и дворцы. Восторгался лесным музеем. Как-то тихо и радостно было в музее, и я молча благодарил творца музея – Пахаря. Сейчас Пахарь играет на рояли. Игра не важная, но иногда простая игра производит больше впечатления! Если она совпадает с настроением и гармонирует с обстановкой. В эти моменты весь уходишь в себя и невольно анализируешь себя и окружающих. Часто критикуешь. И порываешься куда-то вперёд, в высь, к солнцу... Иногда задумываешься! – Стоило ли совершать революцию!? Нужны ли были эти жертвы, море крови и горы трупов?! Ведь до правды, до торжества справедливости так бесконечно далеко?!.. Вспоминается разорённый уезд и толпы нищих крестьян, идущих в чужие края за подаванием. Вспомнилась молодая, черноглазая грузинка из разорённого Гогашени, которая вместе с односельчанами шла в Имеретию нищенствовать. И страшная боль сжимает сердце...

А здесь, в этом дворце так богато, светло и уютно... И играет рояль... И в эти моменты настраиваешься против себя. И против всех! Нам всем нужно опроститься... Нужно неустанно работать, нужна каждодневная, будничная жертва!

И в этом – наивысший героизм...

6-е сентября 1919 г. Тифлис. День.

Ужас! Боль и страдание!.. Даже окаменевшее сердце рыдает... Застрелился Симон! Мой милый, неустрашимый, маленький Симон Хухунайшвили... Пустил себе пулю в грудь из того револьвера, с которым он был неразлучен во многих победных боях. Был всегда впереди других!..

Погиб лучший народногвардеец и незаменимый офицер. Но он сам погубил себя... Страшная, жуткая и жестокая трагедия! Несколько недель тому назад нам сообщили с Гагринского фронта, что у Симона открылись некоторые злоупотребления. Боль ущемила мне сердце. Роковое предчувствие угнетало меня... Я ответил: «Внимательно разследуйте дело, избегайте ошибок, ведь Симон так дорог нам». Мне сказали, что к делу все относятся чрезвычайно серьёзно. Началось следствие и выяснилось, что Симон написал два незначительных подложных счёта и открылось ещё несколько маленьких преступлений или проступков. Был вызван Симон. Он оправдывался и доказывал свою правоту... Я радовался, я надеялся, я верил, что Симон оправдается. Так хотелось видеть его снова в нашей среде, снова впереди наступающих цепей – с резким и властным голосом...

Несколько дней тому назад из Гагр нам прислали два письма Симона. Эти письма убили его репутацию, убили нашу веру. Одно письмо было к Илико, другое – к Нико Саматадзе. Симон сообщал им о своём деле и просил их помочь ему выкарабкаться из грязи. Он просил их как-нибудь выкрасть и уничтожить подложные счета и давал наставления, как показывать при допросе. И эти письма попали в Полевой Штаб! Полевой Штаб переслал письма к нам и просил арестовать Симона. Главный Штаб решил вновь вызвать Симона из деревни и арестовать его. Арестовать Симона Хухунайшвили, нашего маленького и яркого героя!.. Это было трудно решить и невозможно выполнить...

Сегодня приехал Симон. Он был на заседании Штаба. Я сказал ему: «К несчастью, ты не оправдал наших надежд и нашего доверия. Вот эти письма – они избличают тебя в лживости. Ведь письма твои?!». Симон был как убитый. «Да,

письма мои», - сказал он. «Штаб постановил арестовать тебя», - говорю я.

Его всего перекосило. Страшная печаль и страдание отразились на его помертвевшем лице и он чуть слышно сказал: «Не арестовывайте меня».

Это меня возмутило.

«И ты просишь нас об этом?! – спрашиваю я. – Ты, который сам должен потребовать собственного ареста и самого строгого суда над собой?» Он молчал и все члены Штаба молчали. Водворилась жуткая, тяжёлая, смертельная тишина. У Симона правая рука всё время была в кармане. Я понял, что у него в кармане револьвер. И это поняли все. Я вышел в соседнюю комнату – вызвал караульного начальника, чтобы арестовать Симона. Со мной вышел Рубэн и говорит: «У него в кармане револьвер, он может на многое решиться».

Было решено, что Рубэн сядет около Симона и при малейшей попытке к самоубийству обезоружит его... Симон взял бумагу и написал: «Дорогие родители»... Васо Гогишвили и Коля Орагвелидзе схватили его и обезоружили.

Бедный Симон! У него был ужасный вид. Он просил, умолял нас не обезоруживать его, ибо в смерти его последняя надежда...

«Ты давно мог осуществить эту надежду, - говорю я. – Теперь уже поздно». Лицо Симона выражало безумное страдание и страшную боль. На него невозможно было смотреть..

«Дайте мне возможность покончить с собой. Застрелите вы сами меня, но не дарите мне нового позора, не арестовывайте меня»... Он просил, умолял. Мы не знали, что делать... Все молчали, все были подавлены... Тогда я предложил товарищам выйти в Дворцовый сад и поговорить. «Если вы послушаетесь меня, - сказал я им в саду, - то поступим так: я передам ему револьвер и скажу – ты всегда был героем и героем должен умереть. Иди и решай свою судьбу». Все молчали. Потом вновь заговорили. И все были того мнения, что смерть спасение Симона... Но как ему позволить убить себя?!.. И убьёт ли он себя?! Вставали вопросы

и без ответа глохли... Потом мы все молча решились... Вошли в маленькую, тёмную комнату Мухаринского... И мы вновь вышли к Симону. Я попросил товарищей удалиться. И остался один с Симоном. С глазу на глаз.

«Что ты мне скажешь?», - спросил я его.

«Дай мне пулю, только одну пулю!», - с мучительной тоской ответил он.

«Да – и я нахожу, что ты должен умереть, - говорю я ему. – Ты всегда был героем. Ты был слишком дорог нам, а мне был дороже родного брата. И ты должен остаться героем до конца. Мы тебя отправим в комнату Мухаринского. В той комнате ты можешь решить свою судьбу»...

Симон просиял, восторженно. Как будто он избежал величайшей опасности и большого несчастья.

«Дайте мне карандаш», - попросил он.

«Там есть и карандаш»...

Я пожал его руку. Честную руку! И долгий, мучительный поцелуй разлучил нас. Навсегда... «Проводи меня до комнаты», - попросил он. Это была его последняя просьба...

И он лежал навзничь с простреленной грудью, а на столе лежали два письма. Его последние письма.

И не выдержало сердце... И я, который давно разучился плакать, который не плакал даже над трупом дорогого Сандро, разрыдался как ребёнок... И какое счастье – слёзы! И как несчастны те, которые разучились плакать, у кого высохли слёзы. Вот и теперь – надрывается, стонет душа, а слёз нет! И нет утешения...

Теперь я несколько успокоился и говорю твёрдо: «Самобийство было лучшим концом для Симона, его последним украшением и полным примирением с ним. Вечная память ему. А мы, оставшиеся в живых, несчастнее его! Много тяжести, много страдания, много преступлений берём мы на себя и не хватает сил... И в нашей святой жестокости, в нашей милосердной преступности – наше спасение»...

«Любя убить – вот красота любви». Эту жестокую, преступную красоту я понял теперь...

А жизнь и революция просят жертв... Тяжёлых жертв... И кровавой красоты!..

Ужас!..

9-е сентября 1919 г. Тифлис. Утро.

Вчера отправили труп дорогого Симона в Акети... Его провожали все районы тифлисской гвардии... Бедный, несчастный и счастливый Симон! Я написал его биографию – некролог. Всю правду написал. И я был один в своей маленькой комнате и плакал один... Никто не видел моих слёз и так облегчали оне!.. Это были мои последние слёзы. Больше уже не буду плакать... Наверное никогда...

Я часто думаю: имел ли я право на эту жестокость и допускаю ли мораль: «Любя убить»?! И чем спокойнее, чем серьёзнее задумываюсь над этим, тем решительнее отвечаю: «Да!». Прежде всего надо быть жестоким к самому себе и к друзьям и этой святой жестокостью спасается революция. В этой жестокости – великое милосердие и высокая мораль...

14-е сентября 1919 г. Тифлис. Утро.

Сегодня открывается первый съезд народной гвардии Республики Грузии. Многого жду от съезда.

Вчера было покушение на генерала Баратова и ехавшего случайно с ним генерала Одешелидзе. Большевик Элбакидзе бросил две бомбы. Серьёзно ранен Баратов, легко Одешелидзе, но убит шоффер и смертельно ранен его помощник... Это покушение является чистой провокацией и этим актом наши враги хотят нас преждевременно втянуть в войну с Деникиным. Смертью Баратова хотят натравить на нас генерала Деникина! Ведь убить генерала Баратова было так легко. Он ходил без всякой охраны и предосторожности, но его смерть нам не нужна была.

Во всяком случае в этом покушении не было героизма и незачем было убивать несчастных шофферов.

23-го сентября 1919 г. Тифлис. Утро.

Сегодня открытие продажи абонементов на оперный сезон. Это хорошо. Скоро начнётся театральный сезон и можно будет порою отдыхать...

На-днях закончился первый съезд народной гвардии. Съезд сошёл хорошо. Были подведены итоги и были намечены грядущие пути. Только под конец – во время выборов нового Штаба, создалась тяжёлая, сгущённая и неприятная атмосфера. Но потом туман рассеялся, и мы продолжаем дружную работу.

28-е сентября 1919 г. Тифлис.

Недавно в узком кругу товарищей, по инициативе большого Ноя, началось обсуждение основных вопросов нашей внешней и внутренней политики. Положение чрезвычайно серьёзное. Парижская конференция окончательно обанкротилась и ей уже никто не верит. Её даже Румыния не боится!.. В России сплошной ужас! Лишь недавно приехавшие оттуда Гриша Лордкипанидзе и Виктор Тевзя в один голос утверждают, что разлагается и разваливается великая Россия! Становится жутко и больно. Страшно становится! Города России постепенно приходят к смерти. Промышленность умирает, пролетариат распыляется и центр тяжести переносится из города в деревню, от революции к реакции!.. Такова ужасная боль о России.

Всё это чрезвычайно осложняет наше положение и нам угрожает двойной удар: с севера и юга, со стороны Доброй армии и со стороны Турции! И я всё чаще начинаю думать: «Жизнь – капля росы на листе лотоса»...

Особенно тяжело наше экономическое и финансовое положение. В этих областях нам следует проявить огромную энергию, большую инициативу и много новшества. Я думаю, что аппараты и здоровый дух народной гвардии и здесь могут прийти на помощь государству... Иногда я становлюсь утопистом!

А самое главное, чтобы у нас не было активного фронта, чтобы мы вновь не втянулись в войну! Это позволит нам пе-

редохнуть, перестроиться и соорганизоваться. Это позволит нам развить творческий дух.

Почти всю гвардию мы снимаем с Гагринского фронта. Туда идут регулярные войска, но я как-то мало в них верю. Теперь очень трудно создавать регулярную армию, особенно в условиях революции. Вообще форма организации регулярной армии уже не соответствует духу народа и настроению солдат. Поэтому нужно развивать, укреплять и совершенствовать народную гвардию...

26-го мы отправили из Тифлиса новый баталион рабочих на Гагринский фронт. Баталион спешно и стройно мобилизовался. Я с любовью провожал их на вокзал. И думал я: как странно, что наших народногвардейцев никогда не провожают женщины. Ни матеря, ни жёны, ни дети! Мы часто выступали в поход, мы знали, что очень многие не вернутся назад, но я никогда не видел ни провожающих женщин, ни их слёз... Я и теперь не понимаю: остаются ли эти женщины со своими слезами в своих бедных домах, или же оне молча говорят своим народногвардейцам: «Со щитом, или на щите!»...

2-е октября 1919 г. Тифлис. Утро.

Большой Ной что-то стал часто хворать. Это сильно влияет на нашу работу. Иногда я с ужасом думаю: что станет с нашей работой, если не будет Ноя?!.. Сразу начнётся повсюдный развал и наша партия разобьётся на много рукавов! В этом я часто убеждаюсь... Ведь так много всюду интриг и так часто общее подчиняется личному. Я всё могу понять и простить, но интриги не могу ни понять, ни простить. Если до сих пор Главный Штаб работал сравнительно прилично, то это лишь потому, что мы не знали никаких интриг. Правда, мы часто ссорились и ругались, но от этих ссор не страдало дело. Общего, главного мы не забывали никогда...

Сегодня назначено особое совещание ответственных работников по вопросам экономическим. Экономика наша сейчас страшно расхлябана и она нас может погубить... Главный Штаб думает приступить к организации собственного

хозяйства, собственных крупных запасов. Мы должны попытаться свои силы! Ведь мы называемся социалистами!.. А главное, государство должно стать на путь самой широкой социализации, на путь коллективизма... Время частной инициативы уже умерло...

7-е октября 1919 г. Тифлис.

Мой маленький Арчил болен. Сильно болен! Он заболел вдруг, без причины. Провёл мучительную и тяжёлую ночь. Теперь ему несколько лучше. Бедный мальчик! Он героически выдерживает болезнь.

И выдержит!..

8-е октября 1919 г. Тифлис. Утро.

Арчилу плохо. Очень плохо... Гибнет чудный, несравненный ребёнок... И безутешное горе овладевает этим домом... Опять взываю к чуду, хочу чуда, но чуда нет. И чуда не будет. Есть ужасная, страшная быль! А ведь Арчил был мой, но моя любовь приносит только несчастье, приносит только смерть.

Невыразимый ужас! Страшно...

8-е октября 1919 г. Тифлис.

Ужасный день. Арчил скончался... Погиб мой милый мальчик... И к безконечным могилам моих друзей прибавилась маленькая, свежая могила моего Арчила. Новая, быть может, самая дорогая...

Я с ужасом думаю о себе. Почему я так несчастен, почему любовь моя убивает моих друзей? Почему я приношу столько несчастий?..

Я озираю своё прошлое и с ужасом вижу, что почти все те, кого я сильно любил, или погибли, или же стали очень несчастными. В детстве я любил Максима, Якоба и оба они умерли. Потом гибли все мои друзья или же становились несчастными. И последним погиб мой маленький, мой верный

Арчил. Я его бесконечно любил! И он любил меня безумно. И с наибольшим восторгом, с светлой любовью и тихой лаской всегда встречал меня, возвращающегося из похода – мой маленький друг... Он застывал от радости. Странная судороги волновали его и, бросившись ко мне на шею, он нежно, нежно ласкался. И эта детская ласка, эта неподдельная любовь милого ребёнка были для меня величайшей наградой...

Я всегда с гордостью думал об этой любви и об этом ребёнке... И его теперь нет. И нет во мне ни гордости, ни восторга...

Но как несчастны родители Арчила...

9-е октября 1919 г. Тифлис. Утро.

Мне всё хочется думать о моём маленьком и бедном Арчиле. Тяжёлым камнем легла его смерть на моё сердце и страшная слабость владеет мной... Бедная, несчастная Лида! Бедный, безутешный Георгий! Почему судьба так жестоко и безжалостно наказала их?.. Позавчера Георгий сказал: «Не будет человека счастливее меня, если Арчил поправится». И он стал несчастнее всех, ибо Арчил умер... Невыносимо тяжело смотреть на Лиду и Георгия. Они как покойники. Надо спасать их.

Мне всё время хочется бежать от этого ужасного горя, от окружающих слёз, от всего, что надрывает сердце... Но я сразу ловлю себя на эгоизме, на желании облегчить себе горе и я остаюсь здесь. Но как должны страдать Лида и Георгий?!.. Лида, которая так бесконечно добра ко всем и которая так безумно любила маленького Арчила...

10-е октября 1919 г. Тифлис. Утро.

Сегодня печальный день похорон маленького друга. Принесли маленький, белый гробик и сейчас его укладывают в него. Вечное жилище и вечный покой... И тяжело, невыразимо тяжело. Вчера и сегодня перечитываю мои любимые места из Герцена и в них нахожу успокоение... Чужая грусть всегда облегчает тоску. Но нет у меня слов, а

писать так хочется... Письма, как и слёзы, облегчают. Но теперь у меня больше слёз, чем слов. А ведь я думал, что после смерти несчастного Симона, я никогда не буду плакать. Но кто мог подумать, что умрёт мой маленький друг.

Вокруг меня встают печальные тени моих друзей. Один я уцелел среди них, но не уцелело моё сердце. Я с мучительной тоской и радостью цитирую Герцена:

«Так-то, Старев, рука в руку входили мы с тобою в жизнь. Шли мы безбоязненно и гордо; не скупясь отвечали всякому призыву, искренне отдавались всякому увлечению. Путь, нами избранный, был не лёгок. Мы его не покидали ни разу – раненные, сломленные – мы шли и нас никто не обгонял. Я дошёл... Не до цели, а до того места, где дорога идёт под гору и невольно ищу твоей руки, чтобы вместе выйти, чтобы пожать её и сказать, грустно улыбаясь: «Вот и всё»...»

ЛИКВИДАЦИЯ ВНУТРЕННЕГО ВОИНСТВУЮЩАГО БОЛЬШЕВИЗМА

23-го октября 1919 г. Тифлис. Ночь.

Сегодня, ночью, местные большевики предполагают выступление. Они усиленно работают и по всей Республике думают устроить вооружённые выступления для захвата власти. В Сухуме они уже произвели вооружённое выступление, но неудачно. К ним примкнули дезертиры, но даже владикавказские большевики отказались от них... Очевидно, местные большевики или сошли с ума, или же они сознательно служат Деникину! Ведь совершенно очевидно, что дезорганизация нашего тыла, удар нам в спину только окрыляет Деникина! И неужели этого хотят большевики?!

Предатели!

Нами приняты все меры предосторожности и мы легко подавим все выступления большевиков. Но мне всё же не хочется верить в выступление большевиков. Это было бы величайшим безумием и изменой.

Мы приступили к организации собственных запасов в Караязах. Сегодня отправили туда большую партию работни-

ков и лошадей. Коллективная работа налаживается и растёт. Это новая область в нашем строительстве и она открывает новый, широкий захватывающий горизонт. Сочетание меча и плуга, борьбы и труда, воина и рабочего! Это мой идеал. Народная гвардия дисциплинирует людей не только в военном, но и в трудовом отношении. И мне кажется, что со временем дисциплина организованного общественного труда займёт первенствующее место в организации народной гвардии...

Первые плуги народной гвардии заработали в Караязах 20-го октября, и я верю, что этот день станет большим днём подлинного праздника всей народной гвардии.

25-го октября 1919 г. Тифлис. Утро.

Вчера большевики произвели неудачные вооружённые выступления во многих уголках Республики Грузии: в Поты, Самтреди, Душете, Телави, а в Лагодехах даже захватили власть! Несчастные! Они теряют Харьков, Киев, Курск, Царицын и завоёвывают Лагодехи! Они теряют всю Россию, но стараются завоевать Туркестан и Грузию! И разве это большевики? Разве какой-нибудь честный большевик решится организовать возстание в стране, которая со всех сторон окружена бандами реакции? На это безумие и преступление можно решиться лишь при условии, что переворот укрепит способность страны к обороне. Но большевики великолепно знают, что переворот всё дезорганизует у нас и целиком отдаст в зияющую пасть реакции. Неужели этого хотят большевики?! Неужели они хотят политической гибели нашего народа и его физического истребления? Нет, это преступные, безумные и безчестные большевики! А где честные! Я ищу их и уже не нахожу. Разве только доктор Кикалейшвили? И, говорят, ещё Авель Энукидзе в Москве! И потому с этими безчестными, преступными людьми, с этими инквизиторами и иезуитами нашего времени, с этими палачами великой Российской революции и всей России нужна беспощадная борьба.

Прочь сентиментализм и все воспоминания!..

9-е ноября 1919 г. Тифлис. Раннее утро.

Сейчас вместе с Андрo Чиaберoвым выезжаю в Сагареджo. На большой народный митинг. Я никогда не бывал на митингах в Кахетии и несмотря на всю тревожность времени, стремлюсь туда. В Кахетии меня знают и любят. А время очень тревожное! В Грузии деникинцы, большевики и разбойники объединились для скорейшего уничтожения нашей Республики, нашей демократии, нашей страны! Они опрокидывают поезда, устраивают возстания в глухих, заброшенных уголках и готовятся к общему выступлению. Все они хотят гибели нашего народа, его уничтожения. Но это им не удастся! Мы умеем бороться, умеем умирать и потому умеем побеждать. Демократия вновь победит анархию и реакцию...

Вчера был беспокойный день. Отовсюду поступали печальные вести. Наш старый Сильва был очень встревожен: ведь он недавно стал работать в нашем Штабе и ему незнакома вся нервность этой работы! А мы уже третий год живём нервами, в вечной тревоге и в тяжёлой, непрерывной борьбе! И окрепли нервы, окрепла душа. И когда вчера пришла весть об убийстве душетскими разбойниками кавалерийского офицера Церетели и об учреждении советской власти в деревне Метехи, как-то странно-радостно затрепетала душа. Я подумал: большевики, деникинцы и разбойники хотят борьбы, они хотят нашей гибели. Хорошо! Мы принимаем их вызов, мы начинаем борьбу. И мы разобьём, уничтожим наших врагов.

И не будет пощады врагам революции и свободы!

Я колеблюсь только в первый момент, перед началом борьбы, когда решается вопрос о борьбе. Я всегда избегаю этой борьбы, я ненавижу, презираю эту борьбу! Но когда жребий брошен, когда борьба уже началась – я превращаюсь в решимость и энергию.

И я всегда верю в успех...

10-е ноября 1919 г. Тифлис. Утро.

Вчера был на большом митинге в Сагареджо. Было много народу, и митинг сошёл хорошо. Митинг был на братской могиле трёх народногвардейцев.

Район Сагареджо очень богат и меня поражали каменные постройки в деревнях. У нас в Имеретии нельзя встретить такого богатства. И тем не менее культура у нас выше...

В Тифлисе много нового. Хулиганствующие большевики устроили целый ряд выступлений в Гурии. Выступление было в Ланчхутах, Супсе и в Чохатаурах. Они выступили ночью и захватили общественные учреждения. Но наша гвардия быстро разогнала повстанцев и многих арестовала. В Ланчхутах захвачено около ста повстанцев с оружием и бомбами, в Супсах около сорока. Чохатаури ещё вчера был в руках повстанцев, но из всех концов Гурии и Самтреди двинута туда Гвардия и она проучит бандитов. А проучить их следует, ибо они уже пролили нашу кровь! В Ланчхутах они убили одного народногвардейца, в Супсе ранили трёх, а в Чохатаурах смертельно ранили члена районного Штаба. Это уже не игра. Это серьёзный вызов. Мы принимаем вызов! Мы принимаем вызов и говорим: «Кровь за кровь»!..

10-е ноября 1919 г. Тифлис. 4 ч. пополудни.

Сегодня ночью большевики готовятся к выступлению в Тифлисе. Хоть бы скорее! Вечное ожидание невыносимо. Я стою за то, чтобы не предупреждать их выступления и, дав им возможность выступить, обрушиться на них всей своей тяжестью и раздавить, уничтожить! Но моя точка зрения не находит большинства. Сегодня мы принимаем все меры предосторожности... Я с волнением жду первого выстрела. Я хочу этого выстрела, ибо этот выстрел многое разъяснит, многое доскажет. И наши выстрелы будут победными... Последними...

11-е ноября 1919 г. Тифлис. День.

Ночью не было никакого выступления. Многие большевики заблаговременно были арестованы. Таким образом, их выступление отодвинулось в неведомую даль. И нам надо быть ко всему готовыми...

В провинции банды всюду ликвидируются.

14-е ноября 1919 г. Тифлис. Ночь.

Эта неделя была для меня агитационной неделей. Я побывал на многих больших собраниях и делал доклады о положении дел в стране и о предательстве большевиков. И нужно с радостью констатировать: анархия большевиков оживила массы, приблизила их к нам и оторвала от большевиков! Этого достигли большевики. Я с радостью уходил с каждого собрания, уходил с верою и твёрдым настроением.

В Гурии банды почти ликвидированы. В Горийском уезде банды энергично ликвидируются.

3-го декабря 1919 г. Тифлис.

Анархо-хулиганские выступления всюду ликвидированы и некоторые виновники казнены. Но уже пора положить конец этим казням... Не нужно больше казней. И я счастлив, что среди казнённых нет ни одного идейного большевика.

Сегодня я слушал «Тоску» и думал о казнённых. Было тяжело и странно. И как всё это прозаично в жизни, как всё это просто. Проще, чем на сцене! Но тяжелее, больше...

Когда задумываешься!..

Но нет иного пути. Из этой преступной крови вырастает свобода и на их могилах воздвигнется счастье народа. Я верю в это и потому приемлю кровь. И я одолеваю чувства...

Вчера ко мне явился Таташ Маршания. Он почти не изменился. Всё такой же гордый и бодрый. Но побеждённый! Он сдался нам. На милость победителям. И мы должны простить его. Надо его простить. Несмотря на все его преступления! Он всё же не пошёл к Деникину, несмотря на успехи его. Он не пошёл по стопам Александра Шервашидзе. И пусть мирно доживает свои дни...

Из Гагр тревожные вести: пропал «Чорох» с баржей и ротой солдат!

4-го декабря 1919 года.

В 11 часов утра «Чорох» выехал из Сухума в Гагры и до сих пор его нет. Думают, что его захватили добровольцы. Пусть будет разрублен гордиев узел и пусть будет война! Эту войну я хочу.

8-е декабря 1919 г. Тифлис. Ночь.

Да, «Чорох» захвачен добровольцами. Вчера, в 11 час. утра, к Поти подходил добровольческий минный заградитель и он имел короткий морской бой с нашим истребителем «Тариели». Сегодня к Сухуму подходили для разведки добровольческие суда. Мы захватили добровольческую моторную шхуну...

Война не объявлена, но война есть! И как будто ее нет. Надо начать настоящую войну! Момент нам благоприятствует. Добровольцев сильно бьют большевики. На Кубани тревожно. Нам надо подать руку помощи Кубани и ударить на добровольцев.

12-е декабря 1919 г. Тифлис.

Хмурое утро.

День Народной Гвардии! Вторая наша годовщина! Готовились к ней с любовью и волнением. И странная вещь: никогда я так не волновался! Эти три ночи я плохо спал, часто просыпался, выглядывал в окно и смотрел на небо. Хочу, чтобы была ясная, ликующая погода. А на дворе пасмурно, серо... Перед битвой я никогда не волнуюсь и великолепно сплю, а перед нашим праздником нервничаю и скверно сплю. И ругаю, браню себя за это...

Но дождя пока нет. Хотя бы не было сегодня дождя!

7-е января 1920 г. Тифлис.

Назрели события. Крупные, мировые! Большевики разбивают и гонят полчища Деникина. Деникин отброшен к югу от Дона энергично ликвидируется... Через 2 – 3 месяца перед нами станет новая опасность – большевистская. И так всегда! Из огня да в полымя!

10-е января 1920 г. Тифлис.

Много, очень много нового и большого. События развиваются быстро, катастрофически. Колчак уничтожен, Деникин разбит. Взяты Мариуполь, Новочеркасск и Таганрог. Большевики приближаются к нам. Они устанавливают контакт с младо-турками. Нас окружают. И с севера и с юга! И мы в смертельной опасности...

Большевики предлагают нам военный союз против Деникина. Но мы не вмешиваемся в грандиозную гражданскую Российскую войну, мы нейтральная демократия. Мы против Деникина и против союза с большевиками! Мы не пустим к себе реакцию. Не пропустим и анархию!

Вчера были печальные похороны несчастного Аршака Зурабова. Когда-то я его очень любил и он был с нами. Даже впереди нас! Но умер в лагере наших врагов. Такова жизнь...

12-е января 1920 г. Тифлис. Вечер.

Большой исторический радостный день... В 11 ч. утра Уордроп явился к Евгению Гегечкори и передал следующее: «По предложению лорда Керзона, Верховный Совет признал фактически самостоятельность Грузии и Азербайджана». С 2-х часов начались грандиозные рабочие манифестации. Ликовала подлинная демократия...

У меня бодрое, светлое и верующее настроение. Наше положение несколько улучшилось. Шаг вперёд! И очень крупный шаг.

15-е января 1920 г. Тифлис. 2 часа ночи.

Вчерашний день был омрачён печальным инцидентом: со дворца было снято красное знамя. Это меня страшно разстроило. Это разстроило и взволновало многих. Завтра заседание фракции. Оно посвящено этому инциденту и мы вновь воздвигнем наше красное знамя.

15-е января 1920 г. Тифлис. Вечер.

Обманули надежды... Социал-демократическая фракция отклонила восстановление красного знамени на дворце. Этим она отклонила красное знамя. Она отвернулась от знамени революции! Я отворачиваюсь от такого решения. И я остаюсь с красным знаменем...

16-е января 1920 г. Тифлис. Вечер.

«И в тёмную ночь нет у меня моей розы, а только остаётся боль»...

Неумолкающая, щемящая боль...

У меня точно умер неизменный, возлюбленный друг! И великая печаль давит меня. Я любил наш дворец. Со всех концов большого города я любовался гордо реющим его красным знаменем. И выше всех знамён подымалось это красное знамя! Наше знамя! И мы любили его. Сильно, горячо! Как революционеры... Мы даже не знали, как горяча была эта любовь.

Это знамя было символом продолжающейся революции. Оно было нашей революционной мечтой, нашей конечной надеждой. Но знамя было сорвано, и мечта безжалостно убита. И не национал-демократами, а социал-демократами... Некоторыми с.-д-ми!..

Позор!

И красное знамя заменили национальным знаменем. Итак, они враждебно противопоставили два знамени! Неужели они хотят этой вражды?! Пусть так! В конце-концов победит

красное знамя, знамя революции и социализма. У меня развязываются руки. И от многих отворачиваюсь я.

«И только остаётся боль».

19-е января 1920 г. Тифлис. Утро.

Вчера был на детской ёлке. Были дети демократии, пролетарские дети! Ёлка была простая, бедная, а подарки скудные. Но радость детей была светлая, святая... Они с любовью и любопытством осматривали меня. Они мило пели и весело, красиво плясали. И тихая, чистая радость покорила меня... Как хороши, как прекрасны дети! Но пройдут года, они все вырастут из детства, каждый из них пойдёт своей дорогой и они погрузятся в житейское море прозы, взаимных интриг и в серые, страшные будни... Но теперь они хороши. И каждого из них я мысленно ласкал. И эти детские песни, смех и танцы, эта неподдельная детская радость меня совершенно успокоили. И я благодарю этих милых детей...

20-е января 1920 г. Тифлис.

Много нового, важного. Всесильный Клемансо провалился на президентских выборах, Верховный Союзный Совет снял блокаду с большевистской России. Советское Правительство отменило смертную казнь и, наконец, советская Россия приступает к организации трудовых армий. Итак, в России начинается новая эра, и мы должны этому радоваться. С оздоровлением советской России оздоровится весь мир...

3-го февраля 1920 г. Тифлис. Утро.

Добровольцы доживают последние дни и они становятся очень уступчивыми! Сегодня из Казбека выезжают Александр и Захарий во Владикавказ для вывоза зерна. В Сочинском округе 27-го января вспыхнуло возмущение крестьян, и теперь, наверно, Сочи в руках повстанцев. Отомщение! Ровно год тому назад добровольцы предательским обходом захватили Сочи и пленили генерала Кониева. Теперь

возставшие крестьяне пленили добровольческие отряды. И это возстание организовали мы!

Меня страшно тянет в Сочи и на Кубань. Надо создать демократический барьер между нами и Совдепией...

Советская Россия уже ликвидировала внутреннюю контрреволюцию, но она получает удары с запада – со стороны реакционной Польши. Внутреннее положение Совдепии ужасное, отчаянное. На последнем съезде Ленин сказал: «У нас голод, холод и сыпняк»! И неужели всем этим они пойдут против нас? Неужели они подымут руку на нас?! Не думаю. Вернее – не хочется думать... Хотя вчерашняя ответная нота Чичерина не даёт этой уверенности. Чичерин грубо, лживо и мелочно полемизирует. Он обвиняет наше Правительство во всех смертных грехах. И в дружбе с немцами, и в заигрывании с Турцией, и в лакействе перед Антантой! Мелкий фигляр! Ведь и турок, и немцев и Антанту большевики подарили нам! А когда мы истекали кровью в неравной борьбе с Турцией, они – большевики, преступно отвернулись от нас и продали за чечевичную похлёбку. И они смеют обвинять нас! Понося нас, они предлагают мир реакционной Польше, которая воюет с ними. Неужели и нам надо начать войну, чтобы г. Чичерин предложил нам мир?! Нет, мы без войны добьёмся мира. А история нас разсудит. Революционная история!

14-е февраля 1920 г. Тифлис.

Вчера было интересное заседание Центрального Комитета нашей партии. Разсматривался вопрос об отставке Тифлисской Городской Управы. И хотя Управа по существу в данном конкретном случае и не была права, но в ходе прений был поставлен интересный вопрос о компетенции Правительства и местных самоуправлений. Теперь этот вопрос не стоит остро, ибо авторитет Ноя усиливает компетенцию Правительства и легко примиряет возникающая противоречия. Теперь чрезвычайные условия, и потому легко миришься с чрезвычайными полномочиями Правительства. Но в

нормальных условиях я безусловно стоял бы за усиление власти и авторитет местных самоуправлений. Теперь стараешься дать больше власти не только Правительству, но и председателю Правительства, ибо веришь в этого председателя и уверен, что он не стремится к диктатуре. Если б не было во главе власти большого Ноя, конечно, пришлось бы многое пересмотреть и в первую очередь отвергнуть чрезвычайные полномочия Правительства и его председателя. Ибо я решительный противник всех исключительных полномочий и единоличной власти! Я неисправимый коллективист! Даже в военном деле! Но теперь во главе Правительства стоит большой Ной и это примиряет. Это иногда даже заставляет уклоняться от некоторых принципов. Но большому кораблю – большое плавание. И потому Ной часто в мелочах ошибается, бывает неправ. Временами он бывает слишком доверчив. Он часто переоценивает или недооценивает житейские факты. И в этих случаях надо быть начеку. «Но что позволено Юпитеру, то не позволено быку»...

Теперь Ной очень увлечён сенатскими ревизиями. А я – грешный – как-то недолюбиваю этот сенат.

НА БАТУМ !

17-е февраля 1920 г. Тифлис. Утро.

Назревают крупные события. Быть может, они уже назрели. Англичане, повидимому, окончательно уходят из Батума, и во весь грозный рост встаёт перед нами вопрос о занятии его. И разве только перед одними нами? Перед Турцией, перед деникинцами и перед большевиками! Много, слишком много женихов у этой прекрасной невесты. Но мы победим всех! Это необходимо, без этого мы не можем существовать. Батум – наши лёгкие, наши глаза, наши руки. Батум – наша прекрасная легенда, наша мечта и надежда! Батум – это мы сами. И никакой силе мы не уступим его. Тем более Турции! Этой варварке, преступнице и авантюристке...

Я никогда не хотел войны. Но из-за Батума я не откажусь от войны. Тем более, что нам надо искупить свой старый Ба-

тумский позор! Скоро два года, как мы потеряли Батум. Скоро несчастное, роковое первое апреля...

18-е февраля 1920 г. Тифлис. Утро.

Вчера мы отдали несколько боевых приказов. Готовимся к занятию Батума. Сегодня выступает в Озургеты первая горная батарея Севастия Васадзе. Это славная, боевая батарея! Туда же выступает пулемётный отряд Шарадзе. И путь, приведший два года тому назад турок из Батума в Озургеты, теперь приведёт нас из Озургет в Батум!..

В добрый час!

19-е февраля 1920 г. Тифлис. Утро.

Вчера я провожал на вокзал нашу славную первую горную батарею и два пулемётных взвода Шарадзе. Это первый эшелон на Батум. Решено перебросить на фронт Натанеби-Озургеты побольше сил и командующим назначить нашего Сосо. Товарищ Сосо наш кандидат и я верю, что он оправдает наши надежды. Сосо, Александр и я скоро выезжаем на фронт. Старая тёплая компания! Неугомонный Хараш рвётся на фронт. Он теперь стоит во главе нашей бухгалтерии и его трудно оторвать от работы. Но он говорит: «Ради Батума приехал я на Кавказ, но я не успел на защиту его. Теперь вы должны меня взять»...

Стоит суровая, холодная, глубокоснежная зима. Всю ночь шёл снег. Вся природа наряжена в белый, венчальный наряд. Это хорошо. И в прошлом году была суровая, холодная война. И мы победили тогда...

Если Англия не будет против нас, я Турции не боюсь. Мы докажем Турции, что умеем брать реванш!

По последним сведениям турецкие силы собираются в Хопах. Ими командует тот самый полковник, который два года тому назад брал Батум.

Теперь его возьмём мы. Это решено.

«Хочу, могу и должен»!

21-е февраля 1920 г. Тифлис. День.

Через несколько часов Сосо, Александр и я выезжаем в Натанеби. Возвращать Батум! Но великая радость возвращения Батума омрачена страшным народным несчастьем: вчера, в 3 часа утра и в 3 часа пополудни произошло в Горийском уезде ужасное землетрясение. Совершенно разрушены Гори и множество деревень. Ужас и горе! Нужно напряжение всех сил страны для спасения несчастного уезда. Настроение могильное, подавленное. Но, тем не менее, мы не должны отвлекаться от своей прямой задачи. И чем больше несчастий, чем больше ужасов, тем больше энергии, воли и веры!

24-е февраля 1920 г. Натанеби. Вечер.

Сейчас происходит в Тифлисе заседание Правительства по Батумскому вопросу. Через несколько часов мы будем иметь решение. Я надеюсь, что нам прикажут занять Батумскую область. Будет очень досадно, если нам придётся долго топтаться здесь.

Уже два года я не бывала в этих краях. С момента падения Батума. Но здесь ничего не изменилось. Всё та же убогость, бедность и грязь. Сегодня мы осматривали наши старья позиции и пограничный Чолок. Завтра или послезавтра эта граница должна быть перейдена.

Из Гори ужасная весть. Город совершенно разрушен и уничтожено несколько десятков деревень. Это несчастье омрачает всякую радость. Пробуждается старое натанебское настроение... Тогда мы были разбиты. Мы позорно сдали Батум и отсиживались в жалких окопах на Чолоке. Всё время лил дождь, но пышно цвёл лададендрон. Наши сёстры убрали санитарный вагон цветами и было чисто, уютно в вагоне... И вдруг мне страшно захотелось быть раненым и лежать под цветами... Проезжая через Гори, мне хотелось быть мёртвым... Это было бы легче, спокойнее.

29-е февраля 1920 г. Натанеби.

Уже неделю сидим в Натанеби и всё время проводит в усиленной разведке. Глубокий снег сильно затрудняет разведку и стесняет передвижения. В этих краях давно не было такого снега.

Сегодня в Батуме городские выборы. Ждём результатов. Но независимо от исхода выборов, мы входим в Батум. Это решено твёрдо, безповоротно! Меня больше всего интересуют намерения англичан. Как они отнесутся к нашему вооружённому вступлению в область? Сделают ли просто кислую физиономию, которая к ним очень идёт, или же преградят нам путь вооружённой рукой? Не думаю, чтобы они решились на последнее, ибо ведь так прост и очевиден Батумский вопрос. Без Батума нам трудно, невозможно существовать. Батум – это наши нервы, наше вырванное, окровавленное сердце! И мы должны его вновь получить. Ценою каких угодно усилий, ценою даже риска... Если мы не войдём теперь в Батум, мы можем его навеки потерять. Потерять в пользу Турции. И этого мы не можем допустить. Англия за это нам война не объявит. Но если даже объявит, этот позор падёт на неё. С отчаяния можно решиться на всё. Даже на гибель!

Италия и Франция явно стоят за наше вступление в Батум. Армения признала наши права на Батум. Азербайджан косноязычитствует...

Третий день здесь чудная, обворожительная погода. Это большая редкость в здешних краях. От солнца крепнет настроение, становится красочнее, бодрее...

«Под солнцем и смерть красна».

Два года тому назад, когда мы сдали Батум и когда почти безнадежно оборонялись на Чолоке, здесь была отвратительная, гнусная погода. И тогда мы были слабы, беспомощны и жалки. И, проезжая по старым местам, вспоминается старое. И какая разница сил, настроений и надежд... Тогда у нас – у народной гвардии – на Чолоке было несколько сот штыков, шесть орудий (из них кое-как работали четыре!) и не более десяти-пятнадцати пулемётов. И это были почти все наши силы! Теперь у нас здесь сосредоточено (не считая регуляр-

ных войск) около трёх тысяч штыков, восемь орудий и более пятидесяти пулемётов. И это лишь частица наших народно-гвардейских сил. В тылу у нас большой и сильный нетронутый резерв. С такими силами мы можем взять реванш! И как неопытны мы были тогда! И только благодаря этой неопытности и нашему генеральскому фетишизму мы потерпели неудачу 10-го апреля при наступлении на Озургеты. Тогда мы сильно верили в военный авторитет генералов. И когда генерал Мазниев поручил полковнику Кониеву наступать на Озургеты со стороны Натанеби, я только спросил: «Сообщено ли об этом наступлении Гедеванову и Сумбатову?». «Конечно сообщено», - ответили мне. Я совершенно успокоился и лишь впоследствии узнал, что Гедеванов и Сумбатов узнали о наступлении на Озургеты лишь после неудачи колонны Кониева! А сама эта колонна всё время шла под фланговым обстрелом! Теперь для меня всё это так ясно, очевидно и недопустимо. Если бы Кониев, Гедеванов и Сумбатов одновременно ринулись на Озургеты – 10-го апреля 1918 г. Озургеты были бы в наших руках...

Если бы!..

1-е марта 1920 г. Натанеби. К вечеру.

Нового ничего. Завтра ждём новостей из Батума и приказа из Тифлиса. Вчера был на большом митинге в Озургетах. На митинге было около 60-ти кобулетцев. Они сказали: «Если идёте в Батум – идите скорее!». Но они не выражали настроений большинства кобулетцев...

6-е марта 1920 г. Натанеби. Утро.

Решено вступить в Батумскую область. Завтра в 6 часов утра переходим в наступление на Кобулеты. Это наступление решит многое. Быть может, Англия энергично запротестует и нам придётся столкнуться с ней. Очень ответственный и рискованный шаг! Неужели Англия объявит нам вой-

ну? Не верится, так как это слишком смешно и слишком не отвечает интересам Англии...

7-е марта 1920 г. Озургеты. Раннее утро.

Отставить!

Ночью получился приказ военного министра приостановить вступление в Батумскую область! А мы были совершенно готовы, и день занимается чудный. Я теряюсь в догадках, не знаю в чём дело... Во всяком случае мы раздосадованы и удручены!..

7-е марта 1920 г. Натанеби. Утро.

Настроение ровное, даже удовлетворённое: мы избегли большой и рискованной авантюры! Вчера, ночью, министр Уордроп передал Н. Н. Жордания, что вступление наших войск в Батумскую область будет расценено как объявление войны Англии и он должен будет уехать из Грузии. А на войну с Англией мы «пока» не готовы! Правда, мы славные ребята, но Антанту всё же не победим!..

Уордроп обещает путём соглашения ввести наши гарнизоны в Батумскую область... Этого достаточно...

7-е марта 1920 г. Натанеби. Полдень.

Победа или поражение?! Ни то, ни другое! Ибо мы остаёмся на старой позиции. Даже несколько выдвинулись вперёд! И хочется вспомнить историю нашего похода на Батум. Недели три тому назад Правительству дали знать, что англичане спешно эвакуируют Батум и что турко-большевики хотят занять покидаемый город. Решено было спешно мобилизоваться и самим нам занять Батум и его область. И было решено двигаться по трём направлениям: со стороны Ахалциха и Ардагана произвести решительную демонстрацию, а главные силы двинуть через Кобулеты. 25-го февраля мы уже были сосредоточены на Кобулетском направлении и ждали приказа: «Вперёд!». Но этого приказа не было, ибо

англичане не эвакуировали Батума, но напротив – Верховный Совет решил оставить в оккупированном Батуме смешанный гарнизон из англичан, французов и итальянцев. При этих условиях движение на Батум было равносильно выступлению против англичан и союзников! Но отказаться от Батума мы не могли. Было ясно: «Теперь или никогда!». И нам пришлось несколько перестроиться. Было решено усилить позиции со стороны Ахалцих-Ардагана, а нашу группу выдвинуть до реки Кинтриш. И сегодня мы должны были совершить своё выдвижение. И мы были совершенно готовы, и ночь была чудная, лунная. Была добрая ночь! Но Англия запротестовала. Она предложила переговоры. И мы идём на эти переговоры... Мы никогда не хотели войны...

Только с реакцией мы всегда рады бороться!..

АГОНИЯ И СМЕРТЬ ДОБРАРМИИ

9-е марта 1920 г. Натанеби. Утро.

Вчера ездили в Батум. И с особенной болью я почувствовал весь позор Батумской эпопеи! Так легко, так постыдно, так преступно сдать эту твердыню! С тремя тысячами стойких борцов эту крепость можно было оборонять месяцы. И вчера я думал: после батумского позора мы достойны всякого унижения! Мы заслужили свои несчастья!.. Лучше было нам всем умереть с Батумом и в Батуме... А теперь мы должны жить с Батумом. Иного не дано!..

Вокруг нас много нового. Добровольцы ликвидируются, но вместе с тем происходит ликвидация анархического большевизма! Южное казачество встряхивается и начинает ориентироваться на демократию! Робко, нерешительно, но всё же ориентируется. Российский большевизм оздоравливается, тоже демократизируется, но сама Россия всё более гибнет, разрушается. Происходит небывалый в истории процесс крайнего разложения и разрушения великого государства!.. Разве только гибель Рима может сравниться с этим... Внутреннее положение России отчаянное. Ленин коротко формулировал этот ужас в нескольких словах: «У нас голод, холод

и сыпняк»!.. И это у них называется коммунизмом! Больше-визм, со своим апофеозом гражданской войны, разрушил производительные силы страны, уничтожил транспорт, милитаризовал всю Россию и на этих страшных развалинах он думает воздвигнуть счастье пролетариата! Но ведь на развалинах и в пустыне торжествует лишь смерть! И смерть в России начинает уже торжествовать... И с этой торжествующей смертью большевики большевики хотят притти к нам?!.. Но мы хотим жизни, а не смерти. И смерти не будет у нас!

И приведя всю страну к отчаянной пропасти, большевизм, желая спасти последние клочья своего знамени, начинает, хотя и с революционными гримасами, склоняться перед торжествующим мировым империализмом! Он определённо, беззастенчиво заигрывает с мусульманским фанатизмом! Деникин только завершает работу большевиков. Да, он только ставит огромную, чёрную точку над всеразрушающей работой большевиков. И гибнет великая, могучая, безсилая, счастливая и несчастная Русь!.. И страшная боль, мучительная обида, тяжёлое горе овладевают всем существом моим... Страшные ураганы носятся по необозримым российским степям и они с корнями вырывают всё то, что мы так страстно, красиво и бережно любили... Я любил!.. Раньше я всегда мечтал о загранице. Я стремился туда, я жил мечтою о ней. Теперь же я всё чаще и чаще думаю о России и мечтаю о поездке в её окровавленное сердце – в Москву и в опустошённую голову – Петербург. И при этих мыслях жуткая боль овладевает сердцем и нависает грусть...

Люблю, люблю я обезчещенную, истерзанную, разорённую Россию. И верю в её воскресение!..

На Туапсинских позициях убили нашего славного, юного Михлина. Бедный, хороший мальчик.

15-е марта 1920 г. Тифлис. Ночь.

Вернулся с оперы. Впервые слушал «Дни нашей жизни». И вспомнилась Москва. Хлебосольная, добродушная, сердечная Москва! И вспомнились студенческие годы. И пробуди-

лись, воскресли все воспоминания. И этой Москвы уже нет. Нет уже и России!

Гражданская война завершила все разрушения мировой войны. Но гражданская война должна притти к концу. Она докатилась до берегов Великого океана и последние волны ее разбиваются о твердыни Кавказа. Да, разбиваются!.. Через могучий хребет они не перевалятся!.. Большевики взяли Кавказскую и Тихаренскую и снова разрубили деникинскую армию на две части. И обе части гибнут врозь! И нет им спасения, нет возрождения. Большевики победили реакцию. Но большевики же снова возродят и родят её!.. Если только они не поумнеют. Но в последней ноте Чичерина не видно этого ума... Он написал прокламацию и даже не забыл в ней меня! Я изображён извергом и многие могут поверить этому... А я смеюсь и говорю: «Эта ложь не коснётся меня!». Рабочие и крестьяне уже оценили меня и они называют меня другим словом. Я никогда не опирался на штыки. Любовь народа поддерживала меня и в этом отношении большевики могут позавидовать мне! И в той же газете, где помещена прокламация Чичерина, мы читаем большевистское сообщение о пензенском епископе Владимире, который служил советской власти и читает проповеди железнодорожникам о служении властям предержащим!.. Но если бы мы стали хвалить архиепископов и печатать их проповеди, большевики назвали бы нас контр-революционерами! Ведь у них готтентотская мораль..

Сегодня пришло печальное, чрезвычайно важное сообщение из Германии: контр-революционеры произвели там государственный переворот. Я верю, что эта контр-революция будет раздавлена! И беспощадно! Но как был самонадеян тов. Носке, когда он так доверился старым генералам и разоружил рабочих. И как предусмотрительны были мы, создавая вооружённую демократию – нашу Народную Гвардию!.. Пока жива Народная Гвардия – у нас немыслима контр-революция.

Владикавказ. 19-е марта 1920 г.

Несчастный город! Я давно не видал его. Со времени первого приезда Ираклия Церетели на Кавказ! Тогда это был чистый, красивый, гордый город. Теперь он грязен, разорён и жалок. В нём масса сожжённых домов. Выжжены целые кварталы. Весь город полон вооружёнными людьми. Сейчас здесь добровольцы доживают последние дни. Быть может, часы! В городе нет фактической, реальной власти. Город отрезан от внешнего мира и лишь через маленькую артерию сообщается с Грузией. И по этой артерии – по Военно-Грузинской дороге – тянутся бесконечные вереницы фургонов с беженцами. Бегут женщины, дети, буржуи и добровольцы. Бегут беспомощные и страшно напуганные! И всё это производит отвратительное, жалкое и тяжёлое впечатление. И эти трусливо, позорно бегущие герои Добрармии вызывают к себе презрение и даже жалость. Несмотря на все их преступления против революции, народа и Грузии я не чувствую к ним ненависти, а скорее брезгливость, жалость и презрение!.. И эти люди хотели создать Великую Россию?! Нет, они слишком жалки и слишком ничтожны для великих дел. Но женщин, стариков и детей по человечеству жаль! Происходит великая трагедия. Происходит ликвидация добровольческой авантюры. Для России это хорошо. И приходят к нашим границам большевики. Их волны скоро докатятся до Кавказского хребта и здесь разобьются. О нашу крепость! О нашу грудь...

Во Владикавказе спокойно. Организовалась какая-то опереточная, горская власть без народа... Ингуши и осетины на изготовке. И возможна резня... Если бы они не боялись друг друга, добровольцы давно уже были бы взяты в оборот!

Завтра выезжаем в Назрань на ингушский народный съезд. Нужно помочь горцам организовать свою власть. Демократическую власть!..

20-е марта 1920 г. Владикавказ. Утро.

Ясное солнечное утро. Вдали видны снежные горы и над ними сурово высится могучий Казбек...

Ночь прошла спокойно. Были лишь одиночные выстрелы. Это, верно, грабили обывателей или стреляла самоохрана... От испуга!..

Я всюду и всех спрашиваю: «Где фронт?». И все в один голос отвечают: «Никакого фронта нет, а есть лишь страшный развал Добрармии». И я всё более убеждаюсь в этом! Фронта действительно нет. И нет никаких боёв. Совершенно нет тех упорных боёв, о которых пишут большевики. Во Владикавказ совершенно не привозят ни убитых, ни раненых, ни пленных...

Добровольческая армия быстро тает. Казаки с награбленным добром расходятся по домам и каждый охраняет свою станицу, свой собственный дом. Большевики берут их голыми руками и, в свою очередь, после побед, тоже идут по домам... И теперь я ещё более верю в успех нашей обороны. Эти чёрно-красные банды никогда не прорвут нашего фронта!

Во Владикавказе накопилось около 7 – 8 тыс. вооружённых офицеров. Но это не воины, а совершенно деморализованные, несчастные люди, которые ни во что не верят и которые потеряли всякую энергию. И совершается не только физический разгром контр-революции, но ещё более страшный моральный её разгром... Но на смену этой контр-революции приходит новая реакция, но лишь с другой стороны и под красным знаменем! И я мыслями переношусь в нашу маленькую, бедную, но свободную Грузию... Волей исторических судеб нам с тяжёлым сердцем пришлось стать на путь самостоятельной жизни. Я всей душой был против этого, я очень страдал от этого, но теперь я убеждаюсь, я уже убедился, что иного пути не было! Что независимость явилась для нас могучим щитом для защиты нашей свободы, нашего народа! И мы сохранили демократию, свободу и революционный порядок в страшном вихре окружающей нас анархии и реакции... И теперь нам приходится давать убежище нашим злейшим врагам – добровольцам, как год тому назад мы дали приют отступающим большевикам. Тогда большевики бросились в наши объятия. И тогда только мы могли приютить их! Но теперь они сильны, они

забыли наше гостеприимство. В своей легкомысленной ноте Чичерин говорит о невыносимо-тяжёлых условиях плена большевиков в Грузии! Через год или даже раньше то же самое будут писать добровольцы о себе. Но это нас не должно смущать, и мы должны выполнить свой долг человеколюбия и гостеприимства. Правда, принята просят наши враги, мы очень бедны и нам самим нечего есть, но когда речь идёт о физическом истреблении сотен людей, нельзя закрывать дверей. И пусть наши враги, которые попали на наши границы, которые клеветали на нас и которые теперь просятся к нам, сами устыдятся себя.

Но ведь они давно потеряли и совесть и стыд!..

Позавчера мы встретили в Казбеке бегущую из Владикавказа английскую миссию с майором Ролансоном во главе. У них был очень смущённый, запуганный вид. И этот глупый Ролансон! Ещё так недавно он воскурял фимиам добровольцам и обрушивался на горцев, на нас. И теперь он спасается у нас. Что ж?! Мы даём приют и англичанам! И мне вспоминается одна старая депеша из Батума, присланная гордым фон-Крессом. Он просил Ноя Николаевича оградить его от притеснений англичан и взять его под покровительство Грузии. И та же республика Грузия, на которую ген. фон-Кресс смотрел свысока и в которой он растил реакцию – защитила его.

Так изменчиво людское счастье!..

20-е марта 1920 г. Владикавказ. 5 час. вечера.

Только что вернулись с ингушского съезда в Назрани. О съезде потом, а сейчас об осложнившемся в городе положении. С раннего утра в город стали съезжаться толпы вооружённых людей и пустые повозки из Ингушетии. Это были любители лёгкой наживы. Самооборона и добровольцы их отогнали. Бронепоезда стреляли из пушек по ингушам. Есть убитые. И в это время мы находимся в Назрани. Ощущение было тревожное, ибо мы не знали кто и в кого стреляет. Нам удалось проскочить через линию огня. Но один наш автомобиль застрял в дороге и это меня волнует.

В городе тревога. Ночью будут дела!..

21-е марта 1920 г. Владикавказ.

Светает.

Всю ночь была беспорядочная, тревожная стрельба. Очевидно, были и массовые грабежи. В городе очень много вооружённых людей и нет никакой уверенности, что они защищают порядок. Мы думаем сегодня же утром выехать в Казбек. Не знаем, как удастся проехать. Наш застрявший автомобиль прибыл, но в нём не досчитываем трёх товарищей. Они ушли назад в Базоркино, так как не сумели прорваться через линию огня...

Сегодня или завтра в городе надо ждать крупных, кровавых событий. Страшно обострены отношения между ингушами и осетинами, а также между казаками и ингушами. Их разсудит кровь! Будет много крови, будет кошмар...

Вчера на ингушском съезде было много народу. Почти все были вооружены, многие сидели на добрых конях. Великолепный боевой материал! А деревнях чувствуется некоторый достаток. В плоскостной Ингушетии плодородная земля. Но поражает полное отсутствие интеллигенции, полное отсутствие политического руководства. Я и Бения Чхиквишвили много говорили на съезде и советовали ингушам самоорганизоваться и утвердить мир с соседями. Но они сказали, вернее сказал один большевикобразный молодой человек: «Мы слабы и нас должна приютить советская власть». Скоро они сами убедятся, какой жестокий и суровый будет советский приют!

В общем, тяжело и жутко здесь. И когда я вспоминаю нашу страну, и искренне благословляю судьбу. Какое счастье, что в Грузии есть политически созревшая демократия!

21-е марта 1920 г. Казбек. 1 час дня.

Я поздравляю себя и всех нас с счастливым, чудесным спасением! А были жуткие, почти безнадёжные моменты...

Из Владикавказа выехали мы на двух автомобилях. Впереди ехали Бения Чхиквишвили, Захарий Гурули, Георгий Химшиев и я. Гогита Пагава остался в Казбеке организовывать горскую демократию. Недалеко от Джераха, где высокие скалы сурово теснят дорогу, ингуши, засевшие в скалах, обстреляли наши автомобили. Несколько пуль попало в мой автомобиль – у самых ног. Мы мгновенно выскочили из автомобиля и стали во всё горло кричать: «Не стреляй, не стреляй, мы грузины!». Был сильный ветер, а стрелявшие сидели на высоких хребтах. И потому нас не было слышно. Тогда наш славный Симон Букия перешёл вброд бурный Терек, поднялся к ингушам в их окопы и кое-как убедил их не стрелять в нас. У самого Симона эти «горные орлы» отняли маузер. А ведь сколько вооружения мы передали этим ингушам!..

После нас там, очевидно, начнутся жаркие бои, и ингуши постараются запереть в грозном ущелье отступающих добровольцев. Будет много, много жертв!.. И много несчастных беженцев останется во Владикавказе и они переживут страшные дни...

Я свободно, легко и радостно вздохнул, когда переехали через нашу границу. И как резко, глубоко и ясно чувствуется наш демократический порядок, когда его сравниваешь с де-нинкинско-большевитской анархией и хаосом!

Да, у нас поистине рай!

23-го марта 1920 г. Казбек. Утро.

Вчера вечером к нам подошли остатки армии Эрдели и просили пропустить через границу с оружием в руках. Вчера я, Захарий и Рубэн Кипиани говорили с Тифлисом. Мы сообщили: «Сегодня, утром, остатки Добровольческой армии под начальством генерала Эрдели выступили из Владикавказа». Утром мы послали добровольцам следующую записку: «Согласно решению Грузинского Правительства, через территорию Грузии пропускаются только женщины, дети, инвалиды и культурные силы безпрепятственно. Воинские части и военные с оружием в руках пропускаются согласно

условиям международного права. Воинские части и военные без оружия не будут вовсе пропускаться». В 4 часа вечера добровольцы подошли к нашей границе, и мы предложили им разоружиться. Это вызвало большое неудовольствие в их среде. Ген. Эрдели просил пропустить их с оружием в руках. Мы категорически отказали. Тогда он попросил разрешить ему поговорить с Грузинским Правительством. Видимо, генерал Эрдели решил нам сдать всё вооружение, ибо у него нет иного выхода. Но он хочет иметь оправдание перед историей! Поэтому Евгений должен в разговоре с Эрдели, который сейчас находится в Казбеке, категорически предложить ему сдать нам всё оружие и дальнейшие переговоры о судьбе оружия повести с Правительством в Тифлисе. Это немного успокоит совесть генерала и заставит его полностью сдать нам оружие. Напоминаю, что оружия, лошадей и всякого другого имущества здесь на многие миллионы. Всё это необходимо отобрать без колебания. Мы находились в войне с добровольцами и всё это надо признать военным призом.

Таков был наш разговор. Генерал Эрдели уже говорил с военным министром, но совершенно безрезультатно. Сейчас должно начаться обезоружение добровольцев. Приезжавший вместе с Эрдели терский атаман сказал: «Мы не думали, что нам предложат разоружиться. Многие предпочитают вернуться назад». Мы молча, тихо улыбаемся. Мы знаем, что этих многих совершенно не будет, ибо знаем, что все они бежали тогда, когда врага даже не было видно, а возвращаться к торжествующему врагу – ведь это очень страшно!

Все части Добрармии вышли из Владикавказа почти без боя, без потерь. Ингуши не сумели перерезать им путь. Они не посмели решиться на это. Хвастливые трусы! А сколько они хорохорились?! Судьба поручила нам вбить последний гвоздь в гроб Российской контр-революции и эту священную обязанность мы выполним с восторгом. Разгром реакции полный. Она убита...

Вчера я сказал беженцам-офицерам, указывая на гордый, одинокий Казбек: «У вас, верно, нет настроения любоваться красотами природы?».

«Да, - ответил один с невыразимой грустью, - теперь всё погибло».

«Погибла контр-революция, - говорил я, - Россия же не погибнет».

Да, Россия не погибнет! Та хорошая, великая, благородная и бедная Россия, которую мы все любили и которая нас воспитывала. Она воскреснет из страшного хаоса, воскреснет обновлённая! В светлых и ярких нарядах! Я верю в это.

Вчера один совсем маленький мохевский мальчик узнал меня и сказал: «Весь Казбек благословляет тебя. Говорят: «У него добрая башка» («амбробен: кетили гогра аквсо»). Я был очень тронут этой детской похвалой. Это самая ценная похвала!..

24 марта 1920 г. Казбек. Утро.

Вчера в 10 час. утра начался великий исход добровольцев из Владикавказа. Отступающая колонна растянулась на десять вёрст! И вчера мы пропустили и обезоружили только часть. Отобрали много оружия. Положение отходящих ужасно. И несмотря на всю мою нелюбовь к ним – мне до боли их жаль. Ночью выпал снег и это ещё более ухудшило их положение. И когда я ночью ложился в холодную постель, я думал: «Какой я счастливый»!.. И было стыдно...

Вчера мы весь день без отдыха работали. Гвардейцы тоже. Между прочим, вчера мы обезоружили старый офицерский баталион. Командир баталиона успокаивал своих воинов и сказал: «Знайте, что вы не несёте ответственности за этот позор. Пусть стыдятся те, кто вас привёл сюда». Слабое утешение! Ибо ответственные все они. Именно они погубили Россию!

Офицеры все вместе, по команде сложили оружие. Их было несколько сот человек. Некоторые отворачивались и молча утирали слёзы.

Было жутко, радостно и тяжело...

25-е марта 1920 г. Казбек. Снежное утро.

Ночь была скверная, холодная. На снегу и под снегом ночевали тысячи беженцев. В страшных, ужасных условиях им приходится отходить! Нет продовольствия, нет дров, нет приюта. И кругом снег! Уже были случаи смерти малюток от холода и истощения. У одного генерала умер ребёнок и от горя омертвели у генерала глаза. Один офицер при обыске его подводы мрачно сказал: «Не раскрывайте этой коробки. Там трупик моего ребёнка».

И хотя я всей душой ненавидел и ненавижу добровольцев, но теперь, когда они разбиты, когда мы их окончательно добываем и снимаем с них последние доспехи, мне тяжело и больно смотреть на них. Тем более, что среди бегущих очень много демократии, демократического элемента. Не по убеждению, а по положению. И эта беднота больше всех страдает. А генералы контр-революции убегают первыми! Вернее – они уезжают первыми!.. Вчера на хвост добровольцев весь день наседали ингуши. Отбивались от них кабардинцы и кубанцы. Были жертвы. А генералы ушли первыми и совершенно не заботились о хвосте! И потому у них так быстро всё разложилось. И потому у рядовых добровольцев такое страшное раздражение против своих начальников...

Вчера закончился великий отход. В общем – проследовало не менее 10 000 человек. Бегут разные и разные люди! Бегут как от чумы!

И не долго продержится та власть, которая похожа на чуму...

Гвардейцы эти дни работали идеально. И у них, несмотря на всю ненависть к добровольцам, не было никакого глумления над несчастными. И это радует меня.

25-е марта 1920 г. Казбек. Вечер.

Я с ужасом думаю о тех, которые ночуют на Гудаурах! О тысячах женщин, стариков и больных!..

Ночь холодная, снежная, тёмная. Ужас, сплошной ужас!

А дети, маленькие дети мрут...

Армавирская группа добровольцев отступила к морю и заняла Туапсэ. Она тоже просится в Грузию!

Последний вздох, агония, смерть. Радость великая! И печаль... Сколько страданий и слёз и в каких страшных муках рождается свобода.

Или же гибнет?!..

А танки, эти новые чудовища, тихо ползут. Они благополучно перешли Гвелетский мост и там заночевали. Они должны взять рекорд высоты...

26-е марта 1920 г. Гудаур. 2 ч. дня.

Только что приехали в Гудаур. Проверяем комендатуры. Вся дорога от Коби и Гудауры и дальше полна подводами и людьми. Дорогой мы посадили к себе в автомобиль Р-ву с двумя маленькими девочками. Одна из них больна. В дороге бедная женщина разговорилась. Вся её жизнь, за последние годы – сплошное страдание. Она дочь крупного культуртрегера, жена гвардейского офицера, видная аристократка, кончила Смольный! И теперь она всё потеряла и только несчастные дети с ней... Она едва сдерживала слёзы. Она крепилась. И мне вновь вспомнилась благородная русская женщина, которая молча умеет носить великий крест страдания и которая без колебания умеет восходить на Голгофу. А таких ведь тысячи... Но не у нас.

«У вас большое сердце», - сказала мне несчастная мать.

«Нет, меня добровольцы и большевики считают извергом. Но я очень люблю детей»...

Да, мне до слёз жаль всех этих несчастных, гибнущих детей...

27-е марта 1920 г. Казбек. Полдень.

Всю ночь шёл снег. Рыхлый, тяжёлый... И занесло, закрыло дорогу на перевалах. И многие сотни беженцев остались на дорогах, под снегом. Я и Рубэн Кипиани едва выбрались в Казбек. А сейчас нам передали, что в дороге завал. И кто

знает, сколько времени беженцам придётся остаться на снежном пути?! И дети будут всё чаще гибнуть.

Я здесь впервые видел картину отступления и панического бегства. И всё здесь смешалось! Генералы и полковники сидят извозчиками, женщины одели шинели и ведут лошадей под уздцы, а маленькие дети подталкивают телеги, чтобы помочь изнурённым лошадям... И всё это производит жалкое, тяжёлое, гнетущее впечатление. И одновременно два чувства овладевают мной – радость и горе, удовлетворение и тревога, восторг и отчаяние! Радуюсь, когда видишь гибнущую реакцию, когда сам наносишь ей удары, но тоскуешь при виде простого человеческого страдания, при соприкосновении с массовым несчастьем! И не хочется показывать своей радости, не хочется глумиться над разбитым, униженным, страдающим врагом. Напротив – очень часто хочется даже протянуть руку человеческой, братской помощи.

Так велико страдание и так велика боль!..

А большевиков всё ещё нет во Владикавказе. Когда же они придут и что принесут с собой? Захотят ли они новой войны с нами? Не хочется думать об этом. Нам нужен мир, мир со всеми соседями и прежде всего с большевиками. И большевикам тоже нужен мир!.. Но если они захотят войны, мы не уклонимся, и мы сумеем отразить их. И даже победить! Но нам не нужна война. Не нужна ни большевикам, ни нам! Нам надо работать и возрождать страну. И в этой работе мы поспорим со всеми. Мы перекуём наши мечи в молот и наковальни, мы выкуем счастье изстрадавшемуся народу!

Пусть здесь поспорят с нами большевики. Мы и здесь победим их!..

29-е марта 1920 г. Казбек. Утро.

После трёх дней непрерывного снега – установилась погода. Ночью был сильный мороз. На перевале завалы и мы решили пройти пешком перевал. Какое счастье, что почти все выходцы из Владикавказа успели перейти перевал до завалов. Иначе – их добрая половина погибла бы в пути...

Сегодня ясное, морозное утро. Всюду снег. Белый, яркий, нетронутый. Казбек встал из тумана во всём своём величии и лишь лёгкое облачко нависло над ним... Это – печаль Казбека.

Снежная красота!..

29-е марта 1920 г. Гудауры. Вечер.

Совершили тяжёлый, но интересный переход через Крестовый перевал. Из Коби вышли в 3 часа. Всё время шёл сильный снег, и вся дорога была занесена. В дороге было несколько больших завалов. Каждую минуту нам угрожали новые завалы, но мы благополучно миновали опасные места. Перевал закрылся, по крайней мере, на десять дней...

Снег продолжает валить, а дорога всё больше заносится.

30-е марта 1920 г. Гудаур. Утро.

Ясное, хорошее утро. Всюду сверкающий, ослепительный снег. И все вершины озарены утренним солнцем. Красота царственная, величественная.

Восторг!..

ПЕРЕД БОЛЬШЕВИТСКОЙ ГРОЗОЙ

2-е апреля 1920 г. Тифлис. Ночь.

Был на «Гугенотах» и вспомнились товарищи-большевики. Там христиане взаимно истребляли друг друга, истребляли во имя Христа! Здесь мы уничтожаем друг друга, уничтожаем во имя социализма!.. И когда временами серьёзно, одиноко задумаешься над этим, становится тяжело на душе... Страшно становится!

Сегодня последний срок ухода наших войск из Батумской области. Англичане настаивают на этом. Наши некоторые воинственные товарищи готовы принять английский вызов и просто говорят: «Если будут в нас стрелять, будем и мы стрелять». Я не из числа этих «храбрых товарищей», я про-

тив всяких авантюр и опасных экспериментов. Нам просто не надо было преждевременно входить в Батумскую область...

В Тифлис приехала часть артистов Московского художественного театра. Они начинают с «Вишнёвым садом».

Рой воспоминаний! И тихой радости...

Вспоминается старая, революционная Москва. Москва 1905 года! Тогда я впервые взялся за оружие и участвовал в Московском вооружённом восстании.

Нас была целая группа товарищей-грузин. Потом они пошли по разным, по своим путям. Во главе нас стоял Васо Арабидзе, Гизо Анджапаридзе, Алёша и Самсон Цуцунава, Вася и Ника Канделаки, Коция Гварджаладзе, я и некоторые другие – мы были членами грузинской боевой дружины. С октябрьских дней наша дружина оберегала Максима Горького. Хулиганы хотели совершить нападение на этого писателя и охрану его поручили нам. И у Горького мы познакомились с высшим литературно-художественным миром. У него часто бывали Леонид Андреев, Серов, Шаляпин, Рожков и многие другие.

6-го декабря в Москве началась всеобщая забастовка. 8-го и 9-го уже начались уличные столкновения. Мы пришли к Горькому и сказали: «Теперь улица зовёт нас и мы идём туда. Бороться».

Горький тепло простился с нами. Он уехал в Петербург, а мы остались в Москве. В Газетном переулке.

11-го декабря мы нанесли поражение маленькому отряду сумских драгун. Это был разгар восстаний. С 12-го декабря восстание стало слабеть. 13-го была разгромлена наша дружина. 21-го декабря я уехал из Москвы.

Восстание было окончательно подавлено, революция утопала в крови!

В Москве было траурное и могильное настроение... Москва стала кладбищем...

Да, всё это вспомнилось мне теперь. И всё это было. Давно, давно тому назад...

15-е апреля 1920 г. Тифлис. Ночь.

Был на «Вишнёвом саду». Играли хорошо, задушевно. Но нет уже былого аромата, былого благоухания. А у меня с «Вишнёвым садом» связаны лучшие мои воспоминания. Их уже нет. И не оживились они. И мне казалось, что у самих художников нет былого озарения, былого московского аромата. Многое уже поблёкло.

Безповоротно!..

И уходя из театра, я уносил грусть по прошлому, тоску воспоминаний. И я скорбел о них...

Потом художественникам устроили банкет. Я не пошёл туда... Я уносил свою одинокую грусть...

20-е апреля 1920 г. Море. День.

Огибаем Кодорский мыс. Едем на старом «Казаке», захваченном у добровольцев. Едем в Гагры. Нас трое: военный министр, я и генерал Захариадзе. Хотим осмотреть гагринские позиции, а военный министр, кроме того, думает повидать адмирала де-Робек.

21-е апреля 1920 г. Гагры. Утро.

Вчера вечером приехали в Гагры. Здесь уже ждал нас английский миноносец от адмирала де-Ребек. Адмирал сам не сумел приехать в Гагры и просил военного министра приехать к нему на дредноут. Военный министр, Захариадзе, генерал Артмеладзе и Володя Сулаквелидзе поехали к нему. Я же остался. Хотя мне и очень хотелось повидать дредноут, но я предпочёл остаться. Ибо не хочется сидеть за одним столом с филистимлянами!..

В Гаграх я встретил нашего Лео Рухадзе. Он считался без вести пропавшим и его спасение страшно порадовало меня. Лео около двух недель провёл у большевиков и ознакомился с ними. И он категорически утверждает: большевики ничему не научились! В России страшный развал и повсюдное разрушение. Красная армия – пёстрый сброд. И на нас двигаются вандалы...

Добровольцев в Сочинской округе накопилось несколько десятков тысяч. Они совершенно объели весь округ.

Перед нами великая и сложная задача: ликвидировать добровольцев и сдерживать большевиков!

И то и другое мы выполним...

25-е апреля 1920 г. Тифлис. Ночь.

С корабля на бал!

Приехал из Гагр в 11 часов дня и прямо попал на заседание Штаба. Лео сделал подробный и очень интересный доклад о положении большевиков на юге России. Большевики совместно с добровольцами уничтожили производительные силы России, распылили и обезкровили пролетариат, обезлюднили города, изолировали крестьянство и дали широчайший простор пугачёвщине! Красная армия – это очень пёстрая банда, без глубокого идейного содержания и без подлинной военной спайки. И такой большевизм уже подошёл к нашим границам! Но его мы не пустим к себе. Или же погибнем! Иного пути нет! Я это твёрдо, спокойно и хладнокровно решил. Большевизм не коммунизм, а лишь вандализм 20-го века и он должен разбиться у наших границ. И он разобьётся. Или же нас не будет!..

И мне теперь вспоминаются благородные римские граждане, которые в момент отчаяния бросились на собственные мечи...

Это ведь тоже победа?! И подвиг...

На пути из Гагр – заехали мы в Кобулеты – осмотрел взорванный Кинтришский мост. Взрыв был сильный, сокрушительный. И это безусловно дело рук большевитско-турецких агентов.

Нам со всех сторон наносят удары. Нас хотят свалить. Но мы выдержим и победим. Я теперь ярко, сильно верю в победу над большевизмом, над их красной армией. Если большевики не захотят мира с нами, если они пойдут на нас войной и захотят утопить нашу свободу в потоках крови, мы сумеем защитить себя и опрокинуть их.

Я верю, верю!..

И это будет!

Сейчас вернулся из художественного театра. Ставили «У врат царства». Когда-то я страстно, горячо и наивно любил Гамсуна. Я преклонялся перед ним и хотел пойти к нему на поклон. Это была мечта. Денег у меня тогда не было, и я собирался зимой пешком переправиться из Петербурга в Норвегию! Через Балтийское море! Это было давно. И тогда Гамсун был мне близок, дорог, понятен. Но теперь он ото-двинулся, почти ушёл от меня. Так же как и Художествен-ный театр... Ибо между нами лежат четыре года страшной войны и почти столько же лет тяжёлой, трагической и крова-вой революции. Слишком много трупов, крови и разочарова-ния видели мы. Похороны стали обычным явлением в нашей жизни и могильные холмы воздвиглись всюду вокруг нас. И уже не хватает ни старых красок, ни старой игры, ни старого аромата.

Нужно что-то новое, более яркое и неизмеримо мощное. Ибо притупились нервы и окаменело сердце!..

28-е апреля 1920 г. Тифлис. Утро.

Надвигаются события. Они уже пришли!

Большевики перешли границу Азербайджана и наступают на Баку. Азербайджан просит у нас помощи, а сам совершен-но растерялся и беспомощен. Быть может, он сам передал свои ключи большевикам?!..

На Черноморском побережье большевики подходят к Со-чи. На днях там мы должны соприкоснуться... И, кажется, столкнёмся. Мы принимаем чрезвычайные меры. Образован совет обороны республики под председательством большого Ноя, учреждён фонд обороны и объявлена мобилизация двух годов. Мобилизуется и вся Гвардия! Маленькая, демократи-ческая, освобождённая Грузия должна напрячь все силы. Именно все! И мы победим, мы вновь спасёмся.

Мы стоим на рубеже двух миров, двух культур, двух принципов. И через наши головы хотят подать руку друг другу большевитский коммунизм и мусульманский ванда-лизм. На нашей земле хотят они справить свою пышную,

кровавую свадьбу! И начинается тяжёлая, беспощадная, яркая борьба. И всё человечество оглянется на эту борьбу и всё культурное будет с нами в этой неравной борьбе. И мы спасём себя.

И спасая себя, мы будем спасать общечеловеческую культуру!..

1-е мая 1920 г. Тифлис. Ночь.

Кончился великий пролетарский праздник. Он сошёл великолепно и грандиозно. Тифлисский пролетариат весь был на улицах с развёрнутыми красными знамёнами и с лозунгами революционной самозащиты. За день я выступал 5 раз. Рабочие всюду хорошо, восторженно меня встречали, и я ещё более проникался верою в успех.

Вчера я выступал в Учредительном Собрании. И там меня хорошо слушали и много аплодировали. Эти праздники укрепили нашу мощь. Эти аплодисменты скрепляют наши силы и умножают веру.

Сегодняшний день был наш день! И в этот день грузинская демократия сгрудилась вокруг своего Правительства. И это Правительство не изменит своему народу! Как изменил Азербайджан. Вернее – Азербайджан выявил свою истинную природу. И, бросившись в объятия Советской России, Азербайджан мечтал лишь о зелёном знамени и турецких националистах! И потому новый «красный Азербайджан» предъявил Армении ультиматум об очищении Карабаха и Зангезура! Азербайджан теснее хочет связаться с Эрзерумом, и Москва благословляет этот союз.

Сегодня нахаловские рабочие открыли свой рабочих театр. В наши годы всеобщаго развала и разрушения это великая победа нашего рабочего класса.

ПАДЕНИЕ БАКУ, МИР С МОСКВОЙ И ВОЙНА С БОЛЬШЕВИКАМИ

4-е мая 1920 г. Тифлис. День.

События развёртываются! «Красный Азербайджан» ставит нам ультиматум об очищении ея территории и переходит в наступление своими бандами. Но ничего. Мы скоро проучим этого лже-социалиста и заставим его покраснеть от стыда. От стыда и поражения! Советской России теперь не до Азербайджана. Поляки уже взяли Фастов и подошли к Киеву. По всей Совдепии большая тревога, и все силы бросаются на польский фронт. Это облегчает наше положение, это усиливает нас...

Большевики идут на все уступки. Московские большевики в переговорах с Гришей Уратадзе отказываются от претензии на Батумскую область, признают нашей границей Мехадыр и отдают нам Двалети! Они безоговорочно признают нашу самостоятельность. Скоро, повидимому, у нас будет мир с московскими большевиками. К этому их вынуждает внутренне и внешнее положение страны. Мы с радостью пойдём на этот мир. Мы всеми мерами будем стремиться к этому миру. Но наши внутренние большевики не унимаются. Их предательския руки ежечасно готовят нам измену, но почвы у них нет под собой. Совершенно нет! Но путь авантюризма ведь их излюбленный путь?!

Во всей стране настроение бодрое, спокойное, прочное. Есть вера в успех. Весь рабочий класс с нами. А это главное.

7-е мая 1920 г. Тифлис. Утро.

Вчера, рано утром, я выехал в Сандар. Оттуда были тревожные вести. Тревога, к счастью, не оправдалась, но кое-что там было неладно. Немного сплеховали сигналахцы... В решительный момент, когда неприятель подтянул подкрепления и подвёз артиллерию, сигналахский баталион поддался назад. К счастью – конный дивизион выпрямил кривую. И теперь положение на фронте довольно прочное. В Сандаре я и Владимир обезоружили трусливых негодяев, раздели их и арестовали. Вся эта история меня очень разстроила и взволновала.

Решено обратить более серьёзное внимание на Казахское направление. Мы сосредотачиваем там крупные силы и

начальником фронта назначен Джиджихия. Через 2 – 3 дня Александр, Владимир и я уезжаем на фронт. Едут также Захарий и Яков. И я знаю, что прогоним, разобьём и погоним вероломного врага. Мы его проучим!

Московские большевики, повидимому, хотят с нами мира. Они идут на крупные уступки и соглашаются нашей границей признать реку Псоу. Мира хотим и мы. Хотим всем сердцем, всей душой.

Поляки уже заняли Киев, они гонят большевиков и это благоприятствует нам. Я верю в мир, но предварительно мы должны проучить Азербайджан.

И проучим...

В Армении сформировался новый кабинет. Вместо Александра Хатисова во главе правительства стал Амо Агаджанян. Это хорошо. Агаджаняна я считаю наиболее приличным, умным и приемлемым для демократии дашнакканом. Созрел момент, когда Армения и Грузия должны братски подать друг другу руку. Давно пора! Ведь против турко-большевиков и татар мы должны быть едины?!..

10-е мая 1920 г. Тифлис. Утро.

Гриша Уратадзе подписал мир с Советской Россией. Великая, безкровная, блестящая победа! Россия безоговорочно признала нашу независимость, самостоятельность и свободу. Она отказалась в пользу Грузии от Батумской области и Закатальского округа. Кажется, наступают мирные, счастливые времена. Кажется, я скоро сброшу с себя тяжесть креста! Нужно ещё одно, последнее, решительное напряжение, надо прогнать и проучить чёрно-красно-жёлтый Азербайджан. И мы его проучим!

Сегодня я уезжаю на фронт. Завтра с утра переходим в решительное наступление.

И погоним врага!..

11-е мая 1920 г. Лечбадин. 2 часа дня.

Сейчас на фронте спокойно. Вчера наши хорошо, славно наступали! Против нас действуют по крайней мере два советских полка и Азербайджанские банды. У нас же пока были в работе конный дивизион, особый батальон, 1-й мингрельский батальон и часть сигнахского батальона. Вчера мы продвинулись вёрст на шесть. И за вчерашний день у нас убит один и ранено 21. Сенахский и особый батальон наступали во весь рост!

Наша правая колонна с утра вышла из Садахло и, пройдя Качаган, она поднимается на Бабаляр и Тарс. Сегодня у нас была перестрелка с противником. Я видел конные части врага. У них хороший вид.

Завтра переходим в общее наступление. По обеим берегам реки Храм.

12-е мая 1920 г. Шихло. 12 час. дня.

Подвожу итоги. Грустные и радостные итоги полудня!

С 3-х часов утра обе наши колонны перешли в наступление. Начальник право-бережной колонны Химшиев, а левой – Вано Цомая. Колонна Химшиева наступает по линии Садахло-Тарс-Бабаляр-Аслан-Беглы. Колонна же Цомая повела предразсветную атаку на Красный мост. Противник занимал великолепные позиции, у него были крупные силы, много пулемётов и полевая батарея. Утро было скверное, дождливое. Наши цепи молча поднялись и пошли в атаку. Я, Александр и Владимир были на левом фланге. Александр был совсем болен, но мы его не могли уговорить остаться в тылу. Он еле двигался на ногах...

Молча, без выстрелов двигались к противнику наши цепи. Вдруг противник открыл по нашим цепям сильный оружейный и пулемётный огонь, поддержанный артиллерией. Мы шли по совершенно открытой местности. Противник занимал господствующие позиции, он уже пристрелялся к нам и все наши движения ему были видны. Но наше наступление было так неожиданно и стремительно, народногвардейцы так стройно и решительно шли в атаку, что противник совершенно не выдержал нашего натиска! Время от времени

окрестности оглашались нашим звучным «ура» и от этого дружного «ура» противник совершенно терял голову. Уже в 5 час. утра мы заняли Красный мост. Сбитый противник в беспорядке столпился у Красного моста и мы его в упор разстреливали. Мы подошли на сто саженей к артиллерии противника, которая безрезультатно нас обстреливала, но не могли её атаковать, так как перед нами лежала непроходимая река Храм. И на наших глазах противник снял оружия и увёз их! И в это самое время колонна Химшиева обходила противника со стороны горы Бабакар. Разбитый у Красного моста противник стал быстро собирать остатки своих сил и попытался удержаться на Шихлинских высотах. Но наши 12 орудий открыли ураганный огонь по этим высотам, и противник в панике и в полном беспорядке бежал. В этот момент я был у нашей артиллерии и наблюдал, как она гвоздила неприятеля. Датико Шарашидзе был с нами.

У нас чувствительные потери. Тяжёлые потери! Не по количеству, а по качеству. Убиты потийский старый рабочий Гогичайшвили, товарищ Хубутия, Лабадзе и ещё несколько славных народногвардейцев. Но, к счастью, наши потери очень невелики! Если бы противник был более устойчив, он мог нанести нам страшный урон. Ведь мы были у него как на ладони!..

Сегодня я впервые наблюдал нашего Владимира в бою. Я любовался его поразительным хладнокровием и большой смелостью. Он совершенно не волновался и не обращал никакого внимания на свист пуль. И шальная пуля пробила Владимиру кобур от бинокля...

Сейчас уже выстрелов нет. Противник поспешно, хотя и стройно отступает. Колонна Химшиева старается его глубоко охватить. Не знаю, удастся ли это ей.

Гвардейцы дрались выше всяких похвал. Как воины революции!..

13-го мая 1920 г. Лечбедин. Раннее утро.

Вчера был большой день Народной Гвардии. Большой день в жизни нашей революционной демократии! Мы раз-

били втрое сильнейшего противника, состоящего преимущественно из советских войск. Мы вчера разбили и гнали перед собой 32-ю дивизию непобедимой Красной армии! А эта дивизия считается лучшей.

Сегодня ясный солнечный день. Слава Богу! Не будет больше грязи. Будет ясней на душе!..

13-е мая 1920 г. Амар-Агалы. Ночь.

Моя красавица «Ракета» страшно устала. Сегодня я на ней сделал по крайней мере шестьдесят вёрст! И я сам очень устал...

С позднего утра мы повели наступление, и весь день длился бой. Победоносный бой! Противник сегодня был менее энергичен. Повидимому, он обезкуражен нашим натиском, дезорганизован и деморализован. Его артиллерия сегодня нервничала и хуже работала. А наши гвардейцы работали неподражаемо! Снаряды рвались над их головами, но они не обращали никакого внимания на эти разрывы. Во весь рост, стройными цепями, не сгибая головы – шли народногвардейцы по открытому полю, и над ними рвались шрапнели! И я их ещё больше начинаю ценить и любить... И тем более я ненавижу сейчас пресыщенных и самодовольных мещан, сидящих в эту ночь в шумных ресторанах и театрах. Нет, за этих паразитов надо когда-нибудь энергично взяться! Они едят, много пьют, рассуждают о патриотизме и любви к отечеству, но совершенно безчувственны к судьбам страны и не приносят ей никаких жертв! А эти гвардейцы, которые покинули свой дом, которые не щадят своей жизни и здоровья, которые переносят здесь страшные лишения – эти честные воины истинные дети Республики и своего народа! И Республика не должна быть из мачехой... Республика должна стать их нежной, любящей матерью, ибо никто так не любит эту Республику, как эти простые воины, брошенные волей революции на Казахские поля. В эту глухую и холодную ночь! Сегодня и вчера очень многие народногвардейцы шли в атаку совершенно босые. Но у них ярко горели глаза и ликовало сердце!..

У нас и сегодня были чувствительные потери. Убитым и ранеными...

Азербайджан скоро запросит у нас мира. Я видел, как бежали они сегодня перед нами, и от полного разгрома из спасла только эта глухая ночь...

14-е мая 1920 г. Амар-Агалы. Раннее утро.

Ночь прошла спокойно. Я спал как убитый. Вчера был хороший день. Сегодня он будет лучше.

Утро великолепное, блистающее. Сегодня надо ликвидировать врага!..

15-е мая 1920 г. Тифлис. 4 часа дня.

Вчера я и Владимир выехали в Тифлис. Александр остался на фронте. Наши войска заняли линию реки Инджасу, и полевой Штаб решил дать двухдневный отдых нашим уставшим, истрепавшимся баталионам. 16-го утром, хотим перейти в новое наступление. У нас ничтожные силы, не более двух тысяч штыков, а противник спешно подтягивает резервы и перебрасывает на фронт новые силы. Резервы надо двинуть и нам. Для этого приехали в Тифлис Владимир и я. Мы должны свежие силы спешно перебросить на Инджасу, мы должны окончательно разгромить врага!..

«Красный Азербайджан» прислал нам уже ноту о перемирии. Мы принимаем это перемирие и завтра с утра должны прекратить боевые действия. Но тем энергичнее мы должны подтягивать резервы, тем настойчивее надо готовиться к новой войне!

Азербайджан сломлен, несмотря на помощь советских войск. Сломлен, но не разбит...

Сейчас я и Владимир едем снова на фронт. Везём туда броневики, но не знаю, удастся ли их провезти на фронт. Вчера на правом берегу Инджасу шли упорные бои. Враг усилился и пытается наступать. Но мы контр-атакой снова отбросили его на 8 вёрст! Итак, нам не удалось дать нашим

народногвардейцам двухдневного отдыха. Этот отдых им был необходим.

Не знаю, как прошёл сегодняшний день. И были ли бои?!..

А общество спит. Тифлис как будто бы не чувствует фронта! Театры полны, рестораны кишат посетителями! Нет, нам решительно нужно встряхнуть это общество!..

На днях приехал Ираклий Церетели из Парижа. Это для меня большая радость. Это большая надежда! Это лучше десяти баталионов. Я его очень хотел видеть, но, к сожалению, не удалось. Нет времени, еду на фронт...

16-е мая 1920 г. Над Красным мостом. Вечер.

Вчера нас постигла большая неудача... Усилившийся противник сбил наш правый фланг и несколько потеснил нас. Это ему тем легче удалось, что наши ничтожные силы, занимавшие фронт протяжением в двадцать вёрст, были страшно утомлены непрерывными, тяжёлыми, безменными боями!..

Мы знали, что противник спешно подвозит резервы. Все свободные силы из Ганджи и Баку он перебросил на наш фронт. А мы не только не прибавили новых баталионов, но наши силы быстро таяли в результате непрерывных боёв. И в решительный момент, когда усилившийся противник перешёл в общее наступление, на фронте у нас было не более 1 800 боевых штыков! Мы немного зарвались! Мы слишком понадеялись на наш порыв, на нашу смелость и недооценили противника. А главное – наше командование не позаботилось своевременно о переброске резервов на наш фронт!.. Нам дали ничтожные силы и огромную задачу и не хватило этих сил. И мы всегда предупреждали об этом, но нас плохо слушали... И в этой неудаче прежде всего я обвиняю Главный Штаб, обвиняю Александра, Владимира, Захария и себя! Мы слишком увлеклись боями. Мы стали простыми воинами, простым пушечным мясом, и совершенно добровольно отказались от испытанной старой практики, от подлинного руководства. Мы всю гвардию передали в распоряжение главного командования и теперь подсчитываем свои

тяжёлые потери, подводим печальные итоги культа главнокомандования...

Да, у нас чувствительные потери. Много раненых и убитых. Убит чудный, незаменимый Георгий Суликашвили, ранены Прусский, Миша Майсурадзе, мой Илико, Сико Кошоридзе и много, много других. Сейчас мы занимаем новую линию, спешно укрепляемся и ждём резервов. Настроение тяжёлое, но бодрое, верующее. Мы расколотим, погоним обнаглевшего врага! Да, у всех бодрое, крепкое настроение...

18-е мая 1920 г. Красный мост. 5 час. утра.

Мы быстро восстановили наше положение. Прочно занимаем Бабакар, Тарс, Какиль и выдвинулись на реку Инджасу. Вчера командир мусульманского добровольческого батальона прислал нам предложение о перемирии. Мы ответили, что это предложение должно исходить от общего командования.

Погода нам не благоприятствует. Безпрерывные дожди изводят.

18-е мая 1920 г. Красный мост. День.

Погода прояснилась, но вечером снова пойдёт дождь. По обыкновению!..

Сейчас объезжаем позиции. Неприятеля нигде не видно. Мы уже совершенно оправались и теперь здесь у нас достаточно сил. Мы совершенно готовы для новой борьбы, для нового наступления! Но наступать не можем, так как не имеем соответствующего приказа от нашего правительства.

20-е мая 1920 г. Тифлис. Утро.

Вчера ночью я, Владимир и Георгий Химшиев приехали в Тифлис. Для доклада и ориентировки. Мы должны были передать Тифлису, что несмотря на нашу прошлую неудачу, наше положение сейчас на фронте чрезвычайно прочно и

что поэтому во время мирных переговоров наша делегация целиком должна отстаивать наши притязания и наши права. А перемирие фактически уже установлено. На фронте уже нет боёв.

Вчера к нам в Шихло приезжали парламентёры противника. Двое было татар, а один русский красноармеец, - бывший петербургский рабочий и бывший меньшевик. Славный, добродушный и недалёкий парень. Большой простак. Мы разговорились. Он соглашался с нами, что Россия разорена, что производство там уничтожено, что рабочие там работают по 10 – 12 часов.

«Но мы всё время воевали», - пояснял и оправдывался он.

Мы все горячие сторонники мира. Но лишь при известных условиях и определённых гарантиях. Мы хотим прочного, честного и незыблемого мира. Мы не хотим легко играть ни своей, ни чужой кровью.

22-е мая 1920 г. Шихло. Утро.

Вчера, вечером, мы имели встречу с парламентёрами противника. Эти парламентёры уполномочены заключить с нами перемирие. С нашей стороны были генерал Джиджихия, полковник Гедеванов, Яков Хараш и я. Со стороны противника: комиссар внутренних дел Султанов, Эпифан Кванталиани и военспец Шверин. Секретарём их был Гиренко. Вчера мы не договорились. Азербайджанцы требовали полного очищения их территории. Мы на это не могли согласиться. Сегодня в 12 час. окончательная наша встреча. По-видимому, перемирие не состоится и вновь вспыхнет война. Особенно непримирим наш соотечественник Кванталиани. Я ему иронически сказал: «Вы больше Азербайджанский патриот, чем сами азербайджанцы»...

Вчера я собственными глазами видел знаменитую Красную армию. Я никогда не предполагал, что она такая пёстра банда!.. Люди плохо вооружены, отвратительно одеты и совершенно некультурны. И все красноармейцы буквально жаждут мира! «Довольно воевать»! Всё время говорили они: «Пора работать»... Тяга домой у них великая. Я

совершенно уверен – если вновь начнётся война, мы снова погоним противника.

23-го мая 1920 г. Шихло. Утро.

Сегодня в 12 часов дня кончается перемирие. Соглашение не достигнуто. Азербайджанская делегация категорически настаивает на возвращение наших частей в исходное – до 27-го апреля – положение, т. е. на отход наших войск вёрст на двадцать и переход их за Красный мост – на левый берег реки Храм! Мы решительно отвергли это предложение. Мы заявили, что до окончательного мира должно сохраниться фактическое положение и что после подписания мирного договора мы незамедлительно отойдём на указанную в договоре границу. Ещё мы сказали: «Мы не боимся войны, но мы её не хотим. Вы видели, что мы умеем сражаться. Но мы не хотим проливать крови рабочих и крестьян. Но если она всё же прольётся, вся кровь падёт на ваши головы».

Итак, мы снова стоим перед войной. Мы готовы для нея. Посмотрим, кто кого погонит.

Мы погоним!..

Но мы не откроем первыми боевых действий. Мы ждём, чтобы противник первый перешёл в наступление. Тогда у нас совершенно развяжутся руки.

23-го мая 1920 г. Шихло. 4 часа дня.

12 часов прошло, но противник молчит. Он не переходит в наступление.

Сейчас я вернулся с правого фланга. Мы висим над Аслан-Беглы и находимся в тылу правого фланга противника. У нас очень выгодное тактическое положение и мы легко можем прорвать фронт противника. А противника нигде не видно!.. У него много дивизий, но мало сил. И настроение моё всё крепнет! Но сейчас мы получили бумагу: согласно решения Совета Оборона отвести наши войска на тифлисскую губернскую границу. Нам, фронтовикам, эта уступчивость

Правительства не особенно по душе. Но мы всё ж извещаем Азербайджанскую делегацию об этом решении. Посмотрим, что она ответит.

24-е мая 1920 г. Шихло. 11 час. дня.

В 12 час. дня у нас новое свидание с Азербайджанской делегацией. На этот раз – по предложению самих азербайджанцев. Очевидно, им туго приходится. В тылу у них осложнения.

Урожай здесь восхитительный. Небывалый! Но некому убирать его...

24-е мая 1920 г. Шихло. 4 часа дня.

Сейчас вернулись с переговоров с азербайджанцами. Сегодня они были несравненно сговорчивее. Завтра новая встреча. Очевидно, столкнемся.

История международных сношений, наверное, не помнит таких переговоров. Мы собирались в сельской школе, и комната переговорщиков наполнялась красноармейцами и нашими народногвардейцами. И обе делегации старались бить на свою революционность и изощрялись в революционной фразеологии! И мне кажется, что в этой области победа осталась за нами. Александр, Владимир, я, Яков, Илико Карцивадзе легко побивали красных reactionеров и не только наши народногвардейцы убеждались в правоте нашего дела, но даже красноармейцы начинали склоняться в нашу сторону. Своим словом, своим делом и своим красным знаменем мы разлагали их Красную армию и после двух свободных встреч обеих делегаций, когда двери никем не закрывались, - при третьей встрече я заметил, что в дверях комнаты совещания был поставлен часовой. Ему было при мне строго сказано: «Никого не впускать!», - т. е. не пускать красноармейцев!

25-е мая 1920 г. Сандар.

Завтра последняя встреча с азербайджанской делегацией. Мы почти по всем пунктам договорились. Спор идёт вокруг Красного моста. Еду в Тифлис за последними инструкциями.

26-е мая 1920 г. В поезде. Утро.

Еду на фронт. Сегодня в 12 час. последняя встреча с азербайджанцами. Соглашение или война! Хочется соглашения, но мы не боимся войны. У нас крепкий дух и твёрдая рука! Мы защищаем нашу свободу, нашу демократию и наше красное знамя. Мы обороняем нашу революционную территорию! Но если на нас нападут, мы перейдём в наступление. А войны всё же не хочется. Губит, уничтожает, разоряет страну война. Тем более не хочется войны с Советской Россией и с несчастными, обтрёпанными, изголодавшимися красноармейцами – с этими простыми, добродушными и поработёнными русскими людьми...

Сегодня 26-е мая, но у меня нет праздника на душе. При войне вообще нет праздника. Даже победоносные войны носят в себе глубокий траур. Если будет мир, честный мир, будет великий праздник и будет освобождение от креста.

От тяжёлого креста!

26-е мая 1920 г. Нижнее Шихло. 4 ч. дня.

Только что подписали соглашение о перемирии с Азербайджаном. Мы отводим наши победоносные войска, нашу Народную Гвардию на линию Тарс – Бабаляр – Красный мост и реки Храм, а занятую нами азербайджанскую территорию нейтрализуем.

Большая победа!

26-е мая 1920 г. Тифлис. Ночь.

С фронта попал прямо в театр. Искал товарищей и попал на балет! И какая разница, какой резкий контраст!? Здесь уют, довольство, пресыщенность и безпечная лень. Там холод, лишения, самопожертвование и неустанный труд! И берёт злорадия, ожесточение! Нужно устроить решительную встряску!.. Могучим порывом надо расплескать эту мешанскую пресыщенность, эту самодовольную и сытую тупость! Теперь, когда мир с большевиками стал фактом – мы имеем возможность стать более решительными и последовательными в деле организованной борьбы с буржуазией и в достижении своих целей. Да, теперь можно дать большую свободу себе и своей революционности.

Внешняя угроза, откуда бы она не исходила – от Деникина, Троцкого или Кемаля-паши – всегда связывает нашу революционность и ограничивает наш порыв. В эти моменты идея спасения страны доминирует над всей жизнью и это сглаживает, притупляет классовые противоречия и обезцвечивает политическую борьбу. Но когда уже нет этой опасности – центр своего внимания мы можем перенести на внутреннюю социальную борьбу и мы высоко можем поднять наше красное знамя. В постоянной внешней опасности – слабость нашего внутреннего строительства, нашей внутренней революционности. Наоборот, в постоянной внешней опасности – сила русского большевизма, его крепость. С уничтожением внешних опасностей России уничтожится большевизм...

Эти 4 дня переговоров мы провели в непрерывных спорах с большевистской делегацией и красными командирами. И мы наглядно убедились, как неизмеримо выше идейно стояла наша делегация и как убоги, невежественны и бедны были наши противники. А когда спорил наш Александр с красными батальонными и бригадными командирами, становилось жаль последних, ибо они оказывались младенцами. А наши народногвардейцы поистине держались как победители. Во всех отношениях! И на поле битвы и при идейных столкновениях...

И как-то радостно и светло, что перемирие в конце концов состоялось. Всё же это демократия! Хотя и заблуждающаяся, преступная и кровавая...

Музыка играет. И на сцене плавные, стройные движения... Завтра опять на фронт. На умирующий фронт...

Но мы знаем, что перемирие – не мир!..

29-е мая 1920 г. На берегу Алгета. У Косало.

Захарий, Рубэн, Лео, Ной Гоголишвили, Джиджихия и я с утра объезжаем батальоны и определяем линию наших укреплений. Сейчас мы у пастухов татар на их кочёвке: ждём мацони и тёплого молока.

Вчера весь день мы провели в осмотре наших позиций. Были в Такелах, на Гиликке, Палутлыбаши, Тарс и Бабаляр. И мы и лошади страшно устали. Сегодня сапёры производят трассировку окопов, а завтра мы организуем массовую окопную работу.

Вчера я впервые объехал Бабалярский хребет. И я вновь и вновь восторгался энергией, мужеством и выносливостью наших народногвардейцев. Ведь эти высоты защищались советскими войсками и отсюда мы были как на ладони!..

Теперь у нас перемирие и за время перемирия мы должны совершенно окрепнуть. И это скорее приведёт нас к миру. К желанному, долгожданному, демократическому миру!..

Сейчас на правом конце Красного моста стоит смешанный пост, а в Шихло стоят смешанные контрольные роты. Наши гвардейцы живут дружно с красноармейцами и братски делятся с ними своими излишками. И наши гвардейцы чувствуют своё превосходство. Во всех отношениях! Особенно в идейном.

30-е мая 1920 г. Мал. Муганло. Утро.

Дождь, грязь и мерзость! Погода нас преследует и изводит. Весь май был отвратительный. Не было за всё время похода дня без дождя, и гвардейцы всё время мокнут под дождём и их заедает грязь. А общество, это хвалёное патриотическое

общество, сидит себе на месте! Оно не чувствует ни этой мерзкой погоды, ни лишения, ни грязи фронта. Оно делает жалкие жертвоприношения и этим успокаивает свою совесть. Чтоб лучше можно было спать после сытаго ужина! Но если бы это общество могло со всей силой своей пробудившейся души почувствовать великое и священное значение фронта, оно всё, целиком, поднялось бы на ноги и окружило бы фронт такой любовью, таким тёплым вниманием, такой материнской нежной заботой, что фронт не почувствовал бы совершенно ни дождя, ни грязи, ни окопной скуки. И фронт стал бы непобедим! Но общество глухо спит. И фронт остаётся один. Почти один! И лишь бедные рабочие и святые дети, главным образом, помнят о фронте... Но ведь фронт скоро вернётся домой и он всё будет помнить. И он потребует ответа.

Сегодня в Акстафе первая встреча мирной конференции. Но получились сведения, что в Азербайджане возстание и что связь с Ганджи с Акстафой прервана. Это очень возможно. И вообще, теперь всё возможно. Ибо политика Советроссии совершенно необузданна и положение ея самое тяжёлое. Несмотря на внешние успехи! И кто знает?! Быть может, нам придётся приютить и интернировать у себя стоящую против нас двадцатую дивизию.

Ведь история любит курьёзы?..

31-е мая 1920 г. Нижний хутор Гяурарха. 2 ч. дня.

Ехал в Тифлис на мотоциклете и застрял в грязи. Я весь испачкан. К счастью, управляющим хутором мне любезно предоставил лошадь и теперь я еду в Сандар. Круговой путь! Погода мерзопакостная, гнусная, убийственная. Нападает меланхолия... И когда начинаешь думать, что в эту адскую погоду, и днём и ночью гвардейцы живут под дождём и в грязи, что всю тяжесть обороны страны приходится выно-

сить тысячам, а миллионы стараются теплее устроиться, - начинает душить безсильная злоба, безысходная тоска...

Скоро конец перемирия. У нас на фронте бодрое и хорошее настроение. Вчера было собрание представителей частей и командиров. Я сделал общий доклад. Было хорошо. Так ярко верилось в нашу силу, победу и успех. У противника дела хуже. Татары ненавидят красноармейцев, а красноармейцы с презрением говорят о татарах. «Лучше соединимся и истребим эту подлую татарщину!», - говорят часто красноармейцы. И в этом весь их коммунизм! Наши народно-гвардейцы всё более разлагают красноармейцев и только потому, что это, пожалуй, первый случай встречи Красной армии с подлинно-народной, революционной и социалистической армией. И это первый случай идейного разложения красноармейцев.

Чудеса!..

3-го июня 1920 г. Вагон. Ночь.

Спешно едем в Ахалцих. С Годерзского перевала дурные вести! Часть солдат ушла с фронта, и перевал уже в руках чётников. Едем Квинитадзе, полковник Гедеванов и я. Надо возстановить положение и помочь нашему отряду, запертому в Хуло.

В Елисаветпольской губернии возстание разрастается.

4-е июня 1920 г. Боржом. Утро.

Едем в Ахалцих. Скоро будем на месте печального отхода и выясним всё. Надо быть решительным и беспощадным! И кровью надо спасать революцию...

Все осложнения в Батумской области – плоды деятельности английских властей. Англичане хотят с помощью кобулетцев и аджарцев вытеснить нас из Батумской области. И они не щадят средств! И маленькой, изолированной, изстрада-

давшейся демократии приходится рассчитывать только на свои собственные силы. И она должна быть героической! Но семья не без уroda. И бежавшие с Годерзского перевала запасные – наши уроды! С ними надо быть немилосердным. Но там сплеховала и одна гвардейская рота. Я хочу с ней основательно поговорить.

4-е июня 1920 г. Зарзма. Ранний вечер.

Были в Утхис-убани. Это наш последний пост. Видели гвардейцев и кадровых солдат. Это – герои.

Зарзма очень древний и знаменитый монастырь.

5-е июня 1920 г. Ахалцых. Утро.

Ясное, великолепное утро. Мы все так истосковались по хорошей погоде, по яркому дню! Особенно изстрадались гвардейцы и солдаты на позициях, на снежных перевалах. Вчера мы вместе с генералом Квинитадзе объезжали части и были на позиции. Собственно – позиции у нас нет никакой. Полурота гвардейцев и столько же солдат стоят в Утхис-убани. На перевале наших нет и, очевидно, он уже занят противником. Бегство с позиции произошло 2-го июня. Бежали позорно, трусливо, подло!

2-го с утра наши перешли в наступление на Даниспареули... Чтобы подать помощь нашему отряду в Хуло! Наступление началось хорошо, но очень скоро мобилизованные солдаты поддались назад и стали быстро отходить. Никакие увещания и угрозы не помогли. И эти дезертиры увлекли с собою вторую роту народногвардейцев, оставив первую роту в бою. Отход, или вернее бегство, было самое позорное, преступное. Бежали без причины и почти без давления со стороны противника! Очевидно, очень хорошо поработали наши провокаторы и враги.

Первая народногвардейская рота честно и до конца выполнила свой долг. И эта рота всю зиму провела на перевале! Она была страшно истощена, но всё же не поддалась назад. Бежавших солдат обезоружили недалеко от Ахалциха, у

Суфлиса. И вчера семь главарей было разстреляно. Это жестоко, но это необходимо. Этой жестокостью спасается страна и революция...

Наш отряд в Хуло, разстреляв все патроны и истощив запасы, сдался аджарцам. Это большое несчастье. Но мы не падаем духом. Дела скоро поправятся и мы легко разстроим английские козни!

По единодушному отзыву, молодые солдаты держатся хорошо.

В Даниспареули был убит командир Ахалцихского батальона Народной Гвардии – наш славный Максимов.

6-го июня 1920 г. Боржом 6 час. утра.

Возвращаемся в Тифлис. На перевале дела поправляются. В Утхис-убани стоят две роты народногвардейцев и около полусотни молодых солдат. В Ахалцих пришли два крупных армейских батальона и одна горная батарея. Силы ещё идут. Через несколько дней начнутся активные операции, и мы восстановим старое положение.

По дороге заехали в Абастуман. Выбирали помещение для санаториума Народной Гвардии. Остановились на сожжённом Кониевском дворце. Гвардия должна реставрировать и возродить этот дворец. И демократия покажет свою способность к творчеству!

В Абастумане хорошо. Очень хорошо! Несмотря на все разрушения турок и татар! Сирень в цвету. Много сирени и разных цветов. И вся обстановка Абастумана страшно располагает к отдыху, даже к лени.

А отдохнуть так хочется!

8-е июня 1920 г. Тифлис. Утро.

Тучи снова сгущаются на нашем горизонте. На севере и юге! Восток как будто проясняется...

Мирные переговоры с Азербайджаном идут для нас успешно и Азербайджан идёт на крупные уступки. Ибо у него иного пути нет! Внутри Азербайджана страшная анар-

хия и резня. Большевики всё увозят из Баку и сильно стесняют население. Они грабят Азербайджан и посылают подарки Москве и Ленину! Это вызвало взрыв народного возмущения, и в Гандзе вспыхнуло возстание. Оно было подавлено с страшной жестокостью. Оно было утоплено в татарской крови! Но возстание не умерло. Вспышки продолжают. То там, то здесь! И советская власть в Азербайджане на вулкане. В этих условиях Азербайджан не хочет с нами войны. Войны и мы не хотим! Но её хотят безответственные местные большевики, которыми руководят личный интерес и личное озлобление. А положение самих большевиков в России критическое. Поляки их бьют, и пробуждается Врангель. Этот старый, злой волк реакции! Большевики подняли страшную тревогу, они бьют во все колокола и все взоры обращают на Запад. В этих условиях они не захотят войны и осложнений с нами. Не хотим и мы воспользоваться тяжёлым положением Советроссии. Но местные большевики не унимаются. Им совершенно чужды интересы России и нашей демократии. И они всеми силами стараются свернуть нам шею! Теперь они подняли преступное возстание в южной Осетии, и Владикавказ помогает этому возстанию. Так большевики выполняют условия мирного договора! Такова их честность!.. Но ничего! Это нам ещё больше развязывает руки, это нас скорее сблизит с Москвой. Я всё же хочу верить, что политика ответственных большевиков не может быть столь авантюристичной и безответственной по отношению к нам...

ЮЖНООСЕТИНСКАЯ ВАНДЕЯ

9-е июня 1920 г. Тифлис. Утро.

Из Цхинвала дурные вести. Кажется, он уже занят осетинскими бандами. Мы спешно перебрасываем туда силы и скоро поучим этих прохвостов. Осетинские националисты — наши злейшие и неусыпные враги. Они всегда пользуются нашими затруднениями и устраивают нам возстания...

Несколько лет назад своим возстанием они облегчили туркам взятие Батума. В прошлом году они помогали Деникину, а теперь идут заодно с большевиками! И нам уже надоели эти бесконечные возстания. И мы решительно отобьём у южно-осетинских банд всякую охоту к вооружённому импрессионизму! И эти временные неудачи меня совершенно не смущают. Я знаю, что последнее слово принадлежит нам!

Вся наша демократия и все ответственные товарищи негодуют на осетинских повстанцев. Наш большой Ной совсем разсердился на них...

10-е июня 1920 г. Тифлис. Утро.

Сегодня я, Александр и Захарий едем в Гори освобождать Цхинвал и раздавить, наказать нашу Вандею. Да, это типичная Вандея. Хуже Вандеи!

Сегодня к полудню в Гори сосредоточатся наши 8 батальонов, конный полк и две горные батареи. И этих сил будет более чем достаточно. Командующим назначен Кониев. Наш старый, проштафившийся, но верный друг. Теперь он должен искупить свою Сочинскую неудачу.

Вчера ночью из Батума передали странную весть: снимается союзническая оккупация Батума, но новый хозяин ещё не назван! Мы должны стать этим хозяином и мы должны быть готовы к этому. Но уход союзников из Батума не особенно радует меня – этим Европа отрывается от нас и мы вновь остаёмся с Азией! Правда, Европа нам мало помогала, но даже её простое пребывание в Батуме составляло большую угрозу для Турции. Теперь мы будем всецело предоставлены своим собственным силам. И потому мы должны напряжённо и без усталости работать.

И какое странное совпадение: - Цхинвал – Батум! Тогда было то же совпадение!

11-е июня 1920 г. Тквиави.

Заседание Полевого Штаба в присутствии генерала Квини-тадзе. Разрабатываем план затрашняго наступления. С раннего утра переходим в наступление всем фронтом, имея в центре Цхинвали.

Погода хорошая. НадолгиОли?

12-е июня 1920 ш. Дорога из Плависмани в Мережи.

Разсвет.

12-го мая мы перешли в наступление на Красный мост. 12 июня мы атакуем Цхинвали!

Я, Александр и Каргаретели идём с гурийцами на правом фланге. Сегодня мы должны занять высоту Кобиант и правым флангом упереться в Ванатскую крепость.

Возставших осетин несколько тысяч человек. И я знаю, что мы их легко опрокинем и погоним.

12-го июня 1920 г. Сарабуки. 10 час. утра.

Наша колонна уже вышла на Ортеви. Враз всюду в беспорядке бежит. Почти не сопротивляясь! Банда!..

И этих изменников надо жестоко наказать. Иного пути нет! И в этом несчастье.

12-го июня 1920 г. Сарабуки. 10 часов утра.

Наша колонна уже вышла на Ортеви. Враг всюду в беспорядке бежит. Почти не сопротивляясь! Банда!...

И этих изменников надо жестоко наказать. Иного пути нет! И в этом несчастье.

12-го июня 1920 г. Цхинвали. Ночь.

В 9 часов утра Цхинвали был взят нашим центром. Банды бежали. Отбили у противника несколько пулемётов и взяли пленных. Осетины бежали в горы и они очень плохо оборонялись. У нас почти нет потерь. Но среди гвардейцев страшное раздражение против неусыпных наших врагов и потому

уже горело несколько домов. Теперь ночь. И всюду видны огни!.. Это горят дома повстанцев... Но я уже привык и смотрю на это почти спокойно. Скрепя сердце!

Сегодня у нас была маленькая паника. Разнёсся слух, что осетины отрезали нас и даже главком поверил этому слуху и очень заволновался... Потом мы много смеялись...

13 июня 1920 г. Сарабуки. Полдень.

Через час выступаем вперёд. Наша правая колонна, усиленная сводным баталионом Илико Чачибая и горной батареей Джибо Канчели, сегодня, вечером, должна занять район Герисфахсена, а левая колонна должна к вечеру выйти на Курта. И завтра мы поведём решительное общее наступление на Джава! Наша колонна совершает глубокий обход и должна выйти в ущелье Губебисы.

Погода хорошая, но нет уверенности, что к вечеру она не испортится... Вчера была скверная погода, завтра же хочется ясного дня.

Сейчас мы лежим в тени большого орешника. Наши лошади звучно щиплют траву, и тут же ласково журчит горный ручей. Кругом весенняя, шумная тишина и мнимый, обманчивый покой. Временами закрываешь глаза и мысленно уносишься назад, в розовое детство и забываешь все ужасы и жестокости сегодняшнего дня. И на душе становится так легко, свободно и радостно. Потом вновь пробуждаешься! И нет уже покоя ни душе, ни телу. Да, нет покоя! И всюду вокруг нас горят осетинские деревни. Ужасная расправа, но иного пути нет. Мы не могли найти. И никто не мог его найти! Надо было или подавить восстание и спасти нашу демократию, или же погубить наше демократию и дать торжество кровавой Вандее. И мы без колебаний сделали выбор! Ибо мы уже устали от слов, от увещаний, от просьб. Мы уже два раза были мягки, гуманны и снисходительны. Мы были слишком милосердны и тогда не было ни одной жестокости, почти ни одного разстрела. Совершенно не было сожжённого дома! Лишь случайно сгорел тогда тогда в Эредви большой дом Павленова. Дворянский дом! И

это нас не особенно огорчало. Но наше милосердие, наша доброта были истолкованы как наша слабость, наше бессилие, как наша глупость. Да, именно как глупость! И нам устроили новое, более могучее возстание. Вандея вновь подняла голову и захотела сокрушить нас. И мы поняли, что нужно спасать страну, что настал момент, когда нужно вырвать собственное сердце и стать жестоким. Стать жестоким во имя вышнего милосердия, вершинной гуманности и высокой справедливости! Это не парадокс, это простой житейский факт. Ибо гораздо лучше наказать, разбить, уничтожить часть и спасти целое, чем, спасая единицы, разрушить и уничтожить целое! Лучше и милосерднее жестоко наказать, уничтожить южно-осетинскую Вандею, чем, спасая Вандею, погубить всю страну и Республику! Такова моя мораль! И так разсуждает моя социалистическая совесть. И какая злая, жестокая ирония судьбы! Осетины, эти безмолвные рабы старого самодержавия, эти верные псы наших помещиков и старых приставов, эти прирождённые стражники – теперь выступают в красной мантии, под видом революционеров. Впрочем – в ноябре они выступали, как денникинцы! А завтра они вновь выступят как агенты Турции! А наши гвардейцы, эти старые рабочие-революционеры, которые уже давно подняли знамя борьбы против самодержавия, которые арестовывались и разстреливались теми же осетинскими стражниками, теперь объявляются контр-революционерами и слугами помещиков!

Теперь здесь с нами Гурийский батальон. Когда их разорвал генерал Крылов, осетинские стражники помогали ему. А сейчас эти гурийцы объявляются контр-революционерами, а преступные стражники, разорявшие их в 1905 г., называются революционерами! Но мы ведь старые революционеры и умеем правильно расценивать явления. И мы знаем, что творим! Мы любим свободу, нашу демократию и Республику. Мы служим делу освобождения рабочего класса. И в интересах борющегося рабочего класса, в интересах грядущего социализма мы будем жестоки! Да, будем! Я уже скрепил сердце. Я со спокойной душой и с чистой совестью смотрю на пепелища и клубы дыма. Я сдерживаю, я убиваю боль

сердца, я заглушаю скорбь души и я совершенно спокоен. Да, спокоен!

Несмотря на все страдания и страшную трагедию, в которой изнывает душа...

Теперь мы все здесь – Александр, Каргаретели, Влас Мгеладзе, Доментий и Василий. И наш Джибо. Мы готовимся к завтраку и выступлению.

13-е июня 1920 г. Курия. Вечер.

Идёт страшный дождь. Все мы промокли. Мы кое-как приютились в маленькой, покинутой сакле. Задыхаемся в дыму, но ничего не поделаешь!

Баталион Чачибая идёт на гору Саболоко. Неприятель его усиленно обстреливает. Высокая красивая альпийская гора.

Сегодня ночуем здесь, а завтра снова в поход.

14-е июня 1920 г. Курия. Утро.

Провели тяжёлую и холодную ночь. Все до ниточки промокли, но настроение бодрое. Сегодня ясное, доброе утро. Для нас доброе, но для врага слишком злое.

Наши части уже двинулись вперёд. Первая рота гурийцев идёт на Гери и ведёт перестрелку с противником. Временами звонко и весело заливается Люис. Баталион Чачибая поднимается на Саболоко. Трудный, утомительный подъём, особенно под обстрелом. Но, к счастью, противник слишком плох.

Горят огни. Дома горят!..

С огнём и мечом!..

14-е июня 1920 г. Герис-Хати. 10 ч. утра.

Гурийская первая рота в 10 час. заняла Гери. Здесь у противника работало два пулемёта и он занимал неприступную позицию. Но противник очень робок и он «бежал быстрее лани, быстрее чем заяц от орла». У нас нет потерь.

Перед своим бегством осетины разгромили церковь. Сама церковь невзрачна, но у нея великолепное местоположение и она очень почитается в Карталинии. Отсюда чудный, волшебный вид во все стороны. Если бы было настроение наслаждаться красотой!

А огни горят и горят!..

Сейчас хорошая погода, но стали собираться тучи и вновь будет гроза.

Наша колонна почти уже выполнила свою задачу. Теперь очередь уже за колонной полковника Чхеидзе. Быть может, она уже в Джавах.

Осетины бегут и бегут. Бегут в горы, на снеговые горы! И там им будет холодно. Очень холодно!

Наш Влас Мгеладзе не умолкает. Он постоянно весел и бодр.

Нашу горную батарею всё время приходится возить на вьюках. Английские мулы великолепно ходят по горным тропам.

14-е июня 1920 г. Чвриви. Ночь.

Весь день провели в обходах и обхватах. Приходилось все высоты брать с боем, но неприятель защищался очень скверно, позорно. У него были пулемёты и были люди, он занимал неприступные высоты, но тем не менее совершенно не выдерживал нашего натиска. У нас ранено только несколько человек. Такого робкого, трусливого и коварного врага мы ещё не встречали. А позиции неприятеля действительно были неприступны. Деревни здесь расположены на больших высотах и, очевидно, осетины вообразили, что они вне пределов нашей досягаемости! Но теперь всюду огни... Горят и горят! Зловещие огни... Какая-то страшная, жестокая, феерическая красота... И озираясь на эти ночные, яркие огни, один старый товарищ печально сказал мне: «Я начинаю понимать Нерона и великий пожар Рима»...

Деревню Кимаси и господствующие над ней высоты мы заняли в 7 час. вечера. Я и Александр были с наступающей ротой. Приходилось взбираться на огромную высоту. Про-

тивник занимал её и обстреливал нас ружейным и пулемётным огнём. Приближалась ночь и надо было торопиться. Гвардейцы великолепно шли в бой. Многие из них были совершенно босы, но они не отставали от товарищей и не было у них слов упрёка. Я молча благодарил их. Сами гвардейцы очень радовались нашему присутствию среди них. Это придавало им бодрость и энергию. Александр еле передвигал ноги, но его никак нельзя было отговорить от наступления на гору. Я поражаюсь его настойчивостью, энергией и силой характера. Точно так же был неутомим, несмотря на болезнь, Михако Бажунайшвили. Он был совершенно нездоров, но не отставал от своей колонны.

Выше всяких похвал держались гурийские разведчики. Их было шестнадцать человек. И они под огнём неприятеля переправились через вздувшуюся Губебисы и взяли горную деревню. Это был подвиг!

А огни горят... Всюду горят!..

Сегодня нам пришлось брать огромные высоты. Свыше тысячи саженей! И у нас почти не было потерь.

15-е июня 1920 г. Джава.

Вчера, днём, наша центральная колонна вошла в Джава. Мы приехали сюда утром и вошли в связь с центральной колонной. Но противника мы не отрезали, ибо у него нет обоза и он вразсыпную бежал в горы и леса.

Джава – южно-осетинская столица. Это очень богатая и живописная деревня. Она сердце Южной Осетии. Виновица всех интриг, всех возстаний.

И это сердце надо вырвать!

15-е июня 1920 г. Джава. Звёздная ночь.

Горят огни. Бивуачные! Лагерь спит. Вокруг мёртвая тишина. Ночь ясная, тихая. Вдали – зарево пожара...

Сегодня мы созвали всех командиров частей, членов штабов и представителей от гвардейцев. Стоял вопрос о поджогах и мародёрстве. Единогласно решили прекратить

пожары, уничтожить мародёрство и установить строгий порядок. И сразу стало легче.

Завтра хочу ехать в Тифлис на социал-демократический съезд. Надо попасть туда и повести борьбу на два фронта. Особенно против оппозиции справа.

16-е июня 1920 г. Слияние Губебисы с Большой Лиавой. Позднее утро.

Восхитительный, чарующий день. Альпийские высоты сурово высятся к небу, а сиротливые, ясные облака лениво носятся над ними. Кругом сказочно, тихо. И эта звучная, ласкающая тишина, полная двойного шума сливающихся бурных рек – бодрит и укрепляет дух.

И среди этой сказочно красивой природы ширится и крепнет вера во что-то доброе, хорошее, яркое, красивое, что создается такими трудностями и этими жестокостями! Верится, что мы неизменно, хотя с тяжёлыми, почти нечеловеческими усилиями, идём к вершинной, царственной красоте. И начинаешь всей освежённой душой понимать, что жизнь, вся жизнь должна стать такой же высокой, чистой и красивой, как эти окружающие горы. И тогда уже не будет этих злоеющих огней, этой алеющей крови, этих страданий и стонов, проникающих в самую душу. Но это грядущее счастье не для нас. Нам не видать его. Мы только строим будущее счастье, счастье грядущих веков, а сами должны нести тяжёлый крест святого мученичества и правдного греха. Мы – обречённые, мы – жертва!.. Мы только мост грядущего и мы должны выдержать всю тяжесть современности. И я теперь, среди этой горной тишины, в этом своём святом одиночестве ярче чувствую всю необходимость общественной жестокости. В интересах целого надо жертвовать частью... Это моя заповедь! В этом прогрессивная общественная мораль...

Сейчас я задумываюсь над нашим вечерним собранием. Были созваны все представители действующих здесь народногвардейских баталионов, и мы обсуждали современное положение. Говорили все. Как равные среди равных! Говорили просто, без всяких прикрас. И после этих безхитростных,

совершенно простых речей ещё более крепла вера в человека, ещё ярче загорался факел человечности. И когда эти простые речи связываешь с действиями народногвардейцев, когда вспоминаешь этих гвардейцев, совершенно просто идущих на смерть, - начинаешь уважать, ценить, любить этих простых людей, этих безымянных героев. Я всё более убеждаюсь, что подлинным героем является масса, народ. Народ, сознавший свои интересы и пришедший в движение для их осуществления!.. И характерная вещь: после армянской войны в нашей Республике уже не раздаются знаки отличия, но наши гвардейцы сражаются не менее хорошо. Каждый старается работать по мере своих сил, за свою совесть, а не ради креста. И мне кажется – наступил момент, когда вовсе нужно уничтожить все знаки отличия...

И этих безымянных героев мы не должны забывать. Государство о них должно помнить, должно о них заботиться. Ибо они своею кровью создали это государство. И на съезде мне бы хотелось поставить все эти вопросы...

Теперь мы уже можем вести более прямолинейную, решительную, энергичную политику. И мы должны встряхнуть общество, мы обязаны довольно резко поставить основные социальные вопросы. Поставить во весь рост! Принципы социализации, а не коммунизма, должны найти широкое поле у нас. И государство обязано стать на путь широчайших социальных реформ...

Теперь у нас много ошибок, много недоделанного, даже недоговорённого, но нам мешали объективные условия. Проще – мешали внутренние и внешние враги. Теперь нам нужно многое договорить и ещё больше сделать. Во главу угла нашего строительства мы должны поставить интересы трудящихся масс и всё нужно приносить в жертву этим интересам. Да, нам слишком много ещё надо поработать.

Я здесь один со своим Иваном. Я жду подхода гурийского батальона. Ведь я их делегат на партийный съезд!

И около меня развевается красное знамя.

Гордо и одиноко.

Вчера закончился второй съезд социал-демократии Грузии. Съезд был довольно интересный, но работу его пришлось скомкать и спешно закончить, ввиду осложнившейся общей обстановки. Сегодня я и Захарий едем в Роки. Александр и Влас остались в Роках.

Думаем спешно демобилизовать Гвардию. Надо дать ей передохнуть и набраться свежих сил. Ведь у нас впереди ещё так много испытаний!

Вопрос о Батуме ещё не решён. Англичане уходят и не уходят! И надо быть чрезвычайно осторожным с Батумом. Чтобы не попасть впросак!..

25-е июня 1920 г. Роки. Утро.

Вчера приехали в Роки. Большая, грязная, горная деревня. Последняя северная наша деревня! У каждого дома высокая, старая башня, но она не защитила никого... Деревню Роки наши взяли с боем. И бойцы отбили у противника под перевалом несколько пулемётов. Наша горная артиллерия под руководством Каргаретели навела ужас на осетин. Они поспешно бежали и даже не пытались защищать перевал.

Перевал отсюда совмес близок. Но дорога туда отвратительная. Сейчас перевал свободен от облаков и имеет суровый, красивый вид. Хочу сегодня побывать на перевале...

Мы уже начали смену частей. Эти батальоны слишком много и хорошо поработали. Они должны отдохнуть. Они имеют на это право.

Деревня Роки совершенно пуста. И все деревни кругом опустели! Большинство населения бежало за перевал, оставшиеся укрылись в лесах и горах.

25-е июня 1920 г. К перевалу. Полдень.

Наши лошади очень устали и мы спешили. Едем на перевал: генерал Кониев, Каргаретели, Захарий Гурули, Тате Шушиашвили, Миша Мариамидзе и я. Дорога очень скверная, и душетские гвардейцы, идущие сменять мингрельцев,

медленно тянутся по извивам горной тропы. Но они хорошие ходоки и легко придут на перевал.

Несколько дней тому назад здесь разыгрался последний бой. У осетин было несколько пулемётов и они упорно сопротивлялись. Именно в том самом месте, где мы теперь отдыхаем. Но наш горный взвод метко обстрелял их и они, бросив пулемёты и лошадей, бежали за перевал. И только спустившаяся ночь спасла их и помогла бежать. И на этом месте был убит славный народногвардеец Тугуши и были ранены ещё два гурийца, когда они хотели подобрать смертельно раненого товарища. Сейчас здесь всюду разбросано много стреляных гильз. И дорога изрыта гранатами. Вспоминается Чолок. И там, и здесь работала артиллерия Каргаретели!

Погода чудная, ясная. Отсюда величественный, грандиозный вид. На горах ещё всюду снег.

25-е июня 1920 г. Рокский перевал. Час дня.

Мы только что перевалили через хребет. Сейчас мы уже в Терской области над деревней Кесати кау. Здесь целая группа горных осетинских деревень. А кругом высокие, зелёные горы, увенчанные снегами. Лесов совершенно нет. Природа суровая и бедная. И всюду много скота. Южно-осетинского скота!

На северном склоне перевала глубокий снег. И мы долго шли по этому снегу.

На перевале очень холодно. Ночью будет мороз, и славные гвардейцы будут зябнуть. На перевале нет никакого жилья и всё время дует холодный ветер. А в Тифлисе теперь безумно жарко. И разленившийся, пресыщенный обыватель спешит на дачу. И всю трудность строительства и устройства новой жизни приходится выносить на своих плечах активному меньшинству. И потому так горячо люблю я это меньшинство. Люблю этих народногвардейцев! И потому вместе с ними я с радостью ношу тяжёлый крест. Несмотря на всю жестокую тяжесть креста, я доволен, я как будто даже счастлив. Я говорю себе: в самое интересное, великое время

живём мы, и грядущие поколения часто будут завидовать нам. Но всё же тяжело!.. Слишком тяжело строить новое государство. Огнём, кровью, железом и слезами строится оно! Но иного пути нет. К несчастью и к ужасу – нет...

25-е июня 1920 г. Элбакянт-Кари. Глубокая ночь.

Из Роки выехали поздно и до Джава не удалось доехать. И мы и лошади очень устали. Ночь лунная и роскошная. И было сказочно хорошо ехать по берегу бурной Лиахвы. Сейчас нас угощают товарищи самтрედцы. Ночуем под звёздным небом.

26-е июня 1920 г. Элбакянт-Кари. Утро.

Ночевали не под небом, а под дождём! Как только улеглись – пошёл дождь и некуда было деваться. А на перевале была страшная, холодная ночь. Даже днём, при ярком солнце мы там продрогли. И всё это приходится выносить народногвардейцам. Во имя общего блага!..

26-е июня 1920 г. Кемерта. 10 час. утра.

Закончилась рокская операция. Я, полковник Чхеидзе, Каргаретели и доктор Цинцадзе едем в Тифлис. Александр уже в Тифлисе. В Роках остались Захарий Гурули и Кониев. Мы демобилизуем все баталионы, за исключением двух мингрельских и одного тифлисского. Но эти баталионы, особенно два первых, слишком утомлены. И их надо скорее сменить. Вопрос о смене самый острый, самый сложный и больной вопрос. Демобилизация неизбежна – так как без нея крестьянские баталионы буквально гибнут. Ведь теперь самый разгар полевых работ! Но, вместе с тем, необходимы и вооружённые силы для защиты Республики. И эти два момента необходимо гармонически сочетать. Конечно, в кабинетах можно издавать всевозможные постановления и приказы – подчас очень хорошие – но все они должны строго соответствовать жизненной были. И на это у нас, к сожалё-

нию, не всегда обращается внимание. Многие просто считают, что у нас несколько десятков тысяч вооружённых людей. Это их радует и делает очень воинственными. Но они не знают, что в большом количестве вооружённых людей наша величайшая слабость. И не только наша. Мобилизованная армия, которую долго держат под ружьём, легко разлагается и легко может стать своей противоположностью. И в этом величайшая опасность для большевиков!

Итак, конец новой войне. Этой последней войне! Эта война не принесла нам большого урона – за всё время похода у нас убито несколько человек и около двадцати ранено. Это самая безкровная для нас война. На Азербайджанском же фронте потеряли около 50 человек убитыми и до 250 ранеными. Но тогда мы имели дело с советскими войсками. Но здесь были возставшие банды и они не могли нам оказать серьёзного сопротивления. И эти банды жестоко поплатились, и южно-осетинская Вандея будет долго помнить эту несчастную войну.

На очереди теперь у нас Батум.

ВОЗВРАЩЁННЫЙ БАТУМ

3-го июля 1920 г. В вагоне.

Наконец-то! Возвращённый Батум!.. Это окончательно решено. Батум уже наш. Мы проехали Гори и едем в Батум. Завтра наши отряды вступают в Махинджаури. С нашим поездом едет полковник Стокс. Это он привёз нам благую весть о возвращении Батума!..

4-е июля 1920 г. Ранне утро.

Переезжаем Чолок. Нашу несчастную, но славную границу! Пробуждается ясный, радостный день. И этот день нам приносит счастье.

Солнце ещё не взошло. Но оно взойдёт. Уже восходит. Яркое солнце освобождённой Грузии!

4-е июля 1920 г. Чаква. 7 час. утра.

На броневике № 1 мы въехали в Чакву. Уже два с лишним года здесь не были наши броневики.

Впереди всех едет английская дрезина с английскими офицерами, затем пустой состав, далее наш броневик, потом первый полк, опять броневик и вновь эшелон.

Настроение у всех чудное, светлое. Местные грузины встречают нас с озорными лицами, а у приютившейся здесь русской аристократии и буржуазии подавленное настроение... Нам всем свободно, легко дышится. Ведь осуществляется наша старая, почти увядшая мечта! Сейчас здесь наша старая, тёплая компания: Александр, Сосо, Яков, Наполеон, Володя Гогуадзе, Георгий Химшиев и я. Генерал Квинитадзе едет с эшелоном.

И какое счастье, какая победа, что мы вступаем в Батум без боя. Теперь нам надо удержать его. Тоже без боя!

Счастливый день!..

4-го июля 1920 г. Барсхана. 9 час. утра.

Мы в Батумской Нахаловке. Барсхана – колыбель нашего рабочего движения, это наше старое, славное знамя!.. Александр здесь встретил многих своих товарищей. Они трогательно жали друг другу руки и целовались. Даже Александр расчувствовался. А у Наполеона на глазах были слёзы! Население Барсханы нас встретило восторженно и невыразимо тепло. Детишки были с флажками и приветствовали нас.

И радовалась душа. Хорошо!

Кое-где здесь уже стали мелькать батумские народногвардейцы. Целый Батумский баталион вырос из земли! Он создавался тайно, изо дня в день, и англо-деникино-большевистская полиция не могла обнаружить его. Батумские рабочие доказали, что они остались старыми революционерами и хорошими конспираторами!

4-е июля 1920 г. Батум. 3 часа дня.

Мы уже в Батуме. Наши два бронепоезда стоят на товарной станции.

Батум уже наш.

Весь наш!..

4-е июля 1920 г. Батум. Ночь.

Закончился день. Большой исторический день! Уже глубокая ночь. Лунная, тихая, морская ночь... И море спит...

Александр уже уехал в Тифлис, а я, Георгий, Наполеон и Яков только что вернулись с моря. Нам было хорошо, и сладкая дрема овладевала нами.

За этот день был целый океан переживаний. Ездили на Аджарис-Цхали и в городок. Красивые, богатейшие места. И вновь пробуждались воспоминания и окрылялась мечта. Ведь в Городке я провёл лучшие годы своего детства! И с светлой, но грустной радостью я озирался назад. Но воспоминания уже поблёкли. Их ничто не освежит...

Наши войска расположились лагерем около Барцханы. 7-го мы официально вступаем в Батум. Со всей торжественностью! Но фактически мы уже в Батуме!

Барцханская демократия в восторге от нашего приезда. Особенно неподражаемы были дети. И я долго не забуду светлой радости маленького Шуры Эбраелидзе. Его детская, святая радость глубокого трогала нас.

5-е июля 1920 г. Батум. Ночь.

Сегодня мы произвели смотр Батумскому баталиону Народной Гвардии. Этот славный, нелегальный баталион точно вырос из земли. Генерал Кукколис был этим очень озабочен!

Батумский баталион произвёл великолепное впечатление... Власть и я говорили речи.

8-е июля 1920 г. Батум.

Вчера был исторический день. Наши войска и маленькие части Гвардии вступили в город! Батум имел праздничный, подвенечный вид. Население встретило нас тепло, восторженно. В 6 час. вечера состоялся парад вместе с союзными войсками. В 7 час. вечера, при звуках французского и английского гимнов, были медленно спущены английский и французский знамёна. И при торжественных криках «ваша!», при ликующих возгласах многочисленного народа и под звучные звуки «Дидеба» -красиво распустилось наше знамя!..

Это была величественная, потрясающая картина. Генерал Кукколис впился глазами в знамя, а у английского матроса, спускавшего флаги, дрожали руки...

Батум окончательно наш.

8-е июля 1920 г. Батум. Глубокая ночь.

Сегодня мы большой команией осматривали дредноут «Император Индии». С нами были Эшмаки и Сосо Мдивани. Дредноут произвёл на нас колоссальное впечатление. Особенно поражают тяжёлые орудия, приводящиеся в движение электричеством. Людей почти не видно, а орудия легко движутся и быстро заряжаются.

И рядом с удивлением, рядом с восхищением росла грусть. На что расходуется человеческий гений! И на что тратится колоссальное количество моральных и материальных сил?! Ведь уже давно можно было весь мир превратить в сплошной сад!

Мысли возвращаются к вчерашнему дню. Этот день чрезвычайно важный и он должен стать нашим праздником. Население с неподдельным восторгом встречало войска и Гвардию. Но, к сожалению, Гвардии почти не было здесь. Была лишь сотня конного дивизиона и новый батумский баталион. Отсутствие Гвардии несколько угнетало нас. Ведь Гвардия там много крови, энергии и сил положила вокруг Батума! И она была достойна ввода в Батум. Но, повидимому, некоторые не хотели этого. Но ничего! Мы гордо встряхиваем головой и говорим: «Если бы Батум пришлось брать с боев,

Гвардия, наверное, первая вошла бы в Батум. С развёрнутыми, победными, красными знамёнами! Но теперь боёв не было. Был только праздник, был парад и Гвардия поставили в хвосте...

В Батум вошло много войск. Во главе войск ехали генерали Квинитадзе, Гедеванов, Захариадзе, а во главе Гвардии я, Наполеон Кахиани, Яков Хараш и Георгий Химшиев. Население забрасывало нас цветами...

Да, был хороший, замечательный день. А самое выдающееся, самое большое заключалось в спуске союзнических знамён и в поднятии грузинского штандарта. Была гробовая, жуткая тишина. Английский большой оркестр сыграл английский гимн, и медленно снизилось английское знамя. Молчание продолжалось. Потом сыграли марсельезу и стали спускать французский флаг. И снова всё молчало. Все были проникнуты высоким, историческим настроением. Наконец, оркестр народногвардейского конного полка сыграл грузинский гимн, и бойко взвился наш штандарт. И весь народ стал дико, восторженно аплодировать! Все громко кричали «ваша!». Это был яркий, неподдельный восторг, прорвавшийся через страшную плотину двухлетнего плена. И уже нет плотины и не будет ея. Никогда!

И теперь Батум вновь стал таким простым, милым и родным, таким доступным, что кажется, будто мы никогда не уходили из него, будто вовсе не было этой мучительной тяжкой и позорной разлуки! Да, теперь Батум наш. Весь наш! Мы забываем все горести и печали минувших дней. Теперь я забываю тяжесть святого креста...

9-е июля 1920 г. Батум. Ночь.

Сегодня уехал генерал Кукколис с английскими войсками. Наши их провожали с музыкой. Кукколис и английские солдаты были очень довольны. Повидимому, генерал не ожидал таких сердечных проводов: ведь он так много напортил и повредил нам! Но мы не злопамятны. Мы уже всё простили. Но не всё забыли!

На проводах был и полковник Стокс. Его лицо мне очень нравится. Он похож на древняго римлянина с энергичным, властным лицом. Он много хорошего сделал для нас, и возвращение Батума тесно связано с его именем.

Английские солдаты неистово аплодировали нашей зурне и веселло пели. Мы расстались друзьями.

И вновь мы остались одни!.. Без английских помех, но и без надежды на их помощь. И между севером и югом мы вновь одни. Совершенно одни! Мы предоставлены только самим себе, исключительно своим собственным слабым силам.

Но мы верим в себя. Верим в торжество своего рабочего дела, и наши силы множатся.

Мы победим!.. И нас никто не победит.

Мы ни на кого не нападаем и никогда не нападём! Но мы сохраним свою свободу, свою демократию, свой рабочий класс. Или погибнем в борьбе!..

13-е августа 1920 г. Тифлис.

Заседание Учредительного Собрания.

Жаркое лето. Депутаты изнурены зноем и вяло слушают чтение декретов. Никому не хочется говорить. Все хотят отдыха. И скоро каникулы.

У меня болит рука и я с трудом пишу. Вчера у нас были манёвры. Из кустов выскочил заяц и я помчался за ним. Но были рытвины и моя славная «Лэди» упала на скалу. Меня немного помяло. Не надо было гнаться за зайцем! Тем более за двумя...

Завтра Евгений едет в Европу. Я хочу провожать его до Абастумана. Там большой Ной.

Поездка Евгения необходима. Он должен дать веней нашей работе. Думаю, что в Европе его будут внимательно и хорошо слушать.

Скоро в Советскую Россию едет наша рабочая делегация. Во главе ее стоит Александр. Мы с трудом уступили Александра. Но роль делегации чрезвычайно важна.

Большевики заключили с Арменией перемирие. Зангезур и Карабах занимают советскими войсками. Несчастную Польшу большевики громят.

На всех наших фронтах затишье. Кажется, большевики больше не двинутся на нас. Хочется верить в это. Но мы тем усиленнее готовимся к войне. Мы хотим мира и готовы к войне!

Урожай у нас хороший. Дух народа окреп. Окреп в тяжёлых испытаниях.

И почти нет креста. Тяжёлого креста!..

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Я не думал, что мои «Записки» попадут в печать. По крайней мере, так скоро! Я это считал ненужным, неудобным и даже неинтересным. И когда впервые тов. Войтинский предложил мне напечатать их в «Борьбе», я отказался. Потом я ещё долго отказывался и ещё дольше колебался. И, тем не менее, в конце концов, решил их напечатать. Я убедился, что эти «Записки» принадлежат не мне, что в них описывается крупнейшее и совершенно новое явление в нашей жизни и что даже настроение дневника принадлежит больше обществу, чем мне... Я совершенно случайно оказался лишь сосудом, воспринимающим и изливающим те настроения, которые широко разлиты в некоторых кругах нашего общества. И я решился...

Правда, о некоторых моих переживаниях и фактах пришлось умолчать. Я считал, что дальнейшее выявление интимных настроений уже было бы решительным самообнажением. И потому я предпочёл похоронить их на дне своей души. Но кто знает, быть может, и сказанного слишком много?! Быть может, я не имел права и на эту откровенность?!.. Да, этого никто не знает. Но я твёрдо знаю одно:

Революция сделала меня активным участником вооружённой защиты интересов демократии. Это очень почётное, тяжёлое, святое и преступное дело. Революцию нельзя делать в лайковых перчатках! Часто грязнятся не только руки, но и душа...

Но у кого хватит смелости и честности бросить в меня камень?!..

Ведь этот камень упадёт на наши могильные холмы.

На бесконечные холмы!..

И останется боль.

Жестокая, неумирающая боль!..

ИЗДАТЕЛЬСТВО КНИГ АЛ. АРАБИДЗЕ

- 1)*⁴ З. Чичинадзе. – Акакий. – Биография. – Тбилиси 1897 г.
- 2)* Его же. – Н. Николадзе. – Тбилиси 1897 г.
- 3)* В честь 50-летия Грузинского театра. – Кутаиси 1900 г.
- 4) Мих. В. Хелтуплишвили. – Вступление Грузии в состав Российской Империи. – Кутаис 1901 г.
- 5)* Том Генри Гексли. Причины явлений органической природы. Пер. Г. П. Сургуладзе. – Кутаиси 1901 г.
- 6)* Максим Горький. Повести. Пер. С. Робакидзе. – Кутаиси 1920 г.
- 7)* Т. Хускивадзе. – Константинэ Батонишвили. – Кутаиси 1902 г.
- 8)* В честь юбилея 25-летия Васо Абашидзе. – Кутаиси 1903 г.
- 9)*Ф.Кон.Царство клеток. Пер. Г. Шавиаи. – Кутаиси 1902 г.
- 10)* Одна пачка писем. – Кутаиси 1902 г.
- 11)* Ал. Месхишвили. В ролях. 20 открытых писем. – Петербург 1904 г.
- 12)* Портреты грузинских писателей. – 25 открытых писем. – Петербург 1904 г.
- 13) К теории Социализма. – Перевод К. М. С журнала К. Каутского «Neue Zeit». – Петербург 1905 г.
- 14) К. Каутский. – О национальном вопросе в России. – Петербург 1905 г.
- 15) Проф. Н. Я. Марр. – Из Гурийских наблюдений и впечатлений. – Петербург 1905 г.
- 16) Д-р Паненек. – Религия и Социализм. – СПб. 1905 г.
- 17) Г. Штребель. – Чего хочет С. Д.? – СПб. 1905 г.
- 18) Эмиль Вандорвельде. – Борьбе за женское избирательное право в Бельгии. – СПб. 1905 г.
- 19) Леван Кипиани. – Студенты. – СПб. 1905 г.
- 20) В. О. Щегло – О поддержке левых. (Конфисковано.) – Петербург 1906 г.

⁴ Номера со звёздочкой в книге даны на грузинском языке.

- 21) В. О. Шегло. – Политическая стачка в России и революционная борьба. (Конфисковано.) – Петербург 1906 г.
- 22) А. Хаханов. – Два Эскиза из культурной жизни Грузин. – Петербург 1906 г.
- 23) А. И. Чхенкели. – Три короля. (Конфисковано.) – СПб. 1906 г.
- 24) Его же. – Филистёрствующий премьер и Великая революция. – Петербург 1906 г.
- 25) К. Каутский. – Реферат о К. Марксе. – Петербург 1906 г.
- 26) Его же. – Государственная Дума. – Петербург 1906 г.
- 27) Его же. – Американский рабочий. – Петербург 1906 г.
- 28) В. Зомберт. – Промышленность. – Петербург 1906 г.
- 29) М. С. Мамия Орахелашвили. – О баррикадной и уличной борьбе. (Конфисковано.) – Петербург 1906 г.
- 30) Возникновение Германской Соц.Дем. - Петербург 1906 г.
- 31) В. А. Старосельский. Кавказская драма. – Петербург 1906 г.
- 32) Проф. Н. Я. Марр. – История Грузии. (Конфисковано. Арест снят). – Петербург 1906 г.
- 33) А. Хаханов. – Первый Грузинский драматург Кн. Г. Д. Эристов. – Петербург 1906 г.
- 34) Проф. Л. Брентано. – Этика и народное хозяйство в истории. – Петербург 1906 г.
- 35) Алекс. Новиков. – В чьих руках должна быть власть над народом. – Петербург 1906 г.
- 36) Б. Гейнер. – Элегия и др. рассказы. (Конфисковано.) – Петербург 1906 г.
- 37) Л. – Г. С. Ю. Витте и падение русского государственного кредита. – Петербург 1907 г.
- 38)* Мелитон Баланчивадзе. – Романсы. – Тебя обожаю вечно. – СПб. 1906 г.
- 39)* Его же. – Нана дочка. – СПб. 1906 г.
- 40)* Его же. – Когда-то увижу. – СПб. 1906 г.
- 41)* Его же. – Бог Всемогущий. – СПб. 1906 г.
- 42)* Его же. – Деревья распустили листья. – СПб. 1906 г.
- 43) С. Л. Авалиани. – Земельные комитеты и их задачи. – Петербург 1917 г.
- 44) Его же. – Кооперация и Социализм. – Петербург 1917 г.

- 45) Его же. – Земельный вопрос в России и Кооперация. – Петербург 1917 г.
- 46) Его же. – Земельный вопрос в программе партии С. Р. – Петербург 1917 г.
- 47) Его же. – Политическая задачи кооперации. – Петербург 1917 г.
- 48) Его же. – Земельный вопрос в России. – Петербург 1917 г.
- 49) Его же. – Что такое Национализация и Социализация земли. – Петербург 1917 г.
- 50) Его же. – Национальный вопрос в России. – СПб. 1917 г.
- 51) Н. Я. Николадзе. – Переговоры священной дружины с партией «Народной воли» в 1882 году. – Петербург 1917 г.
- 52) Речи Н. С. Чхеидзе. – Том 1. – Петербург 1917 г.

К н и г о и з д а т е л ь с т в о «Л У Ч»

Ал. Арабидзе и А. Имнашвили

В Петрограде.

- 53) Речи И. Г. Церетели. – Петербург 1917 г.
- 54) Хитрая механика. – Петербург 1917 г.
- 55) Дикштен. – Кто чем живёт. – Петербург 1917 г.
- 56) П. Лафарг. – Проданный аппетит. – Петербург 1917 г.
- 57) Гед и Лаферг. – Чего хотят С. Д. – Петербург 1917 г.
- 58) К. Каутский. – Классовые интересы. – Петербург 1917 г.
- 59) К. Каутский. – Социальная революция. – Петербург 1917 г.
- 60) К. Каутский. – На другой день после соц. рев. – СПб. 1917 г.
- 61) Мих. Люсня. – Суд и Социализм. – Петербург 1917 г.
- 62) Б. Свидерский. – Труд и капитал. – Петербург 1917 г.
- 63) Ольгович. – Закон о волостном Земстве. – Петербург 1917 г.
- 64)* Васо Абашидзе. – В ролях. (Портрет.)
- 65)* Портрет Вал. Гтния.
- 66) Ольгович. – Федерализм в России. – Петербург 1917 г.

- 67) Фёд. Волькенштейн. Рабочее правительство. – Коммуна. – Петербург 1917 г.
- 68) П. Лафарг. – Поклонение Золоту. – Петербург 1917 г.
- 69) А. Ельницкий. – Азбука политики. – Петербург 1917 г.
- 70) Беллами. – Сказка о воде. – Петербург 1917 г.
- 71) Emig Junger. – Жизнь. – Борьба. – Петербург 1917 г.
- 72) Антон Паненек. – Раздел добычи. – Петербург 1917 г.
- 73) Г. Б. Морхлевский. – Что такое политическая экономия и чему она учит. – Петербург 1917 г.
- 74) Август Бебель. – Государство будущего. – Петербург 1917 г.
- 75) Г. Штерн. – Государство будущего. – Петербург 1917 г.
- 76) Жюнь Гед. – Социализм и Государств. предприятия. – Петербург 1917 г.
- 77) Г. Штерн. – Исторический материализм и теория прибавочной ценности Маркса. – Петербург 1918 г.
- 78) Клара Цеткина. – Женщина и ее экономическое положение. – СПб. 1918 г.
- 79) А. Бебель. – Общество будущего. 2-ое изд. – СПб. 1918 г.
- 80) Артур Арну. – Народная история Парижской коммуны. – Петербург 1918 г.
- 81) В. Блос. – История Французской революции. – СПб. 1918 г.

И з д а т е л ь с т в о к н и г

Ал. Арабидзе и товарищество

г. Тбилиси

- 82)* Евалди. – Детские сказки. – Тбилиси 1918 г.
- 83)* Мижуев. – Организация учителей в Америке. – Тбилиси 1918 г.
- 84)* Самсон Пирцхалава. – Национальность и национальная свобода. – Тбилиси 1918 г.
- 85)* Павле Сакварелидзе. – Республики. – Тбилиси 1918 г.
- 86) Речи И. Г. Церетели. Том II. – Тифлис 1918 г.

- 87)* К. Микеладзе. – Конституция демократического государства и парламентские республики. – Тбилиси 1918 г.
- 88) Н. С. Чхеидзе. – Речи. – Том II. – Тифлис 1919 г.
- 89) Н. Я. Николадзе. – Луи Блан и Гамбетта. – Тифлис 1919 г.
- 90) Проф. А. А. Цагарели. – Непререкаемые права Грузии. – Тифлис 1919 г.
- 91)* Провозглашение независимости Грузии. – Тбилиси 1919 г.
- 92)* Сиео Чантуришвили. – Пушок. – Тбилиси 1919 г.
- 93)* Ал. Церетели. – Всемирная история. I. – Тбилиси 1919 г.
- 94)* Д. Узнадзе. – Древняя история. – Тбилиси 1919 г.
- 95)* И. Николаишвили. – Краткая грузинская грамматика. – Тбилиси 1919 г.
- 96) Я. Зедгинидзе и В. Джапаридзе. – Методическая Хрестоматия. – Тифлис 1919 г.
- 97)* Г. Церетели. – Карманная книга, «товарищ». – Тбилиси 1919 г.
- 98)* С. Ияшвили. – Ботаника. – Тбилиси 1919 г.
- 99)* Настенный календарь Грузии. – Тбилиси 1919 г.
- 100)* Ал. Церетели. – Всемирная история. II. – Тбилиси 1920 г.
- 101)* Якоб Зедгенидзе. – Новый грузинский алфавит. – Тбилиси 1920 г.
- 102)* И. Зедгенидзе. – Обучение алфавиту. – Тбилиси 1920 г.
- 103)* Конституция Германии. – Тбилиси 1920 г.
- 104)* Настенный календарь Грузии. – Тбилиси 1920 г.
- 105)* Гер. Кикодзе. – Политические письма. – Тбилиси 1920 г.
- 106)* Портрет Ноэ Жордания. – Тбилиси 1920 г.
- 107)* О. Хвольсон. – Можно ли использовать законы физики для всего мира. – Тбилиси 1920 г.
- 108)* Хр. Шарашидзе. – Поэт боевого мышления. – Тбилиси 1920 г.
- 109)* И. Гомелаури. – Гигиена ученика. – Тбилиси 1920 г.

- 110)* И. Джишкариани. – Прошлое Древнего Востока и жизнь в шкуре. – Тбилиси 1920 г.
 111)* Ш. Амирэджиби. – Записки. – Тбилиси 1920 г.
 112) Н. Я. Николадзе. – Армяно-Грузинские отношения. – Тифлис 1920 г.
 113)* П. Сакварелидзе. – Конституция Чехии. – Тбилиси 1920 г.
 114) Г. Хундадзе. – Советская власть в России. – Тифлис 1920 г.
 115) Валико Джугели. – Тяжёлый крест. – Тифлис 1920 г.

И з д а т е л ь с т в о к н и г

«Молодая Грузия»

Н. Накашидзе и Ал. Арабидзе

- 116) Сказки Андерсена. – Тбилиси 1920 г.
 117)* Ст. Дзимистришвили. – Птица-воробей. – Тбилиси 1920 г.
 118)* И. Евдошвили. Две сироты. – Тбилиси 1920 г.
 119)* Кор. Нинидзе и Ал. Цискаридзе. – Правовое учение. – Тбилиси 1920 г.
 120)* Гр. Натадзе. – Первобытная культура. – Тбилиси 1920 г.
 121)* Проф. Иос. Кипшидзе. – Мингрельские сказки. – Тбилиси 1920 г.
 122)* Л. Киачели. – Камень мечты. – Тбилиси 1920 г.